

Гельмут Полле
Эрвин Полле

ОТЕЦ И СЫН

Фрагменты семейной хроники в двух частях

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

История семьи русских (советских) немцев в 20-м веке. Диалогия. Первая часть "Так было!" написана папой, хирургом в Германии. Вторая часть "Русский немец. Рядовая (?) история" написана, сыном, химиком в России.

Книга издаётся в юбилейный для папы (100 лет со дня рождения) 2014-й год без исправлений и дополнений в написанный и одобренный им текст. После ухода папы в 2002 г. и благодаря попаданию книги в интернет, обнаружено немало "пропавших" родственников, включая детей, казнённых чекистами детей дядей Эдгара и Артура, проскитавшихся юные годы по детдомам. Всё это можно прочитать на странице сына в Самиздате (http://samlib.ru/p/polle_e_g/).

Иллюстрированный вариант диалогии папа, увы, не смог увидеть и оценить.

ТАК БЫЛО!

*Из жизни
советских
(русских) немцев.*

© Г. Х. Полле

Папенбург (ФРГ), 1996 г.

РУССКИЙ

НЕМЕЦ

Рядовая(?) история

© Э.Г.Полле

Томск, 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАК БЫЛО!

Предисловие -----	9
Крым, Украина, Казахстан -----	10
Трудармия (концлагерь) -----	22
Челябинск-40 -----	34
Колыма -----	40
И опять Казахстан -----	50
Германия -----	56
Приложение 1. Часть родового дерева семьи Полле -----	58
Приложение №2. Послесловие сына -----	59

РУССКИЙ НЕМЕЦ

Введение -----	61
Уштобе (1941-1946) -----	65
<i>Папа и мама</i> -----	66
Челябинск-40 (1946-1951) -----	70
<i>Бабушка</i> -----	71
<i>Тётя Муся</i> -----	78
<i>Вельда</i> -----	81
Джелгала, Ягодное (1951-1954) -----	86
Талды-Курган, Текели (1954-1958) -----	97
<i>Тётя Марта</i> -----	97
<i>Дядя Роберт</i> -----	104
<i>Дядя Отто</i> -----	105
<i>Тётя Вельда</i> -----	111
<i>Тётя Луиза</i> -----	112
Томск (1958-1964) -----	116
<i>Нина</i> -----	133
<i>Эльвира</i> -----	138

БАРНАУЛ (1964-1968) -----	141
<i>Игорь</i> -----	155
Тюмень (1968-1977) -----	165
Томск (1977-1996) -----	245
<i>Надя</i> -----	247
<i>Юлия</i> -----	253
Заключение -----	281

Полле Гельмут Христианович

Полле Эрвин Гельмутович

26.05.98 г. Папенбург. Отец и сын.

ТАК БЫЛО!

*Из жизни
советских
(русских) немцев.*

© Г. Х. Полле

Папенбург (ФРГ), 1996 г.

Предисловие

В этих кратких воспоминаниях желаю дать некоторые представления о моей жизни и деятельности в разные периоды, в разных регионах СССР: чаще жили и работали там, где блестела колючая проволока и резко ограничивались права человека. Везде тяжелым грузом национальная принадлежность – **немцы**. Мои далёкие предки приехали в Россию из Германии (Эльзас) в период 1740 - 1762 гг.

Эти записки должны сохраниться у правнука Михаила Полле (сын Игоря) и быть доступны каждому для ознакомления. Сведения о нашем родовом дереве прилагаю.

Особое удовлетворение в моей жизни дала мне моя хирургическая деятельность и уверен, что многие спасённые меня вспоминают. Благодарю всех, кто вспоминает добром и глубоко сочувствую тем, кому моя помощь оказалась недостаточной.

Война была смертельным ударом по советским немцам.

В сентябре 1992 г. переехали на родину далёких предков – в Германию.

Папенбург, Papenburg, Niedersachsen, BRD.

Ноябрь-декабрь 1994 г.

Г.Х.Полле.

Крым, Украина, Казахстан

Родился 22 апреля 1914 года в деревне Сарыбаш в Крыму, в крестьянской семье. Нас было 7 братьев, сестрёнка умерла в годовалом возрасте. Моя мать – Доротея Полле умерла, когда мне было 7 месяцев, кроме меня были братья Фридеберт (4 года) и Эдгар (2 года). Отец и мать были дальние родственники. Никогда не чувствовал, что меня воспитывает мачеха, но старшие братья это понимали, особенно Эдгар. Появились ещё братья: Артур – 1916 г.; Теодор – 1917 г.; Роберт – 1922 г. и Отто – 1926 год.

1914 г. Дед-вдовец. На коленях папа.

Семья жила дружно, мы никогда не слышали ссоры родителей. Материально жили скудно, помню

были у нас лошадь, корова и некоторое количество овец. Жили в большом доме с огородом и садом. Дом принадлежал дедушке, которого я с трудом помню. О смерти дедушки и бабушки (отца и матери) не помню, их облик помню смутно. В саду были яблони, груши, вишня, абрикосы, урюк и очень много шелковицы. Последнюю особенно любили и мама готовила разные блюда.

Дед – Христиан Полле (1880-1934).

У отца было 3 брата и сестра. Все они жили лучше нас, имели свои дома и хозяйства. Несмотря на это, требовали раздела родительского дома. В один осенний день (год не помню) крыша нашего дома рухнула и мы оказались в маленькой летней

кухне на дворе. О ремонте не могло быть и речи, так и жили.

Мачеха папы – Эмма Полле (1894-1951).

Сарыбаш – была небольшая деревня, примерно, в 40 дворов, расположенная в степной части Крыма, где основная проблема – вода. Колодцы были глубиной в 90-100 метров. Воду из колодцев поднимали бочонками, прикреплёнными канатом к деревянному барабану диаметром в 7 метров, который вертелся конной тягой. Одна бочка опускалась, другая поднималась. К колодцу была пристроена ёмкость, куда вода сливалась. Для

освобождения бочонков от воды, надо было опираться на деревянную оградку, которая отделяла человека от колодца. Жители деревни везли воду в больших бочках, закреплённых на телегах. Во всей деревне было 2 колодца и качали воду по очереди. Плодородной земли в округе было мало, местность гористая, но хорошие пастбища. В 2-3 км от деревни был небольшой пруд, наполнявшийся весенними водами, а к осени почти высыхал. На этом пруду жило много птиц, особенно серый журавль и поэтому у всех жителей деревни жили дома вместе с домашней птицей журавли. Круглый год они не улетали.

Папа

Сарыбаш находился в 60-ти км от Симферополя и 50-ти км от Евпатории. Эти два

города были местами сбыта продукции деревни и приобретения всего необходимого для хозяйства. В нескольких километрах от Сарыбаша была большая татарская деревня. Люди двух деревень хорошо друг друга знали. Особо хорошие отношения были у нас, у ребят. Мы бегали друг к другу, играли. Я хорошо знал татарский язык, но всё забыл.

В Сарыбаше в 1922 году пошёл в 1-й класс. Школа – отдельное большое здание. Две классные комнаты: одна для зимы, другая для осенне-весеннего периода. Было четыре класса. Занимались все в одной комнате. Учитель был один – Кусмауль, очень хороший учитель и человек, но строгий. Для наказания применял деревянную четырёхгранную линейку. Преимущественно бил по ладоням (Tatzen), редко по спине. Один раз получил я линейкой по спине за двоюродного брата – Гильдеберта потому, что во время перемены на доске было написано: Н.Polle (Hildebert), а потом выяснилось, что произошла ошибка.

В надежде найти лучшую жизнь родители переехали в село Эйгенфельд Мелитопольского района на юг Украины. Это было большое богатое село с церковью, с двумя школами, с врачебным участком, аптекой... Здесь окончил начальную и семилетнюю школу. Мечтал стать врачом...

В 1930 году поступил в Молочанский (Запорожская область) медицинский техникум на отделение "Лекпом" (помощник врача). Время было крайне тяжёлое и голод. Бросил учёбу и вернулся домой. Родители в это время уже опять вернулись в Крым: деревня Майфельд – колхоз, примерно, 15 дворов. Как и раньше у нас не было своего дома,

часто переезжали в арендованные дома. Решил чем-то помочь семье и, по предложению председателя, устроился секретарём сельсовета в деревне Коржамбак в 40 км от нас (это был наш сельсовет). Работа оказалась очень сложной, мой возраст, знания и малый жизненный опыт не дали мне возможности плодотворно работать, и я решил вернуться в техникум, что не так уж просто для "дезертира".

Условия жизни и учёбы были довольно сложные, но я быстро втянулся и стал даже председателем студкома (студенческий комитет техникума). Техникум имел 2 здания: одно 2-х этажное, где занимались студенты лекпома и одноэтажное для студентов акушерского отделения. Техникум имел 3 хорошо оборудованных общежития. Я жил в общежитии №2, а Эльза в общежитии №1. При втором общежитии была студенческая кухня и столовая. Питание было неважное. Помню повара Камила, так часто кормившего нас морковным супом и мамалыгой; пища была однообразной, но и ей были рады.

У меня было трудно с одеждой, имел одну рубашку серого цвета. На одном из занятий по химии облился случайно химикатом и получил на груди большое жёлтое пятно. Умолял преподавателя химии Фреза помочь избавиться от этого жёлтого пятна. Он относился ко мне с пониманием, но в успехе сомневался и, действительно, после обработки рубашки жёлтое пятно превратилось в красное. Так и ходил меченый...

Эпизод. Чтобы немного бороться с голодом с группой ребят пошёл на железнодорожную станцию, каждый вытащил из склада по кочану кукурузы. И съели в сыром виде. При второй попытке достать кукурузу попали в милицию, но всё окончилось довольно спокойно, не считая выговора директора техникума. Больше не шли на такой риск.

В техникуме познакомился со студенткой акушерского отделения – Эльзой Вельк. Стали дружить и в 1937 году она стала моей спутницей и самым близким и дорогим мне человеком. Эльза была отличная спортсменка, что нельзя сказать обо мне. Наша дружная жизнь дала возможность в 1987 году отметить нашу **золотую свадьбу!**

1937 г. Родители – молодожёны.

В 1935 году благополучно с хорошими оценками окончили техникум и получили право поступления в институт без предварительной отработки 3-х лет. Итак, в 1935 году 10 выпускников Молочанского медтехникума

поступили на немецкий сектор Одесского медицинского института. Институт – один из старейших в Союзе. Отличные старые типичные здания, прекрасные аудитории (лекционные залы) и кафедры. Хорошие музеи по анатомии, патологической анатомии и судебной медицине. Никогда не забудем свою Alma Mater. Немцев – преподавателей было мало: завкафедрой патанатомии профессор Тизенхаузен, гроза всех студентов; завкафедрой ортопедии профессор Кефер; ассистенты на кафедрах химии, физики и госпитальной хирургии. Основная масса преподавателей свой еврейский язык считали немецким и это смешение двух языков часто доводило до смеха.

Папа с мамой (крайние) отдыхают.

В 1937 г. немецкий сектор института, как и все немецкие учебные заведения Союза были закрыты. Нас перевели на украинский сектор и объединили с вечерним факультетом – одни одесситы. Так на нашем курсе в институте образовался третий поток.

Наша группа была №14, в неё входило и несколько вечерников.

В 1938 г. у нас родился сын (Эрвин) и умер через 11 месяцев и 10 дней.

Жили в небольшой комнате в студенческом общежитии, рядом с институтом. Питались в студенческой столовой. Жить на стипендию было трудно, и я устроился фельдшером в психиатрическую клинику на ночные дежурства. Работа была не только сложной, но и опасной. Эту работу выполнял в течение 3-х лет. А как тяжело после ночного дежурства днём сидеть на занятиях. Эльза обычно толкала локтем, не давая заснуть.

Институт окончили в 1940 году – 41-й выпуск.

Помню, в день сдачи последнего госэкзамена 25 июня ночью был вызван в штаб гражданской обороны города Одессы на дежурство, это был день вступления Красной Армии в Бессарабию (Молдавию).

Эльза сразу после окончания института получила направление на работу на железную дорогу: станция Уштобе, Туркестано-Сибирской магистрали. Моё направление задержал военкомат до призыва в армию осенью. Поэтому 2 месяца работал врачом на сельском врачебном участке и жил у Эльзиной матери. В сентябре вернулся в Одессу, призывная комиссия признала к службе в армии годным, но отправка человека немецкой национальности была задержана "до особого распоряжения". Выезд из города был запрещён, жил нелегально в общежитии у друзей. Устроился на работу дежурным врачом поликлиники завода "Январского восстания" (производство подъёмных

кранов). Только в декабре 1940 года военкомат разрешил выезд, но требовал работать в одном из районов Одесской области. От этого я отказался, т.к. жена работала в Казахстане. В министерстве здравоохранения СССР в Москве сразу дали направление на Туркестано-Сибирскую дорогу. В Уштобе прибыл 21.01.41 г., шёл сильный дождь, хотя в течение всего пути были крепкие морозы.

В институте у меня была мечта – стать психиатром, даже на госэкзамене дал честное слово не быть хирургом, но судьба решила иначе. На Турксибе должности психиатра не было и назначили врачом железнодорожной больницы станции Уштобе. Больница была хорошая, 2-х этажное кирпичное здание. Хирургическое отделение располагалось на 2-м этаже. Зав.отделением была врач Полле Эльза Корнеевна, а я был ординатором, где и получил азы хирургии. Работа была интересная, хорошая и дружная. Первую мою операцию при геморрое поручила мне зав.отделением.

В марте (11.03.41 г.) родился сын – Эрвин.

Параллельно с хирургической работой мне поручили временно вести больных детей с скарлатиной в детском инфекционном отделении на первом этаже.

Был один месяц на специализации по хирургии в центральной железнодорожной больнице Алма-Аты у врача Щербины.

В дальнейшем (много позже) каждые пять лет мы ездили в Одессу на встречу с однокашниками. Встречи были интересными и весёлые.

Спокойная жизнь прекратилась, началась война.

Трудно забыть события осени 1941 г., когда по Туркестан-Сибирской железной дороге шли эшелон за эшелон с людьми – приволжскими немцами, принудительно выселенными за короткое время из своих родных мест. Мы видели горе и слёзы этих невинных людей. Из вагонов снимали много трупов, родные их оплакивали, но хоронить не имели возможности. Эти люди не знали за что и куда их везут и что их ожидает на новых для них местах – казахстанских и сибирских просторах. Приближалась зима первого года войны. Весь мужской состав был собран в трудармию.

Кратко о судьбе моих родных и братьев.

19 августа 1934 г. трагически погиб **отец**, провалился в колодец глубиной в 90 метров, когда его подняли, он уже был мёртвый. Это был дождливый августовский день и ограждение колодца обломилось и с ней вместе в глубину ушёл отец...

В 1951 г. умерла **мама** от сердечной недостаточности, она жила у Отто в городе Кизел (угольный регион Урала).

Фридеберт – старший брат, 1910 г. рождения. Работал трактористом в колхозе, семьи не имел. Во время обмолота хлеба после обеденного перерыва подгонял трактор к молотилке, упал назад и через 3 дня в 1933 г. скончался. Помню, у него быстро увеличился живот, медпомощь не получал. Вероятно, это было внутреннее кровотечение.

Эдгар, 1912 г. рождения. Работал счетоводом в колхозе, потом секретарём сельсовета. Имел семью: жена и двое детей. В 1937 г. репрессирован и исчез бесследно вместе с семьёй.

Артур, 1916 г. рождения. Исчез бесследно в 1941 г. вместе с семьёй.

Теодор, 1917 г. рождения. Умер в 1951 г. По профессии был фельдшер (окончил Молочанский медтехникум). Служил в действующей армии до начала и во время войны. В феврале 1942 г. был демобилизован как немец. Немцев из армии удаляли ещё в 1941 г., он как мастер по ремонту вооружения сохранился в своей части значительно дольше. Теодор был мастер на все руки: фельдшер, учитель, художник, портной и слесарь. Его жена – Катя и сын Зигмунд (1938 г.р.) к концу войны попали в Канаду, где живут и сейчас. После демобилизации Тео был отправлен в трудармию (Молотовская, сейчас Пермская область) и вскоре был осуждён на 5 лет. Отбыл срок "от и до" в шахте Воркуты. Там и умер, якобы от воспаления поджелудочной железы.

Роберт, 1922 г. рождения. Умер в 1966 г. от туберкулёза лёгких и сердечной недостаточности. Роберт работал начальником цеха связи на литерном заводе (пороховой) в Пермской области. Завод, построенный трудармейцами - немцами. Семья Роберта: жена Мария, дочери Люда и Таня, сын Василий живут там же (в Соликамске).

Отец Эльзы репрессирован в 1937 г. и исчез.

Мать Эльзы умерла в 1962 г.

Эльза имеет 4 сестры: старшая из них – Вельда (1914 г.р.) – живёт в Канаде; младшие сёстры – Мария, Марта и Луиза – живут в нашем городе;

мужья Вельды, Марии и Марты умерли. Луиза живёт со своим мужем Отто Ремпель.

Итак, от большой семьи нас осталось двое: я и **Отто**. Жизнь Отто была крайне сложной. В семилетнем возрасте потерял при баловстве зрение на левом глазу. В 15-летнем возрасте попал в трудармию на шахту города Кизел Пермской области. Работал коногоном, мотористом, электрослесарем. Имеет жену Таню и трёх детей: Слава, Нина и Валерий. У Нины 6 детей. Отто с семьёй живёт в Казахстане, город Акмола. В последние годы Отто работал на форфоровом заводе электриком. Из всех нас самая тяжёлая судьба была у Отто. Сейчас положение немного поправилось; живут более или менее благополучно с учётом общей ситуации в Казахстане.

Трудармия (концлагерь)

3 мая 1942 г. во время работы в операционной звонок из военкомата, где ещё недавно работал в призывной комиссии: срочно явиться, продолжение операции поручить жене. В военкомате предписание: через 3 часа явиться для отправки по мобилизации. Сборы были недолгие и к вечеру был отправлен на сборный пункт на следующей железнодорожной станции. В поле под открытым небом ожидали до 5 мая, затем нас погрузили в поезд – спецсостав с пассажирскими вагонами. Каждый имел своё место, у меня была верхняя полка, а нижнюю занимал сопровождавший нас милиционер. Поезд двигался медленно с частыми остановками, чувствовали себя довольно свободно,

на остановках могли выходить из вагонов. Тревожило всех одно – куда везут, ведь мы были все немцы (советские немцы).

14 мая 1942 г. в 7 часов утра остановка на станции Бакал (Южный Урал). Это и была конечная остановка. Выход из вагонов был запрещён, состав был окружён вооружённой охраной и находился между угольными складами. Проход был узкий, выход только по одному, разгрузка длилась довольно долго и по счёту. вывели на болотистый участок леса в 3-х – 4-х километрах от станции.

Кончилась свобода!

Вечером отправили нас под усиленным контролем, точнее конвоем, на гору в старую церковь, временное наше жильё. Дорога к церкви вела через посёлок, население которого встретило нас враждебно, кидали камни, бутылки, палки и выкрикивали: "Фашисты идут, бей их!"

В церкви были трёхъярусные сплошные нары. Началась жизнь советских немцев в типичном концлагере. На следующее утро подъём в 5.30 и отправка пешком 4 км на строительную площадку – будущая агломерационная фабрика (обогащение железной руды) и лагеря для трудмобилизованных. Вся жизнь в трудармии началась с отпечатков пальцев. За короткое время было построено более 40 землянок – бараков с двухъярусными сплошными нарами. Вокруг лагеря проволочное (колючее) ограждение с вышками для охраны и проволока для бега сторожевых собак. Одновременно шла очистка территории под фабрику. Меня зачислили в бригаду "интеллигенции" – вручили ломы, кувалды, лопаты

и заставили дробить и убирать камни, а их было огромное количество. Группа более старших врачей была сразу устроена на медработу. В нашем отряде (№14) было 12 врачей, из них 1 – доцент и 2 кандидата медицинских наук. 3 недели дробил камни... Это был изнурительный труд.

Очень скоро у жителей лагеря начались отёки от солёной пищи, климатических условий (верхушка Урала). Одежда быстро изнашивалась, особенно обувь. Начали выдавать казённую одежду и обувь, бывшую в употреблении. Вместо обуви выдавали "бурки" – голенище из ватной ткани, а низ из автопокрышек. Телогрейки тоже быстро сносились. Колонна людей в таком обмундировании была похожа на бездомных попрошайек или даже чучел.

Питание трёхразовое, хлеба 300-800 грамм, в зависимости от выработки дневного задания. Чаше суп с селёдкой и стеблями крапивы.

Особо тяжёлый труд был – подготовка фундамента под фабрику, большая площадь и глубина 17 метров. Никакой техники, только лом, лопата, тачка и мышечная сила. Для подачи грунта на поверхность строили перекидные площадки. Грунт перекидывали с площадки на площадку и отвозили на 200-300 метров.

Первая партия трудармейцев прибыла несколько раньше нас. Не знаю, где они размещались. Знаю, что они уже были "доходяги" (истощённые), уже не в состоянии к физическому труду. Особенно быстро выходили из строя немцы с Кавказа и не занимавшиеся ранее физическим трудом.

Через 3 недели меня перевели на медработу, врачом амбулатории, в чём особенно благодарен врачу Т/М Фибихь Г. Начальником амбулатории была женщина 30-35 лет, Тоня Иванова, крайне враждебно к нам настроенная, вредная, малограмотная, а медицинского образования вероятно вообще не имевшая, зато имела административную власть. Она сидела за столом и командовала: "Этому ложите жёлтую мазь, а этому чёрную..., этого можно от работы освободить, а этого нет..." Группа освобождённых людей была не велика – считалось, что люди прибыли на работу, а не на отдых. Летом 1942 г. в лагере открыли стационар, но без операционного блока, наши больные в операционной помощи якобы не нуждались. Учитывая быстрое и резкое ухудшение состояния людей (отёки, поносы, исхудания, сыпи на коже, утолщённый с отпечатками зубов язык и психическая деградация) начали всех поить настоем хвои. Говорили о цинге, а фактически это был авитаминоз "Б" (пеллагра). Все наши врачи с этим заболеванием не были знакомы. Меры против пеллагры не применялись и люди гибли десятками в день. Наш основной медикамент – марганцовка. Начальник санчасти Ефимов (бывший з/к) нас врачей держал специально в неведении о пеллагре.

В нашем 14-ом стройотряде было более 4.5 тысяч человек, по всем 16 отрядам Челябинметаллургстроя около **100 тысячч.** В 1946 г. осталось около **18 тысячч.** В середине 1942 г. на станцию Челябинск прибыл очередной эшелон с трудмобилизованными немцами, в эшелоне обнаружился сыпной тиф и весь состав **исчез.**

Режим в отряде был крайне жестокий, широко применялись избиения, мучения. Особо свирепствовал начальник 87-й колонны, избивавший людей до смерти. Видел несколько раз, когда на разводе люди вели под руку уже ослабевшего товарища, этот начальник подбегал и избивал людей, после чего оставались трупы. Этот начальник пользовался большим авторитетом у руководства лагеря, значит у него была такая установка.

Крайне неприятное впечатление оставило обращение с трупами людей, отдавших жизнь на работе. Каждый труп имел только деревянную бирку, прикрученную железной проволокой к большому пальцу стопы. Трупы складывались штабелями на сани, вывозились из лагеря и выбрасывались в обрыв, даже не прикрытые землёй. Закапывание трупов считалось роскошью. Весной 1943 г., когда стоял снег, трупы начали разлагаться, жители окружающих поселений выражали возмущение и тогда по требованию Челябинской областной санэпидстанции трупы были засыпаны землёй, даже нашёлся бульдозер...

Людские потери были огромны, так обращались с "золотым рабочим фондом" (выражение Круглова, НКВД СССР, апрель 1943 г.). Несмотря на громадные людские потери Челябинский металлургический комбинат, построенный на костях советских немцев, в 1944 г. выдал первую плавку электростали.

В своей работе освоился и смог людям оказывать помощь. Мой труд начали признавать и даже уважать, но не забывали, что я немец. Осенью

1942 г. начальник отряда попросил осмотреть тяжёлого больного в поселковой больнице, у них в это время не было хирурга. Я согласился. Два вооружённых охранника с овчаркой повели меня в больницу. При осмотре больного установил прободную язву желудка и согласился прооперировать. Во время операции у дверей операционной стоял охранник с ружьём. Операция ушивания язвы прошла хорошо и больной быстро поправился. Через 3-4 недели у меня заболел зуб, образовался гнойник. В лагере в это время не было зубного врача. Меня с высокой температурой и опухшим лицом отвезли в поликлинику поселковой больницы, но меня даже не пустили в коридор – "мы немцев не обслуживаем". Гнойник мне пришлось вскрывать самому.

Когда уже функционировала аглофабрика в бункер дробильной установки упал человек, ему раздробило всё, включая часть таза. Пострадавшего вытащить не удалось, меня попросили помочь. Привязанный за верёвку спущен в бункер и я простым ножом отрезал всё мёртвое и ущемлённое, пострадавшего спасти не удалось. Это была первая жертва действующей аглофабрики.

В нашем отряде были люди разных профессий и прошлого: командующий среднеазиатским танковым корпусом А.Я.Диц; крупные инженеры Мецгер, Думлер, Майер; бывший командир авиаотрядом и другие перенесли те же притеснения и унижения. Нас рассматривали только как рабочий скот. О правах человека не было и речи, на каждом шагу показывали, что мы люди низшего сорта и обречены на гибель.

Нельзя забыть ночь с 6 на 7 ноября 1942 г., по всей проволочной зоне установили дополнительные посты охраны с овчарками. В 22.00 над всей зоной открыли перекрёстный огонь с выкриками: "Мы вас всех уничтожим!" Люди прятались в бараках, никто не осмелился выйти... Это была тяжёлая психическая травма.

В том же 1942 г. в один из дней после работы весь состав трудармейцев был выстроен на площади, каждому вручили листовку, написанную И.Эренбургом "Убей немца!" Заставляли хором громко читать. По каким-то причинам один трудмобилизованный не читал громко, к нему подбежал начальник 87-й колонны и ударил кулаком в лицо, пострадавший оказался со сломанной челюстью и лишился всех зубов.

Осенью 1942 г. в 5 км от лагеря в поселковой школе был открыт лазарет для трудармейцев. В этом лазарете многие трудмобилизованные были освидетельствованы, составлены акты о негодности к труду и часть была отпущена домой для поправки. Все акты были написаны мной, но без моей подписи.

В 1943 г. 14-й стройотряд был расформирован, остатки были переведены на жительство в старую церковь в посёлке, многие были расконвоированы, но без права отлучения, строго следила охрана на проходной. В наш бывший лагерь привезли з/к с разных регионов страны, основной контингент — рецидивисты. Зона была разделена на 2 части, в меньшей разместили женщин, в большей мужчин.

В июне 1943 г. меня перевели на работу в лагерь заключённых. Для меня начался новый этап

жизни и работы, **новый институт**. Первые встречи с больными з/к привели меня в шоковое состояние, я обратился к начальнику лагеря с просьбой освободить меня от этой работы. Но меня успокоили, мол всё наладится, привыкнешь, приспособишься. Так я стал работать с з/к, единственный врач без юридического срока.

Несколько эпизодов первого дня работы в амбулатории з/к. Молодая женщина (19-20 лет) обратилась по поводу ожога тыльной поверхности кисти. Осмотрев, я дал указания, что делать. Больная внезапно повернулась ко мне спиной, подняла юбку и показала голую попу. Ожог был вызван лютиком (цветок) с целью отклонения от работы и попадания в мужскую зону, где как раз и находилась амбулатория.

В этот же день оперуполномоченный лагеря привёл для обследования двух больных з/к из изолятора. Первый: боли в спине, резкий отёк и краснота стопы, повышенная температура тела. Для меня диагноз был не ясен. Оперуполномоченный обратил моё внимание на маленький пузырёк на коже стопы и попросил его снять. Выделился гной с крайне неприятным запахом. Оказалось, больной протянул под кожей нитку, предварительно протянув её между зубами. Инфекция ротовой полости очень опасна.

Второй больной: высокая температура, голень и стопа резко отёчны, покраснение, болезненность. Я подозревал тромбофлебит (закупорка вен). При детальном осмотре обнаружил гнойный пузырёк, вскрыл, обильные гнойные выделения с резким запахом бензина. Бензин даёт обширные омертвения

тканей. В обоих случаях искусственно вызваны болезни с целью отклонения от работы. Оказалось эти два случая мне были специально подброшены для проверки моих знаний в области членовредительства ("мастырки"). К концу дня вызвали в штаб к начальнику лагеря, где присутствовало несколько человек. Дали мне ряд добрых советов по мастырке, за что я был им благодарен.

В этот первый тяжёлый день работы с з/к узнал новое понятие – "мастырка". В дальнейшей работе это мне много помогло. Стал изучать разные виды членовредительства, а их большое количество и все они подлежат судебному наказанию (раздувание щеки воздухом, ввод бензина под кожу, ожоги, мелкие травмы, особенно часто использовалась инфекция ротовой полости). Ещё до работы с з/к среди трудмобилизованных встречались случаи мелких травм, рубленые раны, ожоги и другие, но не встречал гнойных процессов. В трудармии все эти случаи, независимо, сознательно или нет, квалифицировались как саботаж и по ст.58 УК и осуждались строго, вплоть до расстрела. Приговоры приводились в исполнение в день их вынесения. Расстрел в 3-4 км от лагеря. Трудно себе представить, на работе случайно отрубил себе кончик пальца и за это отдашь жизнь. Всё было дозволено, чем больше уничтожено советских немцев, тем лучше, хотя эти люди не имели отношения к Германии, кроме далёких, далёких предков.

В 1944 г. был переведён в центральный лазарет трудармии в Челябинске. Заболел ведущий хирург,

бывший зав.кафедрой госпитальной хирургии Самаркандского мединститута профессор А.А.Руш (инфаркт миокарда), лежал в палате хирургического отделения. Лазарет находился в центре стройки ЧМС (Челябметаллургстрой) в зданиях барачного типа и имел 4 отделения: терапевтическое, хирургическое, туберкулёзное и инфекционное. Лазарет граничил с 6-м стройотрядом. В первое время работать в отделении было трудно, больных много, шеф болел, заведовала отделением пожилая женщина К.Спектор – акушер-гинеколог без оперативных навыков. Зав.отделением мог быть только вольнонаёмный, но не немец. По возвращении шефа работа стала ещё интенсивней. Одна деталь: в сентябре часть уже истощённых и голодных людей были направлены на уборку картофеля и в результате в день поступало до 22 человек по поводу кишечной непроходимости, все оперированы, но выживали единицы. Этот результат крайне беспокоил начальника сануправления стройки и он решил участвовать в двух операциях в один день, оба больных погибли. После этого он поменял своё мнение, но оснащение отделения не улучшилось.

Шеф был человек весёлый, грубоватый, много кричал и бил по рукам. Мои руки часто были в синяках, не бить же по рукам женщину (ещё и заведующую). Он был левша с прекрасной техникой, оперировал быстро, к примеру, резекцию желудка делал за 45-50 минут.

Жили мы (6 врачей) в одной комнате (18 кв.м) при лазарете.

В дальнейшем лазарет перевели на окраину Челябинска. Несколько месяцев до этого был построен в срочном порядке эпидемиологический изолятор по дифтерии для лагеря №68 (военнопленные). В лазарете было 8 зданий. Хирургическое отделение имело 2 корпуса, один чисто хирургия с операционным блоком и гнойная хирургия с большой перевязочной. Территория лазарета была не благоустроена, т.к. строилась в зимнее время и в благоустройстве нам помогала бригада военнопленных, в основном медики, не привлекавшиеся к физическому труду в лагере. Мы с ними наладили контакты, они удивлялись нашим успехам при таком скудном оснащении. С жизнью лагеря №68 немного ознакомился при его посещении с шефом, который там иногда консультировал больных. Условия жизни и работы военнопленных были намного лучше, чем условия советских немцев. Наши колонны рядом с ними выглядели как колонны оборванцев.

Ночью (не помню дату) был доставлен в отделение тяжелобольной с прободной язвой желудка, требовалась срочная операция, шефа не смогли найти и я решил сам оперировать с дежурным фельдшером. На операционном столе перфорированная язва желудка, сделал резекцию по Бильрот 1, операция прошла гладко. Утром на обходе больных шеф обнаружил нового прооперированного больного, прекратил обход и начался разнос по всем швам. Я и сам понял, что резекция при прободной язве очень рискованное вмешательство. Больной быстро и хорошо поправился. После этой операции шеф стал больше

доверять и весь груз работы в отделении лёг на мои плечи. Это было тяжело, но зато отличная школа. По количеству операций в год это был один из богатейших периодов моей жизни.

Память: на одной из операций резекции желудка уже закрыли брюшную полость, а операционная сестра не досчиталась одного зажима, обыскали всё, повторно вскрыли брюшную полость – тоже нет. Шеф свирепствовал. В предоперационной шеф бросил свой халат на пол и тут стук, проверили и зажим оказался в кармане его халата. Сразу последовала команда: со всех халатов операционной снять карманы. Во время операции зажим случайно сполз со стола и попал в карман.

В этот день в предоперационной меня угостили витамином РР. Через несколько минут никотиновая кислота дала резкую реакцию – я весь покраснел, страшный зуд. А все окружающие подняли дикий хохот – к чему приводит жадность к сладостям.

В июне 1946 г. разрешили привезти семью, для этого съездил в Уштобе. Получить разрешение на выезд из Казахстана было не просто. По прибытии на ЧМС Эльза сразу была устроена врачом-хирургом лагучастка №3 (з/к), быстро приспособилась к работе. Консультантом её был мой шеф. Жили в маленькой комнате при центральном лазарете. Эльзе, как и мне, быстро пришлось ознакомиться с мастырькой. Первый случай – раздувание щеки воздухом. Второй – один з/к симулировал паралич лучевого нерва, кулак сжат, на ладони отпечатки ногтей; в прошлом никаких травм и болезней, надо выяснить причину состояния. Собралась комиссия из санотдела, лагеря

и прокуратуры. Эльза попросила эфир и маску, "больного" положили на стол и при первых каплях эфира, моментально сорвал маску и показал "больной" рукой комбинацию из трёх пальцев.

Челябинск-40

В ноябре 1946 г. без нашего желания отправлен на новостройку – Челябинск -40 – СУ 859 (сейчас Маяк) – учреждение Курчатова и Берия. В начале было трудно с жильём, нас поселили к одинокому мужчине в комнату 18 кв.м., но скоро получили отдельную аналогичную комнату, а через некоторое время двухкомнатную квартиру. На новом месте новые назначения. Эльза – заведующая хирургическим отделением для вольнонаёмных, я – заведующий хирургическим отделением межлагерной больницы для з/к на территории лагучастка №1 (начальник – Чупров).

Объём работы предстоял огромный, сам организационный период требовал больших усилий. Оба отделения были размещены в приспособленных помещениях. В устройстве моего отделения много помогал мой завхоз (из з/к), очень порядочный человек. Был случай, когда за одну ночь перекрасили всё отделение, не затратив на это ни копейки. Может быть иногда тарелка супа, всё приносили с производства.

Жизнь з/к в этом лагере и во всей зоне существенно отличались от других лагерей з/к. За свою работу на производстве з/к получали зарплату, что повышало производительность труда. Заработанные деньги вносились на личный счёт з/к

и он имел право 1 раз в месяц снять со своего счёта определённую сумму для улучшения питания. В лагере была организована платная столовая по ресторанному типу (конечно, без алкогольных напитков).

Медицинским персоналом отделение обеспечено хорошо. Со мной работала одна молодая врач. В амбулатории трудился врач – з/к с Донбасса, возивший всюду с собой проект функциональной шины для лечения переломов. Младший персонал отделения были з/к. Помню, какой хороший санитар был в операционной – Освальд Шик – молодой парень, трудолюбивый, аккуратный.

Отделение было рассчитано на 80 коек и палаты для выздоравливающих на 120 коек, ведь после операции сразу на работу не выпишешь. Работа в отделении была интенсивная, требовала много времени и энергии. Мне пришлось в отделении основательно заниматься мастыркой, установить причину болезни не так просто. Человеческие отношения и ряд других приёмов давали мне возможность почти у всех з/к установить причину болезни. Стал вроде эксперта по мастырке, из всех лагучастков доставляли з/к, больных мастыrkой для экспертизы. З/к были хорошо информированы о моих знаниях по мастырке. Все больные этой категории, находившиеся на лечении, выписывались в хорошем состоянии и с благодарностью. Не помню случая суда над ними.

Каждому человеку свойственно делать ошибки и такую ошибку допустил я, стоившую мне много нервных переживаний и прогулов. Об этой ошибке ниже.

В наше отделение больные госпитализировались только по моему разрешению. Как-то позвонил знакомый майор медслужбы из санчасти лаг-участка №4 (особо режимный участок) и попросил утвердить акты на двух з/к с мастыркой, заверяя, что всё досконально расследовано и проверено. Я эти акты подписал, доверяя коллеге, не осмотрев больных и не подозревая, что этим устроил себе ловушку. В жизни этого не забуду.

Однажды ночью на вахту нашего лагучастка был доставлен под усиленным конвоем из участка №4 больной з/к А.Марков. Меня предупредили: з/к крайне опасный и в наш лагерь попасть не должен. При осмотре: острый аппендицит – для меня это был больной, срочная госпитализация и операция, прободной аппендицит. Операция прошла нормально под местной анестезией. Марков из простого солдата охраны превратился в злостного убийцу: за 2 года 4 убийства. Во время операции я ему сказал: "Саша, я тебе сегодня спасаю жизнь, а ты меня тоже завтра зарежешь ножовкой". Ответ: "Доктор, не беспокойся, никто тебя никогда не тронет".

З/к к врачам относятся хорошо, с доверием, ведь врач – это единственный человек, у которого з/к может получить помощь и поддержку. Если врач перед з/к провинился, сразу попадает в неловкое положение, ему грозит расправа.

На следующий день после операции в наше отделение прибыл начальник санотдела стройки для проверки правильности госпитализации з/к Маркова. Предъявление препарата [все препараты (органы) хранились в формалине] меня полностью

оправдало. На 6-й день после операции Марков попросил перевод в палату выздоравливающих, я долго не соглашался, но уступил просьбе после получения заверения о корректном поведении; больного перевели... О последствиях я не подумал. Буквально на следующее утро меня на вахте попросили осмотреть больного и, на моё удивление, это оказался Марков. Он ночью устроил разбой, достал себе приличную одежду и обувь. Марков сразу был отправлен в "БУР" ("бетонный мешок" без окон и кровати). Через три дня Маркова опять доставили на вахту нашего лагеря, при осмотре больной без сознания, высокая температура, тяжёлая флегмона брюшной стенки и правого бедра – анаэробная инфекция (газовая гангрена). Оказалось, в "БУРе" сорвал повязку и швы и внёс в рану содержимое параша. Срочная госпитализация и интенсивная борьба с инфекцией – длинные разрезы поражённых участков, удаление омертвевшей ткани. Отделяемое из раны с омерзительным запахом. Медленно удалось больного вывести из тяжёлого состояния, но он был обречён на длительное стационарное лечение, что было ему выгодно: не попасть в дальний этап на Колыму.

В эти дни в наш лагерь поступили два з/к их лагучастка №4 – это оказались те, на которых я подписал акты без осмотра (?). О их прибытии я узнал позже. Через много лет я узнал, что прибытие этих двух не имело отношения к последующим событиям.

Через несколько дней был ночью вызван в лагерь, куда ездил часто при необходимости, всегда

возила карета скорой помощи. Выходя из автомашины заметил у вахты лагеря в зоне стоящего человека, машущего рукой: "Назад!" Ко мне подошли два охранника и провели в штаб к дежурному по лагерю. Он предупредил: "В зону не входить! Готовится покушение двух з/к". Сигнал из зоны дал мой завхоз. Из штаба вернулся с указанием: на работу не выходить! Много времени спустя узнал, что вызов был подстроен, но не знаю кем. Три дня не работал. Потом из штаба сообщили: выйти на работу с гарантией безопасности за счёт личной охраны. Несколько дней работал: один охранник у входных дверей, второй всё время со мной, прикрывал как квочка цыплят. Через 7 дней охрана была снята – якобы отпала надобность, подозреваемые из лагеря удалены. Вышел на работу. На обходе больных в последней палате лежал Марков, он мне шепнул: "Доктор, все в зоне!" По этому сигналу я покинул отделение и сидел 7 дней дома. Когда вышел, начальство сообщило, что никакой опасности нет и я стал работать, как и раньше. Через много лет узнал, что опасность для меня якобы составлял з/к Марков (?!).

Помню другой случай. В отделении находился з/к, тяжёлый рецидивист, у него кроме основного заболевания был дефект твёрдого нёба и правого крыла носа. Дефект твёрдого нёба удачно закрыл пластикой – больной был очень доволен. Он попросил устранить дефект носа. Я согласился. Пластика итальянским способом, стебель выкроил из кожи правого плеча и наложил гипсовую повязку. Всё шло, как надо. Прошло несколько дней и больного вызвали в штаб для освобождения

(конец срока). Больной меня неправильно информировал о сроках освобождения. С гипсовой повязкой освободить не могли, время шло. Снял гипсовую повязку, отсёк стебель от плеча и осталось только окончательно оформить крыло носа. И снова вызов на освобождение, но в штабе сразу заметили отсутствие особой приметы: дефекта крыла носа, отмеченного в личном деле. Для меня начались неприятности, не имел право устранять особые приметы у з/к без предварительного согласования с администрацией лагеря. После долгой волокиты з/к всё же был освобождён после сделанных фотоснимков и свидетельских показаний. Для меня это был урок.

Рядом с нашим лагерем размещался лагерь для з/к - женщин. Там имелся свой стационар, но без операционного блока. В случаях необходимости хирургического вмешательства возникали крайние сложности и было решено: в нашем отделении открыть палату для женщин (решётки на окнах, металлическая дверь с наружным замком). Поступать стали больные женщины, основная группа с мастыжкой: зашивание губ рта, пришивание пуговиц к грудным железам, зашивание половой щели и др. Всё это делалось для отклонения от работы, от этапирования в дальние места и стремления попасть в мужскую зону.

Больного Маркова многократно пытались отправить по этапу на Колыму, но с такими обширными раневыми поверхностями я не давал согласие на этап. Уже не помню как, но когда меня 3 дня не было в отделении (отпуск) Маркова отправили на Колыму.

В 1947 г. через начальника строительства нам удалось вызвать к себе на жительство из Котласа (Архангельская область) мать Эльзы – Елизавету Дитриховну Вельк. Удалось получить разрешение на выезд из Котласа (лесоповал) в Новосибирск двух сестёр Эльзы: Марты и Луизы. Мать жила у нас 17 лет и умерла в 1962 году от лимфолейкоза (рак крови).

В 1949 г. родилась Вельда. При выдаче свидетельства о рождении была допущена ошибка на один месяц (вместо 18.01 – 18.02). Я протестовал, но меня заверили, что она всё равно не будет жить, но глубоко ошиблись.

Высшее начальство стройки относилось к нам хорошо. Эльза была доверенным врачом семьи начальника всех лагерей. Я был доверенным у начальника особого отдела. Он лично обращался ко мне, но сообщил, что не имеет право доверять своих сотрудников немцу. Такой пример.

Сотрудник особого отдела страдал туберкулёзом лёгких, предстояла операция. Его оперировала врач из отделения Эльзы. При проверке результат операции оказался отрицательный. При моей консультации больной сказал: "Я был уверен, что Вы меня будете оперировать". Страшно возмущался и его пришлось отправить в Свердловск (подтверждение слов начальника особого отдела).

Колыма

Июль 1951 г. – начало следующего этапа жизни. 3 июля был дома на обеде. Вдруг срочный

вызов в лагерь, главный бухгалтер заявил: "Получай срочно полный расчёт", вручил деньги и документы. Придя домой выяснил, что Эльзу тоже вызвали для получения полного расчёта. Были предупреждены: готовиться к отправке на новое место жительства. Для нас это было крайне неожиданно. Неизвестно почему и куда...

Начали срочно готовиться. Это было очередное принудительное перемещение. Вечером нас посетили ряд знакомых, выразили сочувствие, принесли кое-что из продуктов на дорогу. О месте назначения никто не говорил. Несмотря на карточную систему материально мы жили неплохо, поэтому имели возможность взять с собой продукты питания. Ликвидировали часть кроликов (их было много и много осталось). Зарубили кур, часть тоже оставили.

На 3-й день к нашему дому подъехали 2 грузовые машины, погрузили наши вещи и отвезли на сборный пункт, на котором всё время играла музыка: "Дорога дальняя, дальняя..." Эта музыка уже настораживала. По репродуктору нас позвали получить дополнительные деньги на дорогу. Начался осмотр наших вещей, настоящий обыск. Были изъяты все режущие предметы и мой анализ работы за 5 лет (тетрадь), как секретные данные.

Подали состав грузовых вагонов с решётками на окнах и двухярусными нарами. Началась погрузка. Наша семья (5 человек) заняла верхние нары. В вагоне оказалось 6 семей. Ещё до отправки на сборном пункте тяжело заболела мать, её занесли в вагон. В таком состоянии я никогда не разрешал отправлять заключённого. Перед самой отправкой

эшелона кто-то протянул руку через решётку и крикнул: "Полле, забирайте свои вещи". Это оказались мои бритвы, которые потом не раз смущали охрану, на вопрос – чем брились? – один из наших попутчиков показал лезвие безопасной бритвы, привязанное к палочке (фактически брились старинной немецкой опасной бритвой). Все мужчины в других вагонах были с бородами.

В скотском вагоне с парашей начался длительный тяжёлый путь от Урала до Джелгалы на северо-востоке от Магадана. От Кыштыма до Совгавани 3 недели пути, за это время только один раз на станции Иркутск загнали эшелон в тупик и под усиленной охраной разрешили детям и женщинам на 5 минут покинуть вагон для разминки (какая "гуманность" ?!).

В дороге тяжело заболела Вельда, а поезд всё двигался, двигался без остановки. Мы смогли спасти её теми медикаментами, которые были у нас неофициально. На 1-й остановке просили врача, но нам отказали; контакт с населением был запрещён – мы особо секретный контингент ("ОК") из особо секретной зоны (производство плутония).

На одной из остановок (не помню станцию) рядом с нашим составом стоял пассажирский поезд. У дверей одного из вагонов как раз напротив нашего окна стоял полковник с женой, вдруг она крикнула: "Посмотри, ребёнок за решёткой!" и он сразу увёл её в вагон... За решёткой был Эрвин...

Наш выезд с "сороковки" был так быстр и неожидан, что не успели никому ничего сообщить. В вагоне написали письмо, положили его в хлеб и

выбросили на одной из станций. Это письмо прибыло в Уштобе. Значит есть ещё добрые люди.

Питание в пути было организовано неплохо. Пищу доставляли в вагоны. С продуктами питания в пути нам очень помогал начальник снабжения эшелона, майор, знавший нас ещё на стройке. В предыдущем году он был в подобной командировке, а дома тяжело заболела жена. Её Эльза спасла сложной операцией.

Наконец, прибыли мы в Совгавань. Размещены в лагере, откуда были убраны з/к. Зона охранялась, выход был запрещён, жили 3 недели; иногда на несколько минут выпускали детей, чтобы собрать ягоды.

Погрузили в трюмы парохода "Минск" и в путь на Магадан – Дальстрой НКВД СССР –, где не существовала советская власть. Сплошные лагеря, откуда мало кто возвращался. Условия плавания трудно передать. В трюмах были з/к (фактические), на палубе ужасающая антисанитария ("у плохой хозяйки свинарник был лучше!"). Туалетов не было, грязь до лодыжек – корабль грузовой – и везли нас как груз. На шестые сутки прибыли в Магадан.

Здесь тоже разместили в лагере, откуда временно были выведены з/к. Нам всё время напоминали, что жить надо в лагерях. Прожили здесь несколько суток на своих вещах; в охране вещей нам помогли наши бывшие больные, бывшие з/к.

Погрузили на грузовые автомашины "Татра" и повезли на северо-восток от Магадана. 541 км до посёлка Ягодный, затем ещё 40 км. Здесь перегрузили на тракторные сани и двинулись 40

км к северу по речке на прииск Джелгала (Долина смерти), откуда тоже были убраны з/к. Это один из старейших приисков Колымы, когда-то очень богатый добычей золота, теперь прииск 3-й категории с суточной добычей золота в 70-80 кг.

Здесь я впервые увидел настоящее золото: жёлтое и красное, в песке и в самородках размером с небольшое куриное яйцо. Я не имел понятия как добывается золото. Оно добывается из песка, промывается на промывочных приборах, драгами и старателями. Промывались пески, содержащие не менее 4 грамм золота на 1 кубометр песка. Драгами добывали золото из отвалов. Промывочный прибор напоминает большую бетономешалку, от которой идёт длинный жолоб, дно покрыто сукном; вода и песок стекают, а золото оседает на сукне и снимается вручную в специальные металлические ёмкости типа котелка. Этот котелок имел автоматический замок, ключ от которого хранится в "золотой" кассе.

Сбор, хранение и транспортировка золота до 1953 г. не охранялась. На нашем прииске не было старателей, но на Колыме в своё время они были очень распространены. Был даже посёлок старателей-немцев, но всё это вскоре прикрыли, т.к. люди стали богатеть и хорошо жить.

Интересно была организована транспортировка золота на базу в 40 км от прииска. Эту работу выполнял Абрек (лошадь), ему на спину грузили мешочки с золотом, выводили на тропу вдоль речки и он шёл без отклонения от пути и чаще всего без провожатого. На перевалочной базе Абрека разгружали, кормили и выводили снова на обратный

путь. Шёл он всегда сам и приходил всегда вовремя, без приключений.

Жизнь и работа на крайнем северо-востоке страны, в тундре, были сложны тяжёлыми метеорологическими условиями. Больница на 20 коек с амбулаторией в одном здании барачного типа. Рядом небольшой домик, где размещалась аптека, это было моё рабочее место. Заведующей больницей была Эльза, а я зав. врачебным участком.

Основная масса медикаментов была в готовой форме, фармацевта не было. Не было и операционного блока, но имелся крайне необходимый инструментарий. В неотложных случаях оказывали и оперативную помощь. Приведу один случай.

1952 г. Напитки Колымы: спирт и шампанское.

Были доставлены несколько раненых после драки, ведь контингент был разный, в основном бывшие з/к из двух областей (Челябинской и Свердловской). Одному пострадавшему срочно

требовалась лапаротомия (чревосечение). В одной комнате быстро обработали всё карболовой кислотой, обычный стол, керосиновая лампа и печь "контрамарка". Электроэнергия была отключена победителями драки. Наркоз эфирный давала медсестра. Учитывая отсутствие операционного персонала, оперировали с Эльзой вдвоём. Были и оператором, и ассистентом, и операционной сестрой; трудно сказать, кто какую функцию выполнял. Мы выполнили свой врачебный долг и получили хороший результат. Оперировать в таких экстремальных условиях довольно сложно и надо иметь много смелости.

В окружающей тундре много грибов, ягод: брусники, голубики, морошки и т.д. Много орехов кедровых, хотя нет тут гигантов-кедров, а есть стланик, очень удобный для сбора шишек. На зиму заготавливали орехи мешками и много ягод. После получения двухкомнатной квартиры купили 10 кур и держали их в клетке в коридоре, кормили ягодами и орешками. Курочки хорошо неслись, лишние яйца реализовывали. У мамы был список очереди на яйца, Эрвин вёл строгий учёт яиц, за год курочки полностью оправдались. Один год держали даже двух свиней. Мама решила провести эксперимент, в зоне вечной мерзлоты посадила 20 картошек и урожай оказался на удивление всех жителей посёлка хорошим. Тёплое время для выращивания картофеля было коротко и недостаточно. Зима суровая. Отопление стлаником. Интересное явление: в окружении посёлка было много родников, вода выходила и тут же замерзала. Образовывались громадные наледи. Значительно

высок был снежный покров. Крайне редко сильные ветры, не было пурги, а особенно тихо было при сильных морозах.

В один из рабочих дней сидел в аптеке, мой рабочий стол стоял у входных дверей, дверь вдруг открылась, я оторопел от неожиданности: перед мной стоял старый знакомый Марков (см. гл. "Челябинск-40"). Его первые слова после приветствия: "Никуда не звоните, дайте мне уйти, я в бегах, никто не должен знать о моём появлении!" Он зашёл поблагодарить за жизнь и передал, что якобы готовящееся на меня покушение приписывали ему и это была "липа", т.к. старались этим только от него избавиться. Через несколько лет, уже работая в Талды-Кургане, узнал от одного военного из Алма-Аты, что Марков был задержан в Алма-Ате, осуждён к высшей мере наказания и расстрелян.

В 1953 г. нас перевели на работу в больницу посёлка Ягодный – центр Северного горнопромышленного управления. В этой больнице работали врачи, в основном, бывшие з/к без права выезда на материк. Получили хорошую двухкомнатную квартиру на 2-м этаже. Оба стали работать в хирургическом отделении: я – заведующим отделением, Эльза – ординатором и одновременно занималась акушерством и гинекологией.

В больнице был хорошо оснащённый операционный блок. В роли операционной сестры работал высококвалифицированный фельдшер – мужчина высокого роста и крепкого телосложения, по национальности молдаванин, в прошлом отбывал

срок. Мы с ним часто выезжали на операции и тогда он для меня служил рабочей силой (ящики с инструментарием).

Был случай: на дальнем участке заболел человек, вывезти его было невозможно. Нас отправили на машине, пересадили на лошадей, а дальше на оленьей упряжке до места. Обнаружил ущемлённую грыжу и прооперировал на месте. В единственной комнате всё обработали карболкой и на простом столе оперировали. Ущемлённый участок кишечника был омертвевший и пришлось произвести резекцию поражённого участка. Один день за больным наблюдали и вернулись домой. Больной быстро и хорошо поправился.

У каждого человека бывают моменты, отдельные факты или эпизоды, остающиеся в памяти на всю жизнь. Из моей богатой хирургической практики остался ярко в памяти 8 марта 1954 г. К нам в отделение доставили тяжёлого больного – Александра Васильевича Горбатюка, начальника прииска Джелгала, по поводу тромбоза бифуркации аорты с поражением обеих нижних конечностей. В срочном порядке пришлось ампутировать высоко левую ногу, правая нога сохранилась, но пока без возможности пользования ею. Состояние больного значительно и быстро улучшилось. Он был человек весёлый, жизнерадостный и с юмором. Имел жену и дочь. Уже мечтал о выписке из больницы. В один из летних дней: резкое ухудшение состояния. Срочная операция (лапаротомия), оказался тромбоз брѳеечных сосудов с омертвением всего тонкого кишечника, через 2 дня – смерть. На вскрытии –

тромбоз аорты до грудного отдела пластами. Все наши старания в данном случае оказались безрезультатны, а как хотелось его спасти!!

Метеорологические условия Крайнего Севера тяжёлые, морозы до -62° , много снега. Морозы переносятся сравнительно легко. При морозе $-30 - -35^{\circ}$ Вельда гуляла на улице без варежек и играла в снежки. При морозе -50° прекращаются все работы на открытом воздухе. Лечили много больных с отморожениями всяких степеней и разных частей тела, иногда приходилось прибегать к ампутации конечностей, носа, ушных раковин и т.д. Отморожения получали в основном люди, находящиеся в алкогольном опьянении. А пьяных было много, в продаже свободно спирт, водку на Колыму не возили – воды достаточно на месте.

Колымский период нашей работы и жизни показал, как в экстремальных условиях при желании и старании тоже можно добиться приличных успехов, руководствуясь принципом: ***врач существует для больного, а не больной для врача!***

Приближался конец трёхлетнего срока нашей ссылки и мы пытались выехать на материк, но комендатура препятствовала: как немцы мы не имели право свободно покинуть регион. Наконец, получили разрешение на выезд и закончить колымский период,

Имели переписку с Талды-Курганским облздравотделом, нас приглашали на работу в небольшой горняцкий городок Текели. В августе 1954 г., имея 8-месячный отпуск (за 3 года) и каждый по курортной путёвке в Кисловодск, мы выехали в Казахстан.

И опять Казахстан

Плавание от Магадана до Находки на пароходе "Александр Можайский" в отдельной каюте было приятно. От Находки по железной дороге до станции Уштобе и остановка у сестры Марии. При обращении в спецкомендатуру Талды-Кургана нас встретили довольно недружелюбно, отказали в прописке и предложили после отпуска вернуться туда, откуда прибыли (на Колыму). Только после предъявления копии направления Минздрава СССР на железнодорожную станцию Уштобе (оригинал был с 1940 г. в железнодорожной больнице Уштобе) нам разрешили переговоры с облздравотделом. Оказалось, в Текели нет работы. Заведующий облздравотделом (казах) отнёсся к нам с пониманием и направил на работу в областную больницу Талды-Кургана.

Переехали в Талды-Курган, арендовали небольшой домик. В сентябре начал работать ординатором хирургического отделения. Мой отпуск и путёвка на курорт превратились в мыльный пузырь, который, естественно, лопнул. Эльза воспользовалась отпуском и путёвкой, а потом начала работать главным акушер-гинекологом облздравотдела. Как во всяком начале и здесь были значительные трудности – новые места, новые люди.

В 1955 г. нас перевели в город Текели, меня заместителем главврача медсанчасти по лечебной работе, Эльзу – заведующей хирургическим отделением. Условия работы здесь были значительно лучше, чем в Талды-Кургане, больница

новая, типовая, прилично оснащённая – в этом был заинтересован "хозяин города" свинцово-цинковый комбинат.

В 1957 г. я заболел тиреотоксикозом в тяжёлой форме (Базедова болезнь) и почти год находился на лечении в Алма-Ате (институт хирургии). Вначале планировалась операция на щитовидной железе, но после полного обследования от этого плана отказались. Лечили всякими препаратами и на один месяц отправили на курорт в Кисловодск. Состояние на курорте и после продолжало ухудшаться. Пульс доходил до 170 ударов в минуту. Снова госпитализация в институте хирургии. Профессор А.Н.Сызганов, предлагавший ранее операцию, теперь предложил мне приём радиоактивного йода-131 – мне оставалось только согласиться. Совершенно не учли мою бывшую работу на СУ 859 (Маяк, плутоний). Получил 7 ед. йода-131 и уже через неделю функция щитовидной железы была настолько подавлена, что быстро начала развиваться картина Микседемы: отёки, тугоподвижность суставов, сонливость и др. После длительного применения тириондина эти явления стали уменьшаться, но пучеглазие осталось настолько сильным, что в глазной клинике Одессы рекомендовали временно закрыть веки во избежание заболевания роговых оболочек с помутнением. Я отказался. Был на консультации в центральном институте эндокринологии в Москве, здесь рекомендовали массивные дозы пенициллина и рентгенооблучение ствола мозга (считали наличие стволового энцефалита). От рентгенотерапии отказался, итак уже получил достаточно облучений

– я не хотел быть дальше подопытным кроликом. Пенициллин по 20 млн.ед. в сутки применял дома, инъекции делал сам в течение 7 дней. Эффекта от этого лечения не было и в 1964 г. согласился и получил 5 сеансов рентгенотерапии на ствол мозга. Общее состояние значительно улучшилось, но экзофтальм (пучеглазие) уменьшался медленно.

Из-за болезни решили выехать из Текели, к моменту выписки из клиники семья уже переехала в Талды-Курган. Арендовали небольшой дом на улице Маяковского. В 1959 г. построили свой дом (7 на 12 м), зал, спальня, детская, кухня, ванная, веранда и кладовая. Участок земли – 0.05 га. Посадили сад: яблони, вишни, урюк, сливу, виноград и через несколько лет имели хороший урожай. Фрукты были всегда в достатке, сушили на зиму. Держали кроликов, кур, кошку и собачку (последний был Бим). Был водопровод, электроосвещение, телефон, телевизор, пылесос, стиральная машина. Отопление водяное, топливо – уголь. Участок был огорожен на улицу штакетником, в остальном проволочная сетка. Была летняя кухня и хорошая беседка. С соседями жили дружно. Наш дом был рядом с больницей.

В областной больнице был принят на должность заместителя главного врача по лечебной части и полставки ординатора хирургического отделения. Эльза работала 3 месяца хирургом в онкологическом диспансере, а потом ординатором хирургического отделения. Я два раза был на специализации по грудной хирургии: в Тбилиси у профессора Антелава и в Алма-Ате в институте хирургии. Эльза проходила специализацию по

травматологии и ортопедии в центральном институте (ЦИТО) в Москве и вела у нас эту группу больных. Условия работы в областной больнице были намного хуже, чем в Текели. Больница размещалась в старых, тесных зданиях, строился новый медицинский комплекс. Больница была всегда перегружена. Много было выездов и вылетов в районы для оказания практической помощи. Более 10 раз был на пленумах, съездах, конференциях хирургов и в 1971 г. на международном Конгрессе хирургов в Москве.

В декабре 1960 г. получили вновь построенный стационар. Из хирургии выделилось травматолого-ортопедическое отделение, а заведующей стала Эльза. Каждое отделение имело свой операционный блок.

1964 г. Папе 50. Рядом братья Роберт (справа) и Отто с жёнами и детьми.

**Сын дяди Теодора Сигизмунд (пастор)
с семьёй в Канаде.**

В сентябре (число 13, год не помню) срочный вылет на станцию Лепсы и при посадке самолёт АН-2 опрокинулся. Моё счастье, что я был прикреплён ремнём, висел головой вниз. Пилот вылез через окно, открыл двери и освободил меня. По пути в больницу обнаружил, что все карманы пустые, всё вытряхнуло. Вернулся домой другим самолётом.

С марта по октябрь 1968 г. работал главным хирургом облздравотдела. Редко бывал дома, постоянно в районах, много оперировал. С октября 1968 г. по октябрь 1970 г. возглавлял областную больницу. Это был период напряжённой работы, коллектив был большой, только врачей было 108 человек. С октября 1970 г. опять главный хирург облздравотдела.

За все годы получил много благодарностей, грамот, но не правительственных наград – немец.

В день моего рождения: 22 апреля 1974 г. оставил работу в облздравотделе и ушёл на пенсию, пусть работают молодые. В июле этого же года

решил опять трудиться и поступил в отделение планово-экстренной помощи (санитарная авиация) на должность бортхирурга. Это была исключительно напряжённая работа и уже мне не под силу, особенно 1977 год. После одного из напряжённых дней (операция в Учарале, операция в Андреевке, вылет в Панфилов – ещё две релапаротомии) к 6 утра вернулся домой на санитарной машине. В 7.00 на утренней конференции в больнице: резкое ухудшение самочувствия с сильными болями в области сердца, установили инфаркт миокарда.

От госпитализации отказался и лечение проводилось дома. Врачи посещали регулярно 2 раза в день, чаще всех был Г.Г.Зигле, терапевт, вместе работали в облздравотделе. Через 3 месяца вернулся на работу, но уже на полставки в хирургическое отделение. Вёл в основном 2 группы больных: диабет с осложнениями и острый гематогенный остеомиелит. Много помогал молодым врачам. Стенокардия меня уже не покидала и в 1978 году опять признали инфаркт. После этого работал уже недолго. И с мая 1981 г. решил отдохнуть. В феврале 1986 г. по приглашению главврача горбольницы устроился в оргметодкабинет для налаживания работы, в основном статистики. В апреле 1989 г. окончательно оставил работу и сидел дома как пенсионер.

Итак, закончилась моя трудовая деятельность, по данным горсобеса трудовой стаж 51 год и 6 месяцев. Прожито не так уж и много, но пережито многовато для одной человеческой жизни. Особое

удовлетворение мне дала хирургическая деятельность, самое богатое время моей хирургической активности 1946-51 гг. Иногда доходило до 1000 операций в год.

О наших детях. Первый сын родился в 1938 г. в Одессе и умер, не дожив до 1 года. Эрвин родился в 1941 г., окончил школу, пытался стать врачом, но стал химиком. Закончил Томский университет. Прошёл аспирантуру в Томске и Барнауле, работал доцентом Тюменского индустриального института. В 1977 г. перешёл на работу на Томский нефтехимический комбинат, вначале начальником центральной лаборатории, затем заместителем главного инженера по науке и сейчас директором научно-исследовательского центра комбината. Имеет дочь Эльвиру (уже врач, двое детей: Алёша и Катюша), сына Игоря (фармацевт, сын Михаил). От второго брака имеет дочь Юлию.

Вельда, 1949 года рождения, по специальности врач, окончила Алтайский медицинский институт. Имеет сына Олега и дочь Нэлли. От второго брака имеет сына Эдуарда.

Мы с Эльзой уже прадедушка и прабабушка.

Германия

18 сентября 1992 г. выехали из Талды-Кургана на постоянное место жительства на родину наших дальних предков – в Германию. Живём на крайнем северо-западе Германии у границы с Голландией в городе Папенбург, Эмсланд, Нижняя Саксония. Имеем хорошую двухкомнатную квартиру со всеми

удобствами. Вельда с семьёй живёт в трёхкомнатной квартире в частном доме.

Процесс адаптации крайне сложный и резко болезненный. Верно, старое дерево не пересаживают!...

Климат здесь влажный, к чему трудно привыкнуть после Казахстана. Растительность богатая: от магнолии до сибирской берёзы и сосны. Морозы? Только заморозки. Снег крайне редко, много дождей и сильных ветров.

Не всё золото, что блестит... Там – фриц, немец; здесь – Иван – русский – чужой.

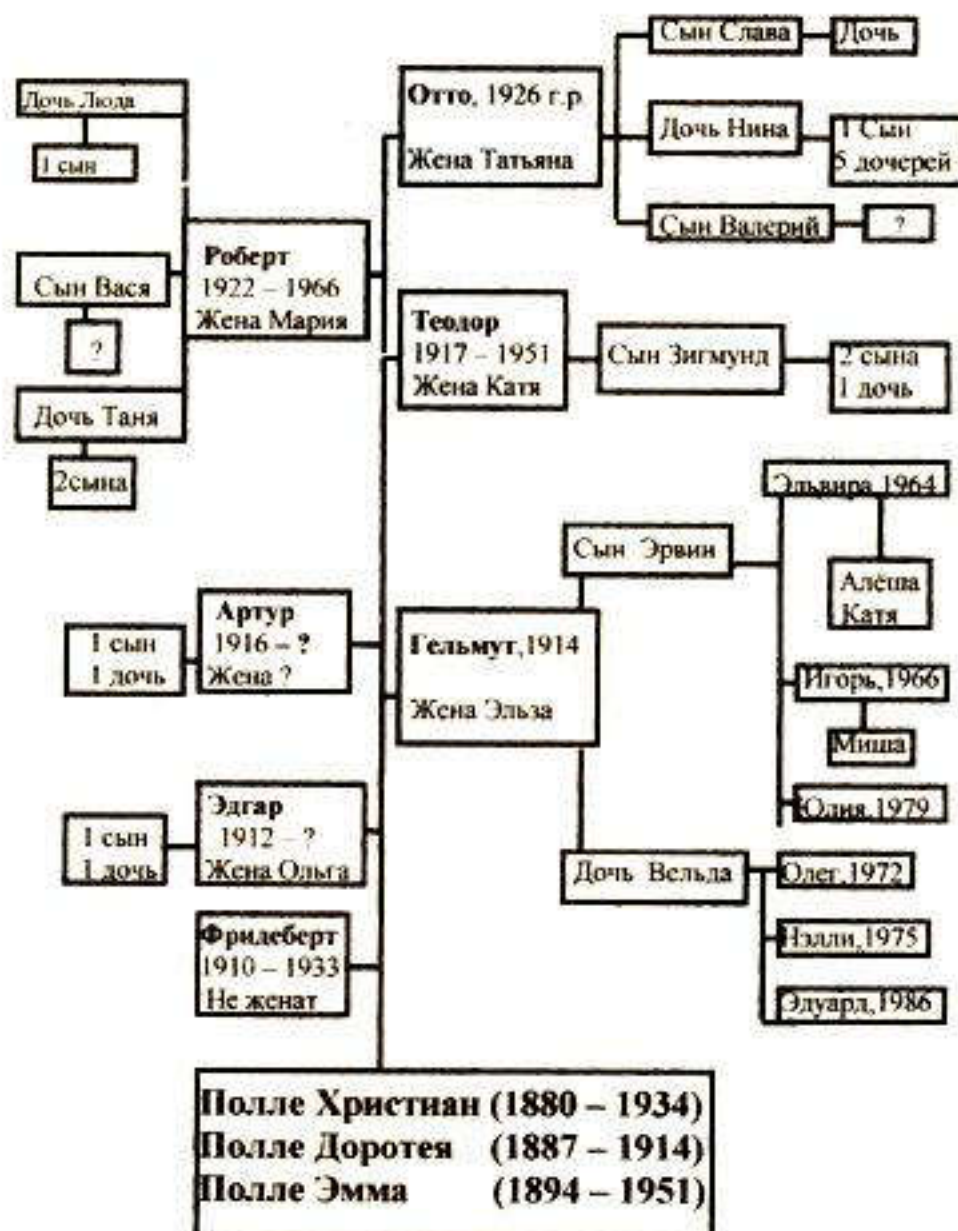
Спасибо Нэлли за переписку рукописи.

Папенбург.

Ноябрь-декабрь 1994 г.

Г.Х.Полле.

Часть родового дерева семьи Полле.

Приложение №2

Послесловие сына

Очень приятно, что смог довести до логического конца воспоминания папы и теперь есть возможность обеспечить всех заинтересованных родственников (да и не только) хорошо читаемым текстом.

При редактировании стремился к минимальным изменениям текста, в основном в области орфографии и синтаксиса.

Не могу не отметить, что память человека очень капризная штука. Целый ряд событий, описанных папой, начиная с 50-х годов, в моей памяти отложились по-другому, кое-что не совпадает по времени. Повторяю, в основном оставлен авторский вариант.

Очень рассчитываю, что настоящие воспоминания послужат канвой, тезисами более широких воспоминаний. Это очень важно для последующих поколений семьи Полле. Совместный багаж памяти папы и мамы огромен и есть ещё время, чтобы часть его оставить потомкам! Есть!

Томск, 15 августа 1996 г., Эрвин

РУССКИЙ НЕМЕЦ

Рядовая(?) история

© Э.Г.Полле

Томск, 1996 г.

*Посвящаю
папе Полле Гельмуту Христиановичу
и маме Полле Эльзе Корнеевне*

Введение

Примерно 30 лет назад я первый раз осознал необходимость подобной книги, обещал родственникам, но... Не доходили руки. Житейские, производственные заботы не давали возможности уделить достаточно времени. Сегодня время пришло. 22 апреля 1995 г. (через 3 дня) папе исполняется 81 год и я очень хочу, чтобы он успел прочитать и поcritиковать сочинение, предназначенное, в первую очередь, для родственников и близких друзей. Мои попытки привлечь папу к написанию истории семьи, а в настоящее время он проживает в небольшом городке Папенбург в ФРГ близ голландской границы, к успеху не привели. Хирург, лично лечивший Курчатова в знаменитом ныне атомном центре Челябинск-40, опасается писать и говорить на многие темы из прежней жизни, полагая, что это может повредить его детям, внукам. Человек, спасший десятки тысяч жизней, в Казахстане на улице не говорил по-немецки, а теперь в Германии опасается говорить на улице по-русски. Представитель беднейшей большой семьи из немецкой деревни в центре степного Крыма, в детстве переживший два страшных голода и в 27-30 лет трудармию, сумевший достичь квалификации хирурга высшей категории и должностей

областного хирурга и главного врача областной больницы, в 1992 г. пенсионером фактически вышвырнут в Германию.

Очень сложно ребёнку объяснить, что такое Родина. Особенно в нынешнее смутное время. Миллионы людей бывшего СССР мечутся между желанием жить хорошо и жить на родной земле. Ни в России, ни в Казахстане эти два понятия ещё долго не будут синонимами. В то же время просыпается интерес к истории государства, истории семьи. Чувство зависти наваливается, когда видишь по телевизору потомственного дворянина, рассуждающего о предках.

Почему же всё-таки мне пришлось взяться за написание этой книги. Не будет нескромным сказать, что я – единственный из всех двоюродных, троюродных братьев и сестёр как со стороны мамы, так и со стороны папы, достиг в СССР (о причинах позже) социально престижного (не материального) положения кандидата химических наук, доцента, директора научно-исследовательского центра Томского нефтехимического комбината. Особенно приятно ощущать гордость племянником со стороны тётушек, сестёр мамы (к счастью все пять сестёр живы, младшей 71 год) и дяди Отто (единственного из оставшихся в живых 6 братьев папы, в 14 лет инвалидом отправленного в трудовую армию на шахту в Кизеле).

Надеюсь, родственники не поймут, что этой книгой делается попытка как-то возвеличить автора. На примере конкретной личности и конкретной семьи показывается, что у русского немца (абсурдность даже в самом понятии) есть два

альтернативных выхода: либо выезд в Германию с постоянным ощущением за спиной рассуждений о русских свиньях и с надеждой, что дети (внуки) уже будут натуральными немцами, либо полная ассимиляция с отмиранием национального достоинства (о языке и говорить нечего). Тысячу раз был прав папа, когда 6-8 лет назад повторял, что выезд немцев СССР в Германию – это современная работоторговля, а продавец – М.С.Горбачёв. Б.Н.Ельцин несколько раз высказался по вопросам автономии русских немцев в стиле "слона в посудной лавке", после чего панические настроения овладели подавляющим большинством немцев. Да и история России ничего хорошего не обещает, гонения и переселения потомков призванных Екатериной Второй немцев были в России неоднократно и в досоветский период.

Автор – не профессиональный литератор, но всё-таки надеется, что изложенное не покажется слишком сложным чтивом. Возможно читатель найдёт что-то полезное и интересное для себя и оставит книгу для чтения детьми и внуками (боюсь, для внуков переселенцев в Германию это уже будет трудная задача).

P.S. 1. В апреле 1995 г. одновременно начал две книги, но смог "справиться" только с одной. "Томский нефтехимический комбинат. Хроника. Субъективные заметки директора научно-исследовательского центра." Закончил в течение года и первый экземпляр вручил родителям (дело за "небольшим" – найти средства для издания типографским способом).

2. Существенные коррективы в план настоящей книги внёс папа, всё-таки прислушавшийся к давлению детей и написавший воспоминания "ТАК БЫЛО! Из жизни советских (русских) немцев." 15 августа 1996 г. я распечатал с небольшими коррективами отличную рукопись, жаль очень короткую, отправил в Папенбург, Тюмень, Акмолу.

3. В США издана книга "Полле", в которую внесены десятки наших родственников (однофамильцев?). В книге представлены Полле (с адресами), живущие в Германии, США, Австралии, Южной Африке... Нет России... Мне знакомы в книге четверо: папа, сестра Вельда, двоюродный брат Зигмунд и его мать из Канады.

19 августа 1996 г.

Э.Г.Полле

PPS. Просмотрел законченный текст и ещё раз обращаюсь к читателю. Прошу учесть следующее.

1. Попытки быть объективным в суждениях упираются в стену нежелания случайно обидеть близких мне людей. Поэтому в ряде случаев оставил мнение с негативным оттенком при себе. Не надо пытаться сопоставлять очень краткие характеристики персонажей, не в этом цель книги.

2. Личную искренность автора (полная откровенность в документально-автобиографическом сочинении исключена!) надо попытаться правильно понять. Смятение души, постигшее автора в возрасте 30-35 лет скорее всего запрограммировано всей предыдущей жизнью: внутренний страх и беспомощность перед лицом официальной власти; воспитанная

законопослушность; временами неуверенность в собственных силах, временами донкихотство; ожидание, что в трудную минуту останешься без поддержки...

3. Очень сложно выделить элементы личной деятельности во взаимовлиянии производственных и семейных факторов.

26 ноября 1996 г.

Э.Г.Полле

Уштобе ***(1941- 1946).***

Туркестан-Сибирская железная дорога (Турксиб). Захолустная станция Уштобе ~ в 300 км от Алма-Аты. Хорошая охота (фазаны, зайцы, лисицы, сайгаки...), хорошая рыбалка (сазан, маринка, осман...). Большая часть населения – корейцы, принудительно переселённые в 1938 – 1939 гг. с Дальнего Востока, занявшиеся разведением риса и овощей. Здесь **11 марта 1941 г.** в железнодорожной больнице впервые "пискнул" автор. Назван именем умершего два года назад старшего брата (подобная настойчивость встречается очень редко и подчёркивает характер родителей!!). Молодые специалисты – Полле Гельмут и Эльза – после окончания в 1940 г. Одесского мединститута работали в Уштобе по министерскому распределению.

Уважаемый читатель! Настоящую книгу нужно рассматривать как приложение к воспоминаниям папы "ТАК БЫЛО!", в связи с чем будет опущено

то, что уже написано. Естественно, это касается и пребывания папы в трудармии (1942 - 1946 гг.). Стоп, небольшая остановка!

Папа и мама

Папа родился 22 апреля 1914 г. в Крыму, мама 28 июня 1916 г. в Запорожской области. Папа – третий из семи братьев, мама – вторая из 5 сестёр.

Папа хорошо описал свою молодость в "ТАК БЫЛО!" Мама начинала учиться в педагогическом институте, сбежала "с голодухи". Дальше учёба в медтехникуме, знакомство с папой. В результате хорошей учёбы оба попали в 5% выпуска, имеющих право сразу по окончании техникума поступать в институт. В 1935 г. стали студентами немецкого отделения Одесского мединститута. Весь период учёбы были очень активными, папа в общественной жизни, мама – в спортивной: волейбол, шахматы.

Много раз рассказывали в семье про свадьбу в 1937 г. в маминой родной деревне Генаденфельд (большинство – немцы-менониты), для односельчан было необычно, что Эльза "привезла себе шваба", а мальчишки бросали камни в окна. Своевременно появился первый Эрвин, к сожалению, не проживший и года. Здесь следует подчеркнуть, что жизнь была родителей с детства до старости. Достаточно сказать, что я никогда не видел родных дедушек и знал только бабушку Лизу (мать мамы). Вся сознательная жизнь родителей – принудительное блуждание по свету. Болезни и операции. Разборки детей со своими супругами. Переживания за внуков. И многое другое.

Что же в таком случае позволило папе с мамой достичь зрелого возраста? Мне кажется главных два момента.

Первый – любовь, невозможность существования друг без друга! Счастливая 60-летняя совместная жизнь мамы и папы во многом связана с сочетанием очень разных характеров. Папа – "жаворонок", всё стремится сделать очень быстро. Мама – "сова", всё старается делать более обстоятельно. Характер мамы носит черты отчётливо выраженного командного стиля, в значительной мере этому способствовала многолетняя работа руководителем отделения, особенно травматологического в областной больнице, в котором все ординаторы – мужчины. Сколько помню, папа всегда уступает маме в семейных ссорах, оставаясь при своём мнении. С другой стороны, никаких важных решений в семье без советов с папой мама не принимала и не принимает. Пример семейной жизни родителей достоин подражания, но родные дети почему-то предпочитают искать сочувствия в неудачной жизни, вместо того, чтобы достойно её организовать.

Второй момент – высочайший уровень профессионального мастерства в самой гуманной специальности. Любые отклонения в организме супруга или собственном немедленно профессионально оцениваются и начинается лечение. Вот эта своевременность лечения совместно с доступом к средствам лечения (лекарства, кровь, процедуры, квалифицированная

помощь...) не могли не сыграть свою положительную роль.

Должен отметить, что мои дети любят "ому с дедой". В то же время весьма ревнивы к отношению последних к внукам, остро воспринимают кажущееся или реально разное отношение к моим и Вельдиным детям. Аналогично отношение и обеих моих жён. По-видимому, мама и папа не улавливают, что многие из родственников не адекватно воспринимают радость по поводу очередного облагодетельствования Олега или Нелли покупкой автомобиля... Впрочем, это личное дело родителей.

В Уштобе жизнь в войну была впроголодь. Жили мы вчетвером с мамой, тётёй Мусей и её дочкой Вельдой, моей ровесницей в доме при железнодорожной больнице. Смерть Вельды в двухлетнем возрасте нелепа и ужасна; играла со мной во дворе больницы, яблоко упало в пожарную бочку, Вельда полезла за ним и... утонула.

По воспоминаниям мамы во время войны я переболел всеми детскими болезнями. В связи с тяжёлой загрузкой мамы в больнице со мной больше занималась тётя Муся (учительница). Особенно мама любила ездить на вызовы в корейские колхозы, в благодарность те расплачивались продуктами питания, в первую очередь рисом. Почему-то уштобинских корейцев не брали ни в армию, ни в трудармию и жили они по тем временам очень сытно (правда, и работать корейцы всегда умели, и снимали по 2-3 урожая овощей за сезон).

В памяти несколько искорок. Празднование Нового 1945 года. Вместо ёлки наряжен ватой и игрушками саксаул, взрослые выпивают. "Ёлка" загорается, тушат одеялами, большая часть игрушек побита. А игрушки – не чета нынешним...

При больнице был отличный яблоневый сад (апорт, лимонки...). Сторож поймал мальчишку лет 6-7, взял за ноги и головой об землю. Ужас!..

Приезд папы летом 1946 г. в типичных американских пальто и костюме. Подарки практически не довёз: при пересадке на Новосибирском вокзале воры разрезали рюкзак за спиной и всё содержимое "позаимствовали".

Как только папа получил разрешение сразу перевёз семью на Челябинметаллургстрой. Запомнился папин учитель профессор-хирург А.А.Руш (тоже трудармеец, на его похоронах в 1949 г. присутствовал весь Челябинск). Профессор всё развлекался: Маруся приехала (на мне была вязаная шапочка, полностью закрывающая щёки).

Мама по приезду кое в чём быстро навела порядок: вывела из окружения папы некую "рыжую даму"; избавила папу от привычки принимать перед операцией 100 грамм спирта...

Очень недолго пробыли в "большом" Челябинске и в конце 1946 г. переехали на великую "атомную" стройку, будущий Челябинск-40 (в настоящее время не то Озёрск, не то Снежинск).

Челябинск-40

(1946-1951)

Одноэтажный барак, в котором нас поселили (в комнате две семьи и телёнок, несколько позже отдельная комната), находился на берегу большого озера, прямо напротив красивейшая церковь в знаменитом на весь мир изделиями из чугуна Касли. Родители уходили на работу и меня в комнате закрывали на целый день; очень быстро приспособился вылезать через форточку на улицу.

Самые первые впечатления: огромное количество побирающихся и калек; рыбаки на знаменитой ныне своей радиоактивной грязью речке Теча у какой-то запруды большим сачком вылавливают крупную рыбу; ловля раков в озере; необычные игрушки (американские палочки, шарики, высекающие искры)...

Запомнились и несколько негативных моментов из дошкольного периода. Однажды перевернулся плот, на котором нас было трое. Я – единственный, совсем не умеющий плавать. Хватило самообладания по дну под водой пешком выйти на берег. Родители до сих пор этого не знают.

Ещё неприятность. Пацаны очень любили палками или камнями кидать в проезжающие машины и убегать. И вот я каким-то шестом ткнул в окно "Победу", водитель остановился и за мной. С разбега так растянулся, что разбил в кровь лицо, живот и колени. Поделом! Водитель не тронул, похоже сам за меня испугался.

В 1947 г. приехала бабушка (мамина мать).

Бабушка

Бабушка – Елизавета Дитриховна Вельк, урождённая Ремпель – родилась 7 ноября (помните, какой ещё недавно был праздник!) 1891 г. в зажиточной крестьянской семье в Запорожской области (деревня Генаденфельд). Родители её продали огромный красивый дом (видел этот дом на открытке), чтобы дети (первые четверо – братья, затем Мария, Елизавета, Сара, Агата). Все, кроме бабушки, получили дипломы ещё в царские времена. Трое окончили медицинский факультет Дерптского (ныне Тарту) университета. Мария – акушерка (удивительный документ видел своими глазами лет 35 назад: "Именем его императорского величества, самодержца всероссийского, царя польского, князя финляндского... и прочая, и прочая и прочая присваивается звание повивальной бабки первого разряда..."). Сара – учительница (даже в Томске в студенческие годы меня находили её ученики, отзывались с добром; могла лбом проказника дверь класса открывать, никто на старушку не обижался). Агата – врач-бактериолог.

Братья бабушки исчезли в гражданскую войну, двое обнаружили в 60-е годы в Калифорнии (США), один из них (Густав?) имел собственную клинику и несколько лет финансировал посылки тётки Вельды сестрам в Казахстане. Кстати, из братьев бабушка чаще всего вспоминала Густава как очень энергичного и весёлого.

Дед Корней Вельк

1913 г. Бабушка и дедушка – молодожёны.

1952 г. С бабушкой на Колыме.

Сёстры бабушки много лет жили вместе, без мужей, один ребёнок (Агаточка у Сары). До войны имели собственный дом в Симферополе. Большие я знаю о самой младшей Агате Дитриховне. Судьба её сложилась так, что умерла старой девой. В начале тридцатых годов имела друга – немца, работавшего по концессии. После его ареста (причина? – шпионаж?!), носила в тюрьму передачи. Однажды увидела его опухшим, без растительности на лице. – Ты побрился? – Нет, вырвали по одной волосинке! (Этот факт она рассказывала мне лично.) Через некоторое время её арестовали, дали 10 лет и отправили в лагеря Архангельской области. Впоследствии была полностью реабилитирована. В 50-е годы сёстры вновь собрались вместе в городе Щучинске Кокчетавской области (рядом известный курорт "Боровое"), там все по очереди и ушли в мир иной.

Когда прошла частичная реабилитация немцев сёстры попытались вернуть свой дом в

Симферополе; появились в городе, на следующий день анонимка "или убирайтесь, или вам не жить!" Желание бороться с постоянной несправедливостью полностью отбито предыдущей жизнью, посмотрели на свой дом и больше никогда в Симферополь не приезжали. Агаточка, дочка Сары, вышла замуж, родила двух детей. Жили в двух домах. Муж – Андрей (Генрих) – отличный мужик и единственный на два дома, к сожалению, не так давно умер. Агаточка сейчас также живёт в Германии.

1956 г. Щучинск, Кокчетавской области.

Бабушка с сёстрами.

Сидит слева Мария, стоят Агата и Сара.

Бабушка, единственная не имевшая престижного образования (6 лет реального училища и кулинарная школа в Бердянске), вышла замуж в 1913 году и родила 5 дочерей (Вельда –

1914, Эльза – 1916, близнецы Мария и Марта – 1920, Луиза – 1924). О дедушке Корнее практически ничего не знаю, кроме того, что исчез в 1937 г., когда в одну ночь вывезли всех взрослых мужчин деревни. Попытки 50-60-х годов выяснить судьбу дедушки ни к чему не привели ("документы утеряны?!"), однако, в семидесятых годах кто-то рассказывал, что видел его после войны в Северном Казахстане. Бабушка этого уже не услышала.

Жили очень скромно, тем не менее старались дать детям образование (Вельда – аптекарь, мама – врач, Мария – учитель, Марта – фельдшер. Не повезло только Луизе: война!). Была одна корова, которую отобрали при коллективизации. В колхозе бабушка работала дояркой, очень гордилась множеством почётных грамот, в 1935 г. её премировали тёлкой, опять появилось своё молоко.

1941 год! Запорожье под бомбёжкой, тётя Марта рождает Рудика (на знаменитом острове "Хортица"). Начинается эвакуация на восток, бабушка с двумя дочками и Рудиком в толпе дошли до Миллерово. Станцию разбомбили, всем приказано возвращаться по своим деревням. Через некоторое время репатриация в Германию (об этом в семье очень мало говорили, боялись). Что пришлось пережить бабушке в военные годы невозможно описать, она не хотела об этом вспоминать. Но завершение войны: групповое изнасилование одной из дочерей советскими разведчиками; возврат в СССР (вроде бы добровольно, на границе взяли под охрану и в Котлас на лесоповал); из трёх дочерей, оказавшихся в военные годы в Германии, Вельда

отказалась ехать и вскоре очутилась в Канаде. Бабушке и в леспромхозах Котласа пригодились кулинарное искусство, работала поваром.

С 1947 г. и до конца своих дней в 1961 г. бабушка жила в нашей семье...

1960 (?) г. Бабушка в Талды-Кургане.

**1962 г. У гроба бабушки
младшие сёстры и дочери.**

Продолжу. Приезд бабушки помог родителям решить "мою проблему". Через небольшой промежуток времени переехали в двухкомнатную квартиру в соседнем бараке с видом на озеро и небольшим огородом. В сарае постоянно держали кроликов, папа по дороге с работы (15.30) набивал мешок травой. Почти каждый вечер ходили с папой на рыбалку (100 м от дома). Первое время неплохо клевало (чебак, окунь). Леску достать нельзя было и делали её из кусков хирургического кетгута, получалась пародия на нормальную леску, кетгут набухает в воде, но тем не менее без рыбы домой не возвращались. Интересно было ловить и раков, под камнями и корягами. Инструмент – обычная острая вилка, привязанная к палке.

Несколько воспоминаний. У меня был самодельный сачок для ловли бабочек и жуков, рядом был лес. Помню, как из большой коробки среди ночи расползлись жуки (по-видимому, майские) по квартире. Эффект объяснять не надо. Несмотря на коллективное воспитание, любовь к сачку осталась и однажды в своих любимых местах (берёзы, папоротник...) обнаружил колючую проволоку. Началось (или завершилось) оконтуривание будущего секретного города Челябинск-40. Причём вооружённой охраны было великое множество. Помню, как по замёрзшему озеру катались шести- семилетние мальчишки на лыжах и откуда-то охрана с автоматами: "Назад!"

В апреле 1947 г. в Челябинске-40 появилась и 1 мая родила Витю тётя Муся. Остановлюсь.

Тётя Муся

Ближе всех в детстве я был с тётей Марией, до сих пор называю её тётей Мусей. В начале войны вместе с дочкой (см. выше) приехала к моим родителям в Уштобе. Работала учителем немецкого языка (и до ухода на пенсию). После трагедии с дочкой больше занималась со мной. Отец Вельды был в трудармии и простить смерть дочери не смог. Может быть, было что-то ещё в их взаимоотношениях, но мне это неизвестно, а расспрашивать через 50 лет как-то неловко.

В 1946 г. тётя Муся вышла замуж за Павла Матвеевича Ремезова (1919 - 1966), молодого красивого офицера, родом из местных семиреченских казаков. Дядю Павла вспоминаю только добром, много раз в студенческие годы и позже мне доводилось останавливаться в этом доброжелательном доме: с Уштобе начинался железнодорожный путь в Сибирь. В их доме всегда было много книг, очень уютно и чисто. При жизни дяди Павла в отличном состоянии был сад. Один недостаток: любил выпить и как будто бы это была основная причина такой ранней смерти. Инфаркт случился на моих глазах в доме родителей в Талды-Кургане в первых числах октября 1966 г. (привёз Нину рожать второго ребёнка).

Сейчас у тёти Муси трое детей (Виктор, Владимир 1951 г.р., Ирина 1963 г.р.), имеющих по несколько своих детей, все (за исключением двух внуков, детей Володи) живут в Германии. По разным причинам, но все трое не работают, не в пример их супругам.

Тётя Муся и дядя Павел.

В 1948 г. пошёл в первый класс; школа начальная, одноэтажная, на Тече. Помню первую учительницу Лилию Алексеевну, помню первую оценку по чистописанию – "двойка". Помню сбор подарков Сталину к семидесятилетию, отправляли в Москву табели отличников (любое дело можно довести до абсурда). Помню приём в пионеры, очень гордился, так как в 1-й четверти 2-го класса приняли только несколько человек. Вглядываясь в классные фотографии 1-го и 2-го класса, видишь ужасающую бедноту, на обеих фотографиях только автор в белой рубашке, остальные кто в чём.

Резко изменилась ситуация в 3-м классе, когда был переведён в четырёхэтажную десятилетку в новом городе, здесь уже учились дети других родителей (кстати, дирекция начальной школы очень просила родителей оставить меня в старой школе). Из тех начальных классов вспоминаются ещё драки улица на улицу; вызов родителей, когда я ходил по карнизам 4-го этажа из окна в окно; операция аппендицита; курение в сарае с последующей поркой, запомнил навсегда; походы в чужие огороды за огурцами, однажды обнаружен хозяйкой (наши семейные друзья Лонзингеры); система воспитания – стояние в углу на коленках пока не попросишь прощения, но упрямства мне не занимать, никогда не использовал сей метод к своим детям; постепенно закончилась рыбалка, раков совсем не стало; нелюбовь к супу с морковкой и ненависть к навязываемому рыбьему жиру; очень богатые городские новогодние ёлки (в подарок за выступление на сцене в роли "мужичка с ноготок" получил конструктор, немыслимо роскошный по тем временам подарок); на день рождения (10 лет) гости принесли 3 одинаковых подарка – книгу "Три зимовки во льдах Арктики"; большая популярность игр в шахматы и "пёрышки" (имел целую коллекцию выигранных перьев для письма)...

18 января 1949 г. родилась сестра Вельда. О том, что она должна появиться, не имел понятия. В ночь перед родами ночевал у студенческих друзей родителей (сын – ровесник Рольф, впоследствии Владимир (!!!) Изаак). Никогда не принимал мотивы изменения фамилии и имени, связанные с национальностью. Глубоко убеждён, что каждый

человек должен гордиться своей национальностью, фамилией и именем, которые подарили ему родители вместе с жизнью. Не могу понять братьев Ремезовых (отличная русская фамилия), меняющих свою фамилию (с этой фамилией живёт мать, тётя Муся, и самим около пятидесяти) на немецкие, причём разные, под предлогом, что это нужно для детей. Чепуха! В определённые исторические периоды русский немец в России всегда будет "Фриц", а в Германии "русской свиньёй", независимо от твоего имени и фамилии. Как в старом еврейском анекдоте "...бить будут не по паспорту, а по морде!"

Вельда

Довольно большая разница в возрасте много лет сказывалась в отношении родителей, обычно младших больше балуют. В раннем детстве очень плаксива, вспоминаю сколько общих нервов тратилось, когда её усаживали фотографироваться. Кроме 5 лет института Вельда постоянно живёт рядом с мамой и папой. Неплохо закончила школу, в 1966 г. поступила в мединститут в Барнауле (при моём и Аникеева активном соучастии). Вышла замуж за одноклассника Женю Шипицина. От него двое детей Олег (1972 г.р.) и Нелли (1974 г.р.). Разошлись. Второй муж – Саша Машкин. От него сын Эдик (1986 г.р.). Все, кроме Олега, находятся в Папенбурге. С выездом Олега уже более 5 лет проблемы, пока он живёт в Тюмени, непонятно чем занимается и периодически приезжает в Папенбург в гости. Очень неприятная ситуация! Нелли

учится, если я правильно понял, на экономиста туристического бизнеса (имеет совместно живущего друга - сокурсника). Эдик пошёл в 5-й класс. Все трое детей под постоянной опекой и поддержкой бабушки и дедушки. Смысл одной из любимых папиных пословиц: "Плох тот дед, который не в состоянии довести своего внука до пенсии". Особое отношение к этим внукам всегда остро чувствовали мои дети и это очень раздражало обеих моих жён.

В Талды-Кургане Вельда сначала работала участковым терапевтом, затем санитарным врачом. В Папенбурге пока оплачиваемой работы не имеет, 6 месяцев стажировалась в госпитале и подтвердила советский врачебный диплом. Пока один из местных врачей использует её в своей практике с полной загрузкой (знание русского языка привлекает приезжих "русаков"), но без оплаты. Больше года. Нонсенс! Похоже, что-то здесь остаётся "за кадром".

Папа очень скромно описал свою и мамину работу в воспоминаниях "Так было!" В частности, он ничего не пишет о встречах с Курчатовым, хотя в семейной памяти это отложилось очень чётко. Не написал он и о том, как ему делали операцию аппендицита. Мама много лет смеялась как специально приглашённый из "большого" Челябинска профессор мучился с простой операцией. Мама стояла рядом с операционным столом, а профессор, по-видимому, несколько десятков лет уже аппендицит не оперировал. Вспомнил этот эпизод, так как на 3-й день после операции, являясь пациентом, папа уже оперировал,

спасая чью-то жизнь. Папа и мама имели много ночных вызовов.

О популярности папы свидетельствует и факт, описанный мной в "Хронике ТНХК" и приведённый при описании 80-х годов. В 1980 г. в моём кабинете появился руководитель отряда монтажников из Челябинска-40 Антонов и спрашивает: "Хирург Полле не Ваш родственник?" Прошло 30 лет!!!

Челябинск-40 строился очень быстро. На берегу озера, метрах в двухстах, от нашего дома построили громадный (по меркам детского восприятия) парткабинет с большой библиотекой, которой я интенсивно пользовался (читал очень много). Город затягивался в асфальт, появились проспекты Сталина, Берия, большие дома. Исчезли нищие и калеки (тогда я не понимал, куда они делись, а их просто вышвыривали "за забор").

Ежегодно, с 6 лет ездил в пионерлагерь куда-то в район Кыштыма. Запомнилось много ужей и слюды, выходящей на поверхность. Невдалеке от пионерлагеря стоял трофейный танк (как и зачем он там оказался мне и сейчас неясно, но пацаны любили по нему лазить). Очень запомнил возврат из последнего лагеря. 1 июля 1951 г., на улице жара, а в квартире темнота (всё занавешено), прохладно и бабушка к приезду приготовила что-то вкусное.

3 июля произошло событие, резко изменившую жизнь нашей семьи. После обеда принесли повестку, предписывающую быть готовым к отправке к 6.00 5 июля. Папа был на больничном – сломана ключица (уронил лестницу).

События с переездом на Колыму хорошо описаны папой. Немного добавлю. В описываемый

период в Челябинске-40 всё население условно делилось на две категории: "строители" и "заводчане". По мере строительства основных объектов по производству оружейного плутония, участников строительства, начиная с 1949 г., отправляли по этапам на Колыму. Существовала специальная аббревиатура "ОК" (особый контингент). Насколько мне известно, наш этап оказался последним. А пока начались срочные сборы с помощью знакомых, бесполезные обращения знакомых к руководителям Челябинска-40 (работники ведомства Берия), поиски сундуков для упаковки вещей, покупка чемодана вафель, ликвидация и за жарка всех кроликов... Одна из основных версий (истинные причины сгниют в архивах МВД) нашей скоропостижной отправки связывается с тем, что во время войны бабушка была в Германии.

Не рисуясь скажу, что поездкой на Колыму началась для меня школа жизни и впечатления сохраняются до ухода в мир иной. При отправке разрешили взять все вещи, так что две трети железнодорожного состава – товарные вагоны с нарами и фанерной парашей в центре для людей, треть состава – с вещами.

Поразило обилие голодающих вдоль дороги, мы постоянно бросали людям остатки хлеба. Я располагался на верхних нарах у окошка и постоянно слышал: "Почему за решёткой дети?". Конечно, вся трагичность ситуации тогда мне была недоступна, но это было "открытие мира". Почему-то поразило обилие вдоль дороги раскосых людей, всех их называл "бурят-монгол". Удивительно,

что никто меня не поправлял, всем было не до моих восторгов.

Через 3 недели в Ванино в одном из пересылочных лагерей, известных по знаменитой лагерной песне о поездке в Магадан, начали собирать этапы из закрытых городов типа Челябинск-40 (Глазов, Невьянск...). Запомнилось: бывший папин больной зэк Гроль ночует на наших сундуках (кстати, сундуков было довольно много); поножовщина и стычки бывших зэков из разных городов; реактивные истребители, постоянно летавшие рядом с лагерем на низкой высоте, удивительное в 1951 г. зрелище (над Челябинском-40 вообще самолёты не летали); закупка в магазине множества банок компота ткемали против укачивания и галет.

5 суток в трюме товарного теплохода "Минск", дышать нечем, постоянно качает (3-4 балла), вкус ткемали ощущаю до сих пор.

Нагаевский порт, Магадан, очередная лагерная пересылка. Запомнил колонну женщин - каторжан (номер на спине, номер на груди, охрана с винтовками на перевес и собаки), никогда даже колонн мужчин с такой охраной не видел.

Через несколько дней погрузка в машины. Подана колонна "Татр" с прицепами. В прицепах вещи, в основном кузове под тентом человек 10 на своих матрасах, тюках. Два водителя, два вооружённых охранника и вперёд по колымской трассе, почти 600 км на север. Естественно, в то время никакого асфальта не было. На остановках поразило обилие ягод (сентябрь!).

Перевалка в районе Саганьи, стоят палатки. Трактора с санями вывозят с места нашего назначения нацменов - "власовцев" (в то время всех граждан СССР, которые воевали вместе с Гитлером, называли власовцами), то есть предстоит практически полная замена жителей прииска. Наконец, грузимся в сани и не спеша двинулись. 30 км продвигались более суток, трактора старые, постоянно спадают гусеницы или отлетают башмаки. Трактористы без конца чифируют (пачка чая на алюминиевую кружку).

Джелгала, Ягодное (1951-1954)

21 сентября 1951 г. прибыли на прииск "Джелгала". Варлам Шаламов в "Колымских рассказах" неоднократно упоминает страшную "Джелгалу", он работал фельдшером в той больничке, в которой начали трудиться мама с папой и, по-видимому, вывезен оттуда буквально перед нашим приездом. Конечно, в то время мы о писателе Шаламове ничего не слышали, да и проявился он значительно позже Солженицына.

Опять сталкиваюсь с ситуацией, когда ощущаю потребность описывать события уже изложенные папой. Поэтому очень кратко в дополнение.

О дискриминации по национальному признаку. Все приехавшие по этапу разделены на 2 категории: бывшие зэки (в основном, русские) и немцы. Русские заключают обычный северный договор на 3 года с повышением северных надбавок каждые полгода и после отработки 28 месяцев (в год 2

месяца отпуск и 2 месяца в 3 года даётся на дорогу) могут свободно ехать на материк в любом направлении. С немцами договор не заключается, и они не имеют права покидать прииск. А ведь привезены на Колыму в одинаковых скотских условиях.

Больница расположена на бугре над прииском. Мама с папой – весь врачебный персонал. Некоторое время жили при больнице. В день приезда видел как трое военных гонялись за человеком и пристрелили его около больницы. Единственная власть на прииске – начальник прииска, подчиняющийся Северному управлению (центр – Ягодное) Дальстроя (входит в состав Хабаровского края), деления по районам нет, милиции нет, одни солдаты. Связь с Ягодным – телефон, курьер (приисковый курьер каждый день ходил пешком до трассы и обратно и прославился тем, что прошёл на своей работе расстояние, в несколько раз превышающее экватор). Зимой накатывается дорога, работающая с большими перебоями.

В магазине, в основном, консервные коробки – остатки от американской помощи в военные годы (бабушка была очень довольна наличием коробок с не используемыми северной кухней специями: анис...), сухие молоко и яичный порошок, сушёные картошка, лук и другие овощи. Витамины надо было добывать самим: кедровый стланик, брусника, голубика... К счастью, всё это было в изобилии. Папа снабжал аптечными витаминами, в первую очередь драже из шиповника. Из голубики папа ставил вино. Помню, как-то ночью

двадцатилитровая бутылка взорвалась, перепуганы все, а голубизну на стенах так и не удалось ликвидировать.

**1952 г. Желгала, центр детских развлечений,
я – в кепке.**

Получили двухкомнатную квартиру. В кухне клетка для свиней, над ними клетка с курами. Моя работа – каждый день приносить с лесопилки полмешка опилок. Запомнил бойцовый характер петуха. На приiske и было не больше 10 петухов, он побивал всех, пока однажды потерпел поражение так, что несколько дней не мог ходить, кто-то положил его на завалянку без признаков жизни (не исключая, что его поражению поспособствовал кто-то из людей). Но оклемался.

Цены на приiske по тем временам бешеные: мясо 100 руб./кг, яйца 100 руб./десяток, курица – 300 руб. (в магазине ничего этого не было). Бабушка продавала яйца поштучно и вела запись. Кур как купили за 3200 руб., так и продали через год за эту же цену перед переездом в Ягодное. Куры окупили

себя очень здорово, правда и кормили их хорошо витаминизированной пищей (орехами, брусникой, свежей зеленью, которую выращивали в ящиках на окнах – овёс)...

Сразу по прибытии пошёл в школу. Опять начальная. Трёхкомнатный дом, 19 учеников, одна учительница. Помню только фамилию, она с мужем – приисковым радистом "рыжим Бияйко" жила в соседней квартире (детей не было, муж издевался, и бабушка очень жалела её). Некоторые родители периодически устраивали обструкцию учительнице, писали какие-то письма, но мои этим не занимались и претензий учительнице не предъявляли.

При школе жил сторож – уборщик, очень чистоплотный, крепкий, усатый мужчина лет 50-60 родом с Западной Украины. Я в его камерке часами находился, похоже, он был из дезертиров по религиозным причинам. Привязанность была взаимной. После мытья или подметания всегда опрыскивал классы одеколоном, которым снабжал его папа (зав. аптекой!).

Учёба проходила в две смены: 2-й и 4-й класс сидели вместе, выпускников 6. Занимался неплохо, на выпускные экзамены приехал (пришёл!) учитель из Ягодного (запомнил его большие резиновые сапоги). Экзамены сдал отлично и получил похвальную грамоту с Лениным и Сталиным, интересно сейчас её рассматривать.

Досуг на прииске для детей предельно убогий, для взрослых не лучше. В центре прииска стояла ручная карусель, было помещение для торжественных мероприятий и показа кинофильмов

(дикий фурор произвёл "Тарзан", желающие посмотреть переломали все двери).

К 1 сентября 1952 г. привезён в Ягодное, в интернат. Родители всё ещё не имели права покидать прииск, даже проводить ребёнка. Интернат при средней школе. Рядом стоят три здания: школа, интернат, столовая. В спальнях по 8-10 человек. Первое впечатление: старшеклассники роются в тумбочке и на твоих глазах выгребают то, что нравится. Ни тебе "здрасьте", ни тебе "спасибо".

Лето 1953 г. Желгала. Семья в сборе.

Интернат в младшем возрасте (11 лет) закладывает базу для самостоятельного движения по жизни, и эту роль интерната я чувствую до сих пор. Без напоминаний выполнение уроков, уборка за собой, режим, мелкая стирка, баня и т.п. Конечно, тянуло домой, и зимой школьников (человек 15)

привозили домой, но потом подымалась метель (сформированных дорог не было), возврат задерживался на 2-3 недели и проходил следующим образом: школьники набивались близко друг к другу в легковой "газик" (прародитель современных УАЗ-469), который ставится на сани, и трактор тащит до трассы, а дальше легче.

Изредка стали выпускать в Ягодное папу за медикаментами, тогда он привозил посылку с продуктами и много витаминов. В комнате – праздник! Двери на замок и справедливый делёж всего поступившего через завязанные глаза. Чтобы старшие не отобрали, приходилось всё сразу съедать. Удивляюсь, как ни разу не случилось беды, так как одновременное потребление штук 30 витаминов РР давало дикую аллергию, невозможно было ни сесть, ни лечь, подпрыгивала температура, всё тело как будто пронизано иголками.

С посылкой из дома связан один неприятный случай, когда пришлось преодолеть страх перед возможными последствиями. По порядку. В общежитии всё чаще проявлялись факты воровства. Как-то ночью проснулся, т.к. коридорный свет падал прямо в лицо. Смотрю (чуть-чуть приоткрыв глаз) у моей тумбочки стоит воспитатель-грек и разнюхивает банку с Gribenschmalz (смалец, прокрученный с шкварками – любимое в нашей семье лакомство для бутербродов), не может понять, что это. Было очень страшно, зажмурил глаза. Утром спрашиваю, проверьте карманы. У одного пропало 50 руб. Через полчаса заскакивает огромный грек (может показалось) и кричит: "Кто видел? " Отвечаю: "Я видел!" Швыряет на стол 50

рублей и выскакивает из полной комнаты. Начали ждать последствий, со мной ходили 2-3 человека. Грек исчез, несколько позже узнал, что его жестоко избили старшеклассники.

Если продолжать продуктовую тему, то самыми любимыми лакомствами в интернате были: замороженный до каменного состояния хлеб (морозы достигали минус 62°, занятия для интернатовцев не отменялись) и жареная картошка. Последняя не была для общего потребления, но каждый вечер после отбоя кухня приглашала 5-6 человек чистить картошку. Первую партию очищенной картошки отправляли на огромную сковородку, часа полтора чистили, а затем – блаженство! Очень любил эти часы в большой кухне. Напомню, что свежей картошки в этот период в Ягодном практически не было, только для детей и больниц привозили издалека.

Ряд негативных моментов: научился играть в карты (азартные виды), слава богу, хватило тормозов; весной ходили в районе стрельбища собирать пули, причём со стороны стреляющих пацанов не было видно, так как мишени ставились на фоне сопки и пули улетали в кедровый стланник, удивительно, что никто не пострадал. Дальше из пуль на костре выплавлялся свинец, из которого делали пистолеты, битки для "чики" (игра на монеты) и "зоски" (кожанка с мехом и грузом, которую подбрасывают внутренней частью стопы – кто больше).

Не могу забыть пакость, которые мы сделали для автомобилистов. Как-то в воскресенье 4-5 человек решили пойти по трассе пешком до Саганьи

(два пацана из нашей комнаты там жили, всегда на воскресенье их увозили и поздно вечером привозили). Примерно, 18 км. Шли часа 4, а по дороге из дорожных знаков, выковыривали рефлекторы (машин было мало, и никто не дал нам "по ушам", а заслуживали!). На эти рефлекторы и пули играли в очко и другие игры. Сколько шоферов-дальнобойщиков недобрым словом поминали неизвестных вредителей.

Должен упомянуть двух друзей-сослассников интернатского периода, жителей Ягодного. Алексей Денисов, умнейший парнишка, жил с отцом и молодой мачехой в одной комнате в общежитии. Вдвоём мы были лучшие ученики в классе, много играли в шахматы, в т.ч. на первенство школы. К сожалению, пошёл "какой-то накат" на родителей (после переезда в Ягодное) со стороны учителей, что Алексей плохо на меня действует. Чепуха! В моей жизни это первый случай в памяти, но далеко не последний, когда моим родителям начинали внушать об отрицательном влиянии того или иного моего друга или знакомого. Семья не дала Алексею закончить среднюю школу и после 7-го класса он уехал от родителей в Магадан, поступил в горный техникум.

Саша Желнов – сын "сверхблагополучных" родителей, отец руководил службой безопасности Северного управления, большой дом, домработница. Он учился несколько слабее и, кроме нас, у него друзей не было. К удивлению (в будущем) меня очень приветливо принимали в этом доме, а Алексея не очень доброжелательно (из-за семьи, что ли?). Помню Сашин день рождения,

очень богатый стол. Всё чинно, как в кино. А я, интернатовец, в лыжном костюме с начёсом и протёртой коленкой.

Потрясающее известие о смерти Сталина дошло до меня в бане, наша комната мылась по графику. Помню многотысячный митинг в центре Ягодного, мороз, все без шапок и я тоже, большинство людей **искренне** плачет. И это люди, в подавляющем числе привезённые на Колыму принудительно! Существовало какое-то раздвоение сознания: Сталин – одно, НКВД – другое; враги со всех сторон мешали Сталину строить социализм. Помню всесоюзные траурные минуты в актовом зале школы.

Последствия смерти Сталина проявились очень быстро. Родители реабилитированы, с ними заключён обычный северный трёхгодичный договор, причём со времени приезда на Колыму; разрешён переезд в Ягодное, что и было сделано летом 1953 года. Поселились в самом центре Ягодного в коммунальной квартире на 2-м этаже (две комнаты). Как и на Джелгале собирали много ягод, сам зарабатывал себе кое-какие мелочи (майки...), сдавая вёдрами бруснику и голубику в приёмный пункт.

Это было время, когда началась расчистка лагерей, многих выпускали, но тяжёлых рецидивистов со сроками более 25 лет (раньше максимальное наказание за убийство – 25 лет и некоторые "умудрялись нахватать" до 150 - 200 лет срока) расстреливали.

Образована Магаданская область, вместо управлений "Дальстроя" образованы районы (наш –

Ягоднинский), появилась милиция. Один штрих. С первой волной либерализации проезда на Колыму и обратно Ягодное наводнили женщины-цыганки с детьми, приехавшие искать своих мужей. Это было страшное и нелепое зрелище, когда полураздетые (не в пример нынешним цыганам) женщины и дети в лютые морозы просили милостыню на улице.

Очень неприятный осадок в памяти остался в связи с арестом Берия. Однажды вызывают меня с урока в учительскую, дают в руки бумажку с текстом, кроющим "иуду Берия". Заставили выучить, а потом выступить на общешкольном собрании. Какой-то бред про агента империализма. Стыдно до сих пор. Некоторые соклассники очень удивлялись, с чего это я "вылез" на трибуну.

Одно из тяжёлых воспоминаний того времени. В Ягодном появился майор из Белоруссии с двумя пацанами. Один (6-й класс) приехал без ноги (подорвался на mine), а второму (8-й класс) всадили в нашей школе финку прямо в плечо. Помню плач родителей у нас дома с просьбой к папе с мамой спасти сыну руку.

После окончания трёхгодичного контракта, родители решили выехать с Колымы, но немцы-то не могли искать место жительства по своему усмотрению. После длительной переписки получили приглашение в Талды-Курганскую область. Срочно начали распродажу своего имущества, я тоже стоял, продавал книги. Назад (5 сентября 1954 г.) мы "двинулись" с несколькими чемоданами (в отличие от полувагона вещей при прибытии на Колыму) и очень приличными, по тем временам, деньгами (~ 80 тыс.руб.). Автобус до

Сентябрь 1954 г.

Пароход "Александр Можайский". Папа.

Магадана, затем каюта 2 класса комфортабельного теплохода "Александр Можайский". Чистота, порядок. В Охотском море встретили несколько китов и обилие сопровождавших теплоход дельфинов. Несколько омрачил путешествие 5-6 бальный шторм. Много лет родители смеялись над моей самоуверенностью: – Я! Заболеть морской болезнью?? – бррр... Когда сошли на берег в Находке казалось, что земля под ногами качается. Приятнейшее воспоминание: свежая варёная картошка и малосольные огурчики. Дальше отдельное купе до Новосибирска, пересадка на южное направление и 19 сентября родственники встречали нас в Уштобе, наняли ишака, погрузили чемоданы и вперёд... мимо арыков, обилия пыльной зелени к дому тёти Муси. **21 сентября 1954 г.**

пошёл в школу (путь Джелгала – Уштобе оказался длиной ровно в 3 года).

Сентябрь 1954 г. Пароход "Александр Можайский". Мама.

Талды-Курган, Текели (1954-1958.

Первые дни никак не мог различить близнецов тётю Мусю и тётю Марту. Одевались они демонстративно одинаково, ждал пока откроют рот, у тёти Муси сверкала золотая коронка. Тётя Марта только что переехала из северного Казахстана.

Тётя Марта.

Тётя Марта, фельдшер, вышла замуж за Ганса Пеннера (сидел с папой в техникуме на одной парте, затем учились а одной группе Одесского мединститута). Тяжелейшая жизнь тёти Марты

в какой-то мере компенсируется природной жизнерадостностью.

Начало войны, появляется Рудик. Затем Германия. Желание вернуться к мужу (если бы не это, возможно вместе с бабушкой остались бы в Германии). В СССР – Котлас, лесоповал. Выясняется, что муж, дядя Ваня, нашёл в трудармии другую жену (русскую) и не собирается забирать к себе тётю Марту с Рудиком. Житейская трагедия!

Получила разрешение (напоминаю, что до 1956 г. немцы не могли свободно определять своё место жительства в СССР даже формально, фактическая дискриминация сохраняется до сих пор) и вместе с тётёй Лизой переехала в село Глубокое Кокчетавской области. В Глубоком тётя Марта родила дочку Эльзу (1951 г., отец – местный хирург), в 1954 г. переехала в Уштобе, а через несколько лет в Талды-Курган. Основная работа – фельдшер скорой помощи.

Рудик учился параллельно со мной, в школьные годы здорово отставал от меня в росте, зато к 20 годам значительно превзошёл в росте и в плечах. После смерти гражданской жены дяди Вани Рудика посадили в поезд и отправили в Новосибирск к отцу. Очень быстро его вернули в Талды-Курган, а Рудик очень стремился к отцу! В 1959 г. поступил в Томске в электромеханический техникум, проучился недолго, заболел и вернулся в Талды-Курган. Начал метаться. Некоторое время жил в Щучинске вместе с сестрой Эльзой. Периодически начали проявляться симптомы отклонения в психике. Специалисты уверили, что излечимо и не

препятствует нормальной жизни. Окончил зубо врачебное отделение медтехникума. Очень хороший специалист. Даже бабушка доверяла ему свои зубы. Узнав о болезни Рудика вернулся в семью дядя Ваня. Рудик очень любил играть с моей старшей дочкой Эльвирой. Рекомендация психиатра – жениться! Но несколько неудачных попыток (сплетни окружающих!) своё дело сделали. Понимая своё состояние Рудик в 30-летнем возрасте пошёл на крайнюю меру: покончил жизнь самоубийством одним ударом самодельного ножа прямо в сердце во дворе дома рядом с любимой собакой.

Жизнь тёти Марты с двумя детьми была очень тяжёлой. В 1956 г. Эльзу взяла на воспитание тётя Агата, в Щучинске Эльза жила до окончания средней школы. В 1968 г. помогал ей (вместе с Фридой, дочкой тёти Лизы) поступать в Алтайский политехнический институт на специальность "химия и технология переработки зерна". Окончила, вышла замуж, пошли дети. Сейчас всей семьёй (муж – Миша Шумейко) живёт с матерью в Папенбурге и в октябре 1996 г. въехали в **собственный** дом.

Тётя Марта любила дядю Ваню всю жизнь (слышал от неё лично), несмотря на несколько десятилетий разлуки. Не нам судить поведение дяди Вани, истинная любовь всё прощает. Дядя Ваня, в отличие от папы, очень быстро адаптировался в Германии. Ушёл из жизни в феврале 1994 г. в возрасте 81 год. До сих пор тяжело переживает отсутствие дяди Вани папа: "Не с кем стало поговорить о серьёзных вещах, о

политике...". 29.06.96 г. с мамой и папой посетил его очень хорошо ухоженную могилу. В моих контактах с дядей Ваней никогда не было отрицательных акцентов.

**Мама, папа, тётя Марта, дядя Ваня.
Пока в Казахстане.**

Недели через 3-4 родители устроились на работу в областную больницу и мы переехали в Талды-Курган. Расстояние 50 км преодолевалось несколько часов с остановкой в середине пути на обед в чайной; сейчас дорога составляет менее часа и следов "половинки" не осталось.

Областной город Талды-Курган почти не электрифицирован. Родители арендовали дом в самом центре, пользовались керогазом и керосиновыми лампами. Вспоминаю многочасовые очень специфичные очереди за керосином, в которой на несколько сот метров растягивалась лента из бидонов, стоящих вплотную друг к другу. Вклиниться без очереди практически невозможно. В мои обязанности входило и добыча хлеба. Очередь за хлебом занимали с 4-х утра, в 6.30 приезжала

хлебовозка, всегда старался быть добровольцем при разгрузке и к 7.30 хлеб был дома, затем в школу.

Школа имени Ленина только открылась, классный руководитель – Игорь Дмитриевич. Закадычный друг – Витя Мазур. Остановлюсь. Мы сидели в 7-м классе на одной парте, да и время проводили вместе. Через 4 года случайно оказались в одном поезде, ехали на сдачу вступительных экзаменов. В Томске я Витю "потерял". Узнаю, что не поступил и его забрали в армию. Приезжаю после 1-го курса и узнаю страшную новость: Витя Мазур покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна третьего этажа обувной фабрики, где он устроился на работу после списания из армии (что? как? – для меня осталось покрыто мраком).

1955 г. Талды-Курган.

Из этого школьного периода запомнились выступления в художественной самодеятельности, читал на сцене "Ленин и печник" Твардовского. Приехала группа радиопередачи "Пионерская зорька". Вызывают на запись, но суют мне в руки непонятно какой стих (не нравится, но неудобно отказать настырному режиссёру) и чтение его прозвучало по Всесоюзному радио. Стыдуща!

Запомнилось лето 1955 года. Форма – майка, сатиновые шаровары, босиком. Велосипед и Джек. Дети не могут поверить, что в этом возрасте их отец бегал босиком. Одна из летних проблем: полив. Арычная система в Талды-Кургане (до 1949 г. казачья станица Гавриловка) была продумана очень чётко, город разбит на квадраты и названия улиц как в Нью-Йорке (1-я, 2-я..., 14-я). Вода распределялась по графику по кварталам и, когда наступала наша очередь, то "воду гоняли" с 2-х часов ночи. Довольно хлопотное занятие, но участвуют все жители квартала. Поясню, что наш дом находился в нижней части города между 8-й и 9-й улицами. Вода поступает в головной арык в районе 1-й улицы, который проходит с внешней стороны города, от головного арыка до нас десяток поперечных улиц. В каждом квартале есть по 2 проезда и всё это охвачено арычной системой. Желающих среди живущих выше "урвать" воду всегда достаточно, поэтому несколько человек непрерывно на велосипедах с лопатами курсируют вдоль арыка пока весь квартал не польёт. Иной раз были жестокие схватки за воду с мордобоем, не говоря уж о постоянно звучащем мате.

Этим же летом состоялась поездка с папой вдвоём на Урал, оставившая много впечатлений.

"Большой" Челябинск, район тракторного завода (потрясающее зрелище – десятки тысяч человек двигаются на работу к проходным на всех видах транспорта и пешком). Несколько месяцев назад умер папин дядя, учитель физики. Папа много раз рассказывал, что на вступительном экзамене в мединститут по физике "поплыл" и получил тройку только потому, что "что у физика Полле не может быть родственников, не способных к физике". Посетили родственников в Копейске, проживавших там с времён трудармии. Все родственники по родной матери папы Доротеи Полле (см. ТАК БЫЛО!), две тётушки (сёстры Доротеи) узнали сразу папу, много слёз, много разговоров. До самой своей кончины они винили в смерти Доротеи (папе 7 месяцев) Христиана Полле, моего деда. Нечто подобное мне пришлось слышать уже при жизни с Надей, когда все её тёти по матери обвиняют в преждевременной смерти сестры (Наде 10 лет) её мужа. Вечная проблема взаимоотношений родственников супругов. В Копейске познакомился с кузиной папы тётей Фридой и её мужем Артуром (много позже встретимся в Абхазии).

Дальше по маршруту Соликамск. Как сейчас помню, выскакивает из дома дядя Роберт, здесь же дядя Отто. Сработал эффект неожиданности, вообще папа любил ездить в гости без предупреждений, но ведь резкие положительные эмоции тоже способны вызвать сердечный приступ. Здесь в мужской компании с папой, дядей Робертом, дядей Отто я выпил первую в жизни рюмку водки.

На имеющейся фотографии чётко просматривается, что все четверо имеют одни корни (см. ТАК БЫЛО!).

1955 г. Соликамск. В гостях у дяди Роберта (справа). Первая в жизни рюмка водки.

Дядя Роберт

Дядя Роберт родился в 1922 г. Жена – тётя Мария, трое детей (Люда, Вася, Таня). Дядя Роберт после трудармии продвинулся на том же заводе, работал начальником цеха на радиозаводе. Подарил мне очень хорошую по тем временам собственную авторучку, папе пару телефонных аппаратов. Дядя Роберт несколько раз приезжал с семьёй в Талды-Курган, но я его больше не видел, хотя к заочной помощи в студенческое время прибегал. Он очень рано (в 44 года) ушёл из жизни. Запомнились рассуждения дяди Роберта о появившихся слухах о предстоящей отправке советских немцев в ГДР: "Гельмут, в такой ситуации меня не ищите; я исчезну, но в Германию

не поеду!" Интересно, как бы сейчас он рассуждал, но не дожил 26 лет до уезда папы в Германию.

Из Соликамска вместе с дядей Отто приехали к нему в Кизел. Семья дяди Отто жила явно победнее. Шахтёрский Кизел смотрелся хуже Соликамска.

Дядя Отто

Младший брат отца дядя Отто родился в 1927 г. С 9 лет инвалид по зрению. Рассказывал мне сам, как это случилось. Жил в гостях у Гельмута в Одессе (отец погиб в 1934 г.). Известной мальчишеской забавой – "поджигом" получил ожог лица, причём один глаз перестал видеть. Мылом начал промывать лицо, чтобы ничего не было видно и Гельмут не ругался. Зрение не восстановилось даже после обращения к великому офтальмологу Филатову.

В 14 лет дядя Отто попал в трудармию, в шахту Кизела. Уж какое тут образование. А человек от рождения очень талантливый и подвижный. Много лет выступал в художественной самодеятельности (конферанс, художественное чтение), бесподобно читал басни, имел множество призов и грамот. Много позже в Казахстане заведовал Домом культуры в райцентре Новоишимка Целиноградской области.

Дядя Отто не один раз приезжал в гости и в Текели и в Талды-Курган. Не забуду как в 9-м классе он подарил мне часы "Победа" с собственной руки. Это был подарок! Родители очень недовольны (считали, что часы нужны сыну к окончанию 10-го класса), требовали вернуть подарок, но подаренные часы верно прослужили много лет.

Семья дяди Отто всегда жила очень скромно. Жена – тётя Таня, дети Слава, Нина, Валера. У Нины 6 детей, одна дочь тоже "откочевала" в Германию. Слава в молодости моя копия (очень проглядывают фамильные черты во внешности), пришлось приложить немало усилий для устройства в Алтайский политехнический институт в 1968 г. Да и позже на 2-3 курсах удержался в институте благодаря фамилии и моим барнаульским друзьям. Очень рад, что смог сделать что-то полезное для дяди Отто.

Последние годы до пенсии дядя Отто работал на фарфоровом заводе в Целинограде. Кое-что из "фарфоровых" подарков дяди Отто стоит и у нас в серванте. Не так давно дядя Отто перенёс инсульт, стараемся немного помочь (папа из Германии, мы из Томска). Тяжёлый рок висит над дядей Отто: в нищете родился, тяжелейшая жизнь в советское время и на старости нищенское существование в столице "самостийного" Казахстана – Акмоле.

На обратном пути рано утром в Березниках нас встречали два сокурсника родителей: Лишке и Вагнер (в будущем академик, ректор Пермского мединститута).

Осенью 1955 г. переехали в горняцкий город Текели, протянувшийся вдоль ущелья на 23 км. Хозяин города – свинцово-цинковый комбинат. Очередная школа, 7-я смена учителей и соклассников, оказалась последней перед студенческими годами. Ближе к выпуску количество учеников школы №5 уменьшалось: три восьмых класса, 2 девярых, один десятый.

Первая привязанность. 8 "В", Тамара Анищенко. Утренние (до школы) прогулки на велосипеде, неприязнь бабушки (Тамара старше на 2 года). Первое тяжёлое опьянение 1 мая 1956 г. (после демонстрации по дороге домой – 5 км). Ниже процитирую часть того, что было записано много позже в дневнике.

01.12.75 г. (Ленинград) ...В ту весну и последующую осень мы много ездили вместе на велосипедах, иногда утром рано, в 6.30 или 7.00. Бабушке это очень не нравилось. Всё она была недовольна Тamarой (та была с 1939 г.), тем более, что часто я просто катал Тамару на раме. Я весь был в возвышенном состоянии. И вся эта возвышенность лопнула осенью 1956 г. В один из воскресных вечеров мы гуляли вчетвером: я, Тамара, Нина Капустина и Андас (фамилию забыл, он как раз поступил в Алма-Ате в институт, приехал на побывку и рассказывал свои впечатления). Дальше Андас начал что-то о нас четверых говорить. Не помню точно, что он сказал, но Тамара вдруг произнесла: "Да Эрвин же ещё ребёнок." Это был удар, который чувствую до сих пор. Сейчас-то я понимаю, что ей нужно было, чтобы я её обнимал, целовал (всё-таки девушке 17 лет). А ведь я таким же остался и до сих пор и платонические ощущения оцениваю выше, чем физические. Не с этим ли связано моё почти постоянно внутреннее одиночество? Не могу пойти на физические контакты, не чувствуя внутренней (душевной) отдачи, а в том случае, когда я чувствую эту отдачу, робею и в трезвом виде стесняюсь прикоснуться.

...Вдруг опять вспомнил школу. 9-й класс. Вызывает к себе директор Силуков и обвиняет меня в том, что не расту. Тогда я не совсем понял его мысль. Ведь появился в 8-м классе с уровнем умственного развития на голову выше подавляющего большинства восьмиклассников. Сейчас-то я понимаю, в чём причина. Приход в каждую новую школу был стимулом, способствующим развитию. Работало самолюбие нового ученика. Действительно, ещё в Ягодном учителя говорили, что в 5-м классе (интернат) я учился лучше, чем в 6-м, когда жил с родителями. Так было в 8-10 классах и в университете, где сначала блеснул вступительными экзаменами, первым колхозом, общественной активностью, затем запустил учёбу и выполнял только обязательные занятия. Так до 4-го курса; 4-5 курсы + 1 год в аспирантуре – активные занятия, затем спад; резкий подъём активности после рождения Игоря осенью 1966 г., сейчас снова спад. Т.о. мне всегда нужен активный стимул для роста. Если удастся вселить в себя уверенность в целесообразности форсирования докторской диссертации, то и работа пойдёт...

Вообще период 1955 – 58 гг. вспоминаются именно пробуждениями мужского начала. Научился танцевать и с большим удовольствием в танцах участвовал, под баян или граммпластинки. О магнитофонах никто и не слышал. Любили ходить на танцы в соседнюю школу и в городской парк (5 км). Причём эти походы были небезопасны. Серьёзных конфликтов удавалось избегать в значительной мере благодаря тому, что лучшим другом был чеченец

Жамалай Альтемиров: всё хулиганье избегало сталкиваться с чеченцами. Остановлюсь.

Жамалай представлял большую редкость, так как перешёл порог старших классов, обычно чеченцы бросали учиться в 5-6 классах, девочки не дотягивали и до этих классов. Дядя Жамалай – зубной техник (для чеченцев – великий человек), хорошо знал моего папу. Жамалай часто бывал у нас дома, да и я у него (полный патриархат, женщины только разносят еду и сразу исчезают). Играл за сборную школы по волейболу. В 1957 г. Жамалай в числе первых вернулся в Чечню, а в 1959 г. окольными путями (Томск, мединститут) получил от него письмо. Учился в Астраханском мединституте, играл за сборную Чечено-Ингушской АССР по волейболу. Через 25 лет, в декабре 1984 г. встретился с Жамалаем во время командировки в Грозный (описано мной в "Хронике ТНХК"). Цитирую.

Никогда не переписывались, понятия не имел, где он живёт. По приезду в Грозный назвал имя и фамилию сотруднику Грозфилиала "Пластполимер" Руслану Денилову. Не прошло и получаса как Жамалай был "на проводе". Поразительно! Вечерняя встреча в кругу участников совещания (называется: "товарищеский ужин"). Много разговоров, но конечный "сухой остаток" – с большой горечью. Хирург - лёгочник – один из лучших в Грозном – но амбиция!!! Княжеская! Всё хвалился, что у него самая красивая шапка в Грозном (белая норка). В подпитии – пакостные высказывания в адрес школьных подруг. Повидимому, специфика Чечни и в том, что на

поверхность выплывают не самые лучшие свойства характера. Да и прошло после последней встречи более 27 лет. Мечта юности улетучилась, и больше никогда в душе не было желания встречи.

Перед отъездом Жамалай поручил некоторым чеченцам опекать меня и однажды на городской танцплощадке (5 км от дома) произошёл инцидент, продемонстрировавший эффективность поручения. Я – один, танцую с приятной девушкой Светой из соседней школы. Начинаются толчки... В перерыве подхожу к сидящему на заборе чеченцу (лет 16-17, работал сторожем на бахче). – Иди танцуй и ни о чём не беспокойся! – Через некоторое время в танце рядом оказался глава местного хулиганья и пробурчал: "Ты бы ещё в милицию пожаловался!" И всё. Один спокойно проводил ночью девушку по совершенно пустой дороге.

В 9-м классе завязалась дружба с аналогичным классом райцентра Карабулак. Коллективная поездка с ночёвкой туда, затем ответный визит. Каждый брал одного-двух к себе ночевать. Главное: соревнование типа КВН и танцы до упаду. Опять увлёкся и вот по воскресеньям на велосипеде 25 км туда и обратно. Но назад надо было ехать в гору... Появлялся домой в полночь, мама: "Ну Эрвин! Нельзя же так поздно!" Родители понятия не имели, сколько раз я ездил в Карабулак.

В 1957 г. только-только после частичной реабилитации немцев вдруг поступает открытка с адресом типа "на деревню, дедушке" : Турксиб, станция Уштобе, больница, Полле Эльзе Корнеевне. Прошло столько лет после работы в Уштобе, но кто-то запомнил и переслал открытку в Текели (100 км).

Пикантность ситуации, что открытка из Канады от тёти Вельды. Собрался семейный совет, папа категорически выступал против переписки (не так давно с Колымы приехали). Несколько недель вопрос дебатировался и взялась за переписку тётя Марта: "Мне терять нечего!"

Тётя Вельда

Тётя Вельда (1914-1996), старшая из маминых сестёр, получила среднее фармацевтическое образование и работала до войны аптекарем в Симферополе. Во время войны попала в Германию и категорически отказалась возвращаться в СССР. Я не знаю подробно, как она попала в Канаду. Там она вышла замуж за советского немца (его родственники жили в Караганде), простого рабочего. Родила двух дочерей: Арлину и Зиги. Очень рано умер муж. До того долго болел. В то время удивительно было читать, как быстро по вызову приезжает скорая помощь, немедленно снимает кардиограмму...

Тётя Вельда приняла большое участие в судьбах младших сестёр и матери. Началась активная переписка, причём лет 10 только через тётю Марту. Стали приходить посылки с одеждой... Существовали проблемы с получением посылок (Что? Почему? Откуда?..). Здесь эти посылки делились (помню, много лет в университете носил в качестве парадной рубашку удивительного цвета, типа морской волны). Конечно, мои родители жили более обеспеченно, и основное поступало тёте Марте и тёте Лизе. При отправке посылок основное в стоимости

пересылки. В семидесятые годы все сёстры по очереди ездили в гости в Канаду и приезжали оттуда до предела загруженными.

Тётя Вельда была очень рада, что все сёстры переехали в Германию, навестила всех в Папенбурге, но на 80-летие мамы приехать не смогла. Умерла 7 августа 1996 г.

Тётя Луиза

Тётя Луиза (Лиза) – младшая из маминых сестёр – родилась в 1924 г. В отличие от старших тётя Лиза не смогла в связи с войной получить законченное профессиональное образование. Войну и Котлас пережила вместе с бабушкой. Через некоторое время после уезда бабушки в Челябинск-40, тётя Лиза вместе с тётей Мартой и Рудиком переехали в Кокчетавскую область, село Глубокое. Здесь она вышла замуж за дядю Отто Ремпель (типичный сельский "русский" немец, прошедший трудармию, умеющий много трудиться, но не сумевший получить образование).

Во второй половине пятидесятых годов переехали из Глубокое в Уштобе, беднота безусветная. Потихоньку с общей помощью (в основном мамы и папы) "поднялись на ноги", построили хороший дом на окраине Уштобе. Трое взрослых детей (Фрида, Артур, Эдик), полно внуков и уже есть правнуки. Все, за исключением Эдика (пока никак не может вырваться из Казахстана), живут в Папенбурге. Очень приятно, что молодёжь нашла себе там место, не ноет, а работает. Особенно следует отметить Артура, но он и в Казахстане работал "как пчёлка".

Тётя Лиза много в течение жизни болела, но в июне 1996 г. смотрелась бодрей сестёр, как и положено младшей. Таким образом все дочери превзошли возраст бабушки. Дядя Отто перенёс в Папенбурге серьёзнейшую операцию, поставлен искусственный стимулятор сердца, теперь много ездит на велосипеде и занимается физическим трудом.

Запомнился летний (1957 г.) переход через горы по маршруту Текели – Копал – Усть-Агач – Текели (12 человек и два учителя). Ночные дежурства у костра с "прогулкой" на пасеку. Но пчела кусает очень больно и ночью. Видели на перевале следы снежного барса, картина с перевала потрясающая. Копал – казачья станица, место жестоких боёв в 20-е годы, до сих пор сохранились окопы, побеждённые ушли в Китай (несколько десятков км) и только-только им разрешили вернуться (или начали выталкивать из Китая). Небольшая часть вернулась. Наша задача: встретиться с участниками гражданской войны. Один дед: "Участники-то участники, да не попадитесь на участников не с той стороны!" Как-то очень фраза врезалась в память.

Ещё в памяти: казахи украли наших трёх лошадей, несколько суток поиска. Лошади служили для перевозки нашего груза, а ночью стреноженные паслись. Нашли лошадей угнанными уже за пятьдесят километров. На перегоне к своему лагерю получил хороший опыт верховой езды.

По окончании перехода попали на областной слёт туристов в Талды-Кургане. Здесь мы оказались самыми великовозрастными и чуть было не

наделали много глупостей. В частности, собирались снять с кого-то из прохожих супермодный в то время широкий клеёночный пояс и подарить девице из отдалённого района. Чудом избежали крупных неприятностей, но жалобу на нас в Текелийское горно всё равно написали.

Июль 1958 г. Текели. Прощайте голуби!

Самое пакостное воспоминание описываемого периода связано с Сашей Кладько. В 9-м классе сидели на одной парте, частенько был у нас в доме. В первый день второй четверти (10.11.57 г.) меня снимают с уроков, отправляют домой, затем к следователю. На папе лица нет: "Где был и что делал вечером 7-го ноября?" Поясню, что в тот вечер я пришёл домой с лицом в крови (разбили нос в соседней школе прямо во время киносеанса, так что я даже понятия не имел, кто?). Что же произошло?

Ближе к вечеру мы расстались с Кладько и я пошёл на упомянутый киносеанс. А Кладько изнасиловал **12-летнюю** девочку. Когда его взяли заявил, что был весь вечер с Эрвином. Закрытый судебный процесс, девочка такая маленькая и тоненькая. Приговор – 20 лет. Через несколько месяцев получаю от него письмо, учится в вечерней школе, хотел поддерживать переписку. Отвечать я не стал. Где-то через год некоторые мои соклассники высказывались, что я поступил нехорошо, не ответив на его письмо. Но как можно поддерживать отношения с нравственным уродом. Кстати, через 4 года его выпустили. Самая гуманная судебная система в мире??!!

Заканчивались школьные годы. По всем параметрам шёл на медаль. Но весной 1958 г. "хрущёвские толчки" повлияли и на эту сферу. Пресса сознательно начала "игру на понижение" престижа медали при окончании школы. Отменены преимущества медалистам при поступлении в институт, 80% мест первокурсников отводилось лицам, отработавшим 2 года.

Выпускные экзамены длились 3 недели и 2 недели где-то между гороно и облоно "таскали" моё сочинение, в конце концов поставили 4 (интересно, что в 10-м классе было 5 немцев и все были лучшие в русском языке). Последний экзамен – химия, получаю 4. И вдруг узнаю, что по тригонометрии выставляют годовую 4 (чушь полная!), очевидно последние две оценки, чтобы снять споры по медали. В результате, вместо золотой медали вообще ничего. Дальше выпускной вечер и всё! Крупный жизненный этап позади!

Томск

(1958-1964)

В Томск прибыл смешанным маршрутом с тремя пересадками (Текели – Уштобе – Новосибирск – Тайга – Томск) **19 июля 1958 г.** Попутчики из Уштобе (о Вите Мазуре написано выше) мгновенно на перроне разбежались по своим адресам, а я пошёл в мединститут (чемодан в камере хранения). Первая неожиданность – общежитие для сдачи экзаменов не дают (в отправленном по почте заявлении о допуске к экзаменам не указал, какой иностранный язык изучал в школе, поэтому меня определили во 2-й поток экзаменующихся). Езжайте домой, приедете к 10 августа, получите общежитие. Пробился к ректору (академик Торопцев), просил его вставить меня на экзамены в 1-м потоке. В кабинете было ещё несколько человек. Торопцев глубокомысленно спрашивает: "А почему Вы не поехали в Ташми, Казми?" Тогда я даже не понял, что речь идёт о Ташкентском и Казахском мединститутах и пошёл несолоно хлебавши. Сейчас я нашёл бы что ответить. Отвратительна ситуация, когда семнадцатилетний мальчик стоит перед вальяжно развалившимися профессорами и объясняет, что хочет учиться в Томске (только-только начали разрешать немцам выезжать из Казахстана).

Что делать? Не могло быть и речи о возврате в Текели. Пара дней на вокзале, затем удалось устроиться в коммунальной гостинице по ул.Розы Люксембург. В комнате человек 20. По вечерам все собирались в холле "на телевизор". Телевизор "Луч"

с очень маленьким экраном. Для меня это было первое знакомство с телевидением. Днём ходил на консультации в мединститут. А как же жить после экзаменов? Эти мысли не дают покоя. И, наконец, 31 июля – последний день приёма документов – забираю документы и прихожу в приёмную комиссию университета. Время 17.30, а я размышляю: мехмат или химфак. Победил химфак, т.к. завтра утром на мехмате надо сдавать математику (а у меня не было даже учебников, так как в мединституте математику не сдавали), а на химфаке – химию.

Первые четыре экзамена сдал отлично (химия, математика, сочинение, английский), физику сдавал 16.08, когда в группе из 25 осталось человек 10, получил 4. Можно представить недоумение дома, когда получили из Томска телеграмму: "Сдаю экзамены в университет. Химия пять. Эрвин"

Единственный абитуриент, которого я запомнил с первого экзамена – Женя Чернов. Тёмный (смесь южных и северных кровей), мрачный, в роговых очках выходит с экзамена по химии очень недовольный четвёркой. – Ты же производственник, это же хорошо! – А ты Некрасова читал? А Глинку? – Для меня ребус (никогда не слышал эти фамилии применительно к химии). Позже узнал, что это авторы университетских курсов по общей и неорганической химии. Кстати, от Жени ждали хороших оценок по химии при учёбе, однако первый же студенческий экзамен закончился фиаско, Бунтин с трудом поставил ему тройку. Своеобразность психики

Жени очень затрудняла ему сдачу экзаменов все студенческие годы.

На общем собрании сдавших экзамены декан химфака Людмила Арсеньевна Алексеенко: "Все, кто имеет 25, 24, 23 балла могут спокойно ехать домой до 1 сентября". Но хочется в мединститут. Снова пришёл со своими оценками в приёмную комиссию мединститута: "Возьмите!" Председатель комиссии меня помнил, долго внимательно смотрел на меня и отказал. Нужна была взятка! Кстати, через пару лет этого бессменного председателя посадили. Плюнул и поехал в Текели объяснять родителям, как и почему оказался в университете. Положительные эмоции от самого факта поступления в институт оказались значительно выше.

Теперь всё, "прощайте голуби"! За месяц моего отсутствия стая отличных голубей сократилась до вернувшихся трёх самых старых (разворовали подростки). Раньше я о голубях не писал, но директор школы неоднократно пытался отучить меня в 10-м классе бегать по крышам.

Первый колхоз, Зырянский район, деревня Громышовка. Группа из 9-ти первокурсников, двое ребят, ещё Слава Зуев (я – старший), расположились на полу у одной вредной старухи. Когда девушки отказались копать хозяйке картошку, та "выкинула" нас на улицу. Ближе к октябрю поселились в бывшем детском садике, заброшенном доме с огромными щелями. Пошёл снег. Грелись, в основном, при перелопачивании "горящего" зерна на току и в амбарах. Вернулись в Томск 13 октября.

С общежитием на химфаке всегда "напряжёнка" (до 1962 года химики жили на Ленина 68, в центре Томска напротив главпочтамта), но на 1 семестр выделили комнату для шестерых ребят-первокурсников: Демко, Егоров, Зуев, Лепин, Полле, Чернов. До конца вместе доучились четверо: Эдик Антипенко; рано ушедший из жизни Валя Егоров; доцент родного университета Женя Чернов и автор настоящего повествования.

1960 г. Томск. Студенческий преферанс.

Через некоторое время на раскладушке подселили Юрия Захарова (4-й курс), нынешнего ректора Кемеровского университета. Оказался большой любитель ночи напролёт посвящать покеру. Ребята на 4-м курсе были очень толковые, но любили и пошутить. С последствиями одной из "шутки" мне пришлось разбираться в качестве и.о.секретаря комсомольского бюро факультета, когда эти ребята получали дипломы и характеристики в аспирантуру. По порядку.

Кто-то из парней пожаловался, что на "военке" (университет готовил артиллеристов) сломали сложный прибор "клиренс" и с них требуют вернуть стоимость. Сердобольные девушки сбросились и вручили ребятам деньги, которые те благополучно пропили. Через несколько дней разразился скандал, общее комсомольское собрание всем ребятам курса занесло по строгому выговору в учётную карточку. Девушки выяснили, что "клиренс" – один из терминов, используемых при подготовке артиллерийских стрельб.

Жили в студенчестве очень скромно, стипендия – 220 руб. (до реформы 1961 г.), из дома присылали 300 руб. Второй семестр оказался без стипендии, из дома присылали 400 руб. Подавляющее число сокурсников имели малообеспеченных родителей. Питались коммуной (10-15 человек), сбрасывались по 200 руб. в месяц. Типичное дневное меню. Утром: чай без сахара, хлеб, несколько конфет типа "подушечек"; обед: суп, чаще щи (на ведёрную кастрюлю 200-300 грамм мяса), компот; ужин: огромная сковорода с рожками или жареная картошка, кисель. Питание очень скудное, но зато весь месяц обеспечен. Обычно в коммунах было по 1-2 ребят, остальные девушки. Чаще ребят освобождали от регулярного дежурства, но поручали доставлять с базара картошку. Коммуна не работала только в воскресенье, мой типичный воскресный обед: 4 стакана молока по 60 копеек и 6 пирожков с картошкой по 40 коп. Кстати, являясь большим любителем молока, как-то на спор решил выпить трёххлитровую банку не отрываясь. Собрались зрители, принесли молоко, а оно

оказалось чуть-чуть подкисшим. На глазах у всех опозорился, не смог допить, примерно, пол-литра. Ощущение, хуже не придумаешь. Ни лечь, ни сесть – молоко из горла стремится удалиться.

Химфак университета по численности один из самых маленьких (250 студентов), но хорошо организованный. Ряд профессоров мирового уровня: Александр Павлович Бунтин (ректор университета, завкафедрой неорганической химии, сдал ему на "хорошо" **первый** студенческий экзамен), Борис Владимирович Тронов (в будущем мой научный руководитель), Виктор Васильевич Серебренников (крупнейший мировой авторитет в области редкоземельных элементов). Выросли в мировых научных светилах и крупнейших руководителях в то время доценты на кафедре Бунтина Владимир Васильевич Болдырев, Геннадий Викторович Сакович.

Бунтин олицетворял собой эталон настоящего профессора (в восприятии первокурсника из глухой провинции): седина, живот, хромовые сапоги, уверенная походка... Среди студентов из поколения в поколение ходила легенда, что никогда нельзя на экзамене ссылаться как на источник знаний по неорганической химии на учебник Некрасова (а это фундаментальный курс для химфаков университетов), так как Некрасов только раз в тексте упомянул Бунтина, причём мелким шрифтом. Сохранилась в памяти и манера Бунтина проводить предэкзаменационные консультации. Сначала убедится, что все присутствуют, затем вопросы. – Нет вопросов? А зачем пришли? – Дальше начинается "лирика". Бунтин: "Чем Вы занимаетесь

в свободное время? А я рисую. Берёзы! Шишкин схитрил, он всё сосны рисовал, а их рисовать легче..." Много лет эти эпизоды рассказывались со смехом, а сейчас не смешно.

В описываемый период престиж химии стоял высоко, может быть уступал только радиофизикам и ядерщикам, в конкурсе участвовали сильные абитуриенты и сам конкурс проходил очень жёстко. Учился курс хорошо. Максимум 20% первокурсников оказались слабее основной группы, часть из них отсеялась на первых курсах, часть "доспотыкалась" через академические отпуска и закончила обучение позже.

Общественная жизнь также бурлила ключом. Художественная самодеятельность!!! Среди первых членов знаменитейшей капеллы университета была большая группа химиков, в том числе моих сокурсников (Валя Занина, Эмма Ефимова, Света Финогенова...). Были и танцоры университетского уровня (Софья Даутова...). Несколько раз на университетских конкурсах и вечерах выступал и я с художественным чтением. В основном это были юморески Владимира Полякова – монологи современных Хлестакова (подражание Райкину, неоднократно читал ранее в клубах Текели)), Манилова, Собакевича, Ноздрёва. Сейчас мне кажется, что это было убого, но хлопали...

Зимой на первом курсе попал "в сферу влияния" яркой третьекурсницы Людмилы Данской. Известная ситуация "кролика и удава". Запомнил совместные катания на коньках на стадионе "Труд", в то время по вечерам под громкую музыку катались тысячи людей. Куда всё подевалось?!

Закончился флирт мгновенно. Сокурсницы поймали Данскую на воровстве, в течение суток её выгнали из комсомола и университета. Кто бы мог подумать? Серебряный медалист в школе, общественный активист в университете... Прошло 38 лет, сколько же раз я обманывался в людях в молодости, но не избавился от этого недостатка (доверчивость к людям – недостаток?!) и до сих пор. Скорей всего сие свидетельствует о постоянном внутреннем одиночестве автора.

В спортивном отношении химфак был всегда в первой половине из десятка факультетов. Первый курс не испортил ситуации, Слава Зуев и Людмила Матросова сразу вышли в лидеры университета по бегу на средних дистанциях. Мужчин же на факультете совсем мало, поэтому мобилизовали всех. Меня "бросили" на спортивную ходьбу. И – знаете – понравилось. Призовых мест не занимал, но очков в факультетскую копилку приносил много. К сожалению, этот вид спорта очень зависит от судейства. Однажды сняли за переход на бег (трасса проходила по университетской роще). Усиленно тренировался и на следующих соревнованиях (5 км по дорожке стадиона "Труд") уверенно шёл в группе лидеров. Как же обидно, когда ближе к финишу отстающие начали открыто бежать и никто их не снял. Закончил 7-м из 13 участников, выступление оказалось для меня последним.

Весной 1959 г. был организован первый легкоатлетический "матч гигантов" ХФ ТГУ – ХТФ ТПИ (по аналогии с матчем СССР – США). Численность химиков - политехников раза в 4 превышала нашу и особенно большой разрыв в

численности ребят. Но первая победа в упорной борьбе досталась нам. На этих матчах я выступал в качестве фотокорреспондента (фотоаппарат "Зоркий" родители купили в 8-м классе), причём заранее согласовано количество очков за эту работу. Наши фоторепортажи привлекали внимание главного корпуса университета (так несколько позже никто не мог пройти, не остановившись, мимо настенной газеты геолого-географического факультета).

Весной 1959 г. на общем комсомольском собрании избрали членом бюро, причём по инициативе старших курсов. Долго меня допытывали некоторые, что означала реакция зала (человек 200), когда назвали мою фамилию. Заставили встать и в зале вдруг раздался громкий одобрителный гул. Такая реакция была неожиданна и для меня, но вызвала резкое неприятие ряда девушек - сокурсниц. Выясняли, кто и как выдвигал кандидатуру (я и понятия не имел). Позже на курсовых собраниях неоднократно требовали объяснять, чем я в бюро занимаюсь. Пытаюсь вспомнить фамилии активисток, но не могу. Да и чёрт с ними! Из таких активисток в нынешний век выходят феминистки.

Весеннюю экзаменационную сессию проводили группами на Томи. Брали лодки напрокат в гребном клубе (у впадения Ушайки в Томь, сейчас в этом здании трактир) и попарно перебирались на противоположную сторону. В перерывах между чтением лекций купались, а может наоборот. Запомнился инцидент, потрясший всю нашу маленькую компанию (Слава Зуев, Люда

Матросова, Зоя Скрипникова), когда я чуть не утонул, попав в сильное течение. Спас какой-то катающийся на лодке парень.

Первая серьёзная привязанность в Томске – сокурсница Зоя Скрипникова. Первый поцелуй... Ради Зои плюнул на летний колхоз, поехал провожать её до Новосибирска и дальше домой, на юг по Турксибу (родители снова переехали в Талды-Курган и в это лето строили свой дом). Встреча Зои с родственниками произошла так, что Зоя сделала вид, что и не знает меня. Этого я уже никогда не простил. Не было ни объяснений, ни истерик. Просто по приезду осенью в Томск я её "не заметил". Сокурсники не могли понять, что произошло. Ведь такая любовь была!

Жизненная интрига закрутилась так, что за Зоей начал "ходить" мой лучший друг в студенческие годы Жорж Дубовенко (на 2 курса старше). По мере улучшения их взаимоотношений, всё больше надвигалась тень на наши с Жоржем отношения. Дело дошло до того, что я не пожелал пойти в ЗАГС на их регистрацию. По окончании они долго работали в институте органической химии в Новосибирске, двое детей. Разошлись лет через 20, Жорж уехал со своей аспиранткой куда-то в Восточную Сибирь; не так давно узнал, что он умер.

2-й курс начался с сельхозработ в деревне Маложирово, человек 70, питались все вместе, свои повара, расселены по квартирам. Несколько воспоминаний. Мы с Димой Дзюбачуком (4-й курс) ездили грузчиками на ЗИС-5. Самая любимая работа – перевозка в Асино льняного семени. При приёме

семени немедленно платили наличными и шофёру и грузчикам. Мы с Димой получали по 30 рублей и сразу покупали пряники.

Как-то водитель подрядился привезти дрова. Мы погрузили, разгрузили. Расплата угощением. Стол: четверть мутного самогона, варёная картошка и полузелёные помидоры. После двух стаканов нам стало "весело". На следующий день заседание комсомольского бюро (а я его член). Очень активна секретарь Головенко. Неприятно.

В Маложирово мы прилично заработали по тем временам и меркам (рублей по 700, то есть по 3 стипендии). По приезду в Томск начали регулярно посещать пельменную (стоит и сейчас, рядом с ЦУМом) и "потреблять" ликёры стаканами. Бррр! В кампании с Жоржем Дубовенко... не пили водку, предпочитали вино (интересно, что наши девушки больше любили водку).

На втором курсе мне общежитие не дали, окольными путями удалось попасть на раскладушку в комнату к ребятам 4-го курса, прожил с ними (Жорж, Дзюбачук, Горощенко, Ерошкин, Соловьёв) 2 года. Выбран старостой, причём не по признаку какой-то повышенной хозяйственности, а чтобы легче было отбрыкиваться при каких-то неурядицах и претензиях (комната 4-го курса, а староста с 2-го, да и тот на птичьих правах). Студсовет проверял очень строго чистоту (через десяток лет зашёл в мужскую комнату студенческого общежития и ужаснулся...). В комнате существовал специфический порядок дежурства: дежуришь до тех пор, пока не **помыл** пол. Один две недели дежурит, подметая грязь, а другой – два дня.

7 ноября 1959 г. впервые танцевал со своей будущей женой, сокурсницей Ниной Агеевой. Последующие полтора десятка лет " в сторону не смотрел".

Некоторое время жили с Жоржем одними деньгами и довольно скудно. Он начал подрабатывать по хоздоговору в ТПИ, а я ему помогал. Лабораторная установка расположена в кабинете Бориса Владимировича Тронова и обычно мы работали по вечерам. Как-то раз начал мыть посуду и выплеснул в раковину с водой кусок металлического натрия. Взрыв, столб пламени до потолка (очень высоко!), на следующий день нас попросили больше не приходить и заниматься научной работой в университете.

Запомнил комсомольский актив университета весной 1960 г. Хрущёв и его идеологические помощники чувствовали, что ситуация с молодёжью опять выходит из под контроля, соответствующие циркуляры спущены на места. Уроки "нравственности" даёт ректор Данилов. Обсуждается демонстративное поведение ряда радиофизиков и физиков: носят яркие полосатые рубахи на выпуск и узкие брюки. Добавлю, что в научную библиотеку ТГУ не пускают в брюках шириной меньше 22 см, вахтёр линейкой проверяет. В присутствии 200 человек ректор откровенно проигрывает диалог умнейшим студентам-радиофизикам (всё равно несколько человек исключили). В конце актива выпустили на сцену химика Соловьёва, с которым позже пришлось жить в одной комнате. История следующая.

В 1956 г. в Томске начались стихийные студенческие антикоммунистические митинги. Власти предложили провести митинг-дискуссию в актовом зале ТГУ в научной библиотеке. Участвовало 800 человек. На следующий день выступавшие были арестованы и получили по 5 лет лагерей. И вот Соловьёв бубнит: "Ошибки отдельных коммунистов я принимал за ошибки партии... Прошу простить меня и разрешить продолжать учиться на 4-м курсе..." В памяти отложилось очень тягостное впечатление от этого актива.

Сделал ещё одну попытку перейти в мединститут. Показал зачётку и согласовал с деканом лечебного факультета зачисление на 2-й курс (после двух лет учёбы в университете). Следовало догнать латынь и анатомию (начало). Все остальные предметы аналогичны и с опережением. Но опять, как и в 1958 г., преграду поставил ректор мединститута академик Торопцев. Пришёл к нему на приём. Торопцев: "Нет! Мы не берём студентов даже из ветеринарного института". Пытался что-то рассказать, доказать, но Торопцев вышел из кабинета. Посидел минут 5 и на этом реальные попытки стать медиком прекратились (были подобные мысли и во времена аспирантуры, но необходимость кормить семью поставила на мечте крест).

Летом 1960 г. обком комсомола начал пропагандировать почин "подъёма голубой целины" в области (строительство птичников). Университет откликнулся одним из первых. Наш отряд состоял из филологов и химиков, человек 18, в основном

ребята. Много позже такие отряды стали называть строительными. Мы делали сплошную двухметровую изгородь вокруг многогектарного лесного массива, прилегающего к крупной утиной ферме. Сами деревья валили, пилили доски... Основная цель руководителей совхоза (не помню названия, где-то вдоль железной дороги севернее Асино) – защитить птицу от четвероногих (лисы) и двуногих хищников. Работали в режиме утро-вечер, днём в самую жару часа 3 отдыхали, купались. Почему-то запомнилось обилие молдавского бочечного вина крепостью 8-10°, которое местные жители, преимущественно бывшие зэки, напрочь игнорировали.

Среди моих документов до сих пор хранится специальная, общественная зачётная книжка с одной записью об участии в разработке "голубой целины", сделанной комитетом ВЛКСМ университета. Очень быстро областные комсомольские лидеры отбросили этот почин. Кстати, слово "почин" изрядно подзабыли, а в 60-70-е годы многие вздрагивали, открывая свежую газету, неужели опять какой-нибудь почин. Ну а сейчас можно встретить воспоминания томичей о поездках на целину в Казахстан (1958 год) и первых стройотрядах в 70-х годах. "Голубую целину" никто не вспоминает.

Последний мой "колхоз" осенью 1960 г. (деревня Старокусково Асиновского района). Везили мешки пшеницы из амбара в амбар (студенты – дармовая рабочая сила, а отсюда и использование). В это время был в хорошей физической форме благодаря постоянным

спортивным тренировкам, даже в Талды-Кургане бегал много кругов по стадиону. Режим работы: 80-килограммовый мешок на плечи и на машину, загрузили, проехали 100 метров, выгрузка аналогично. Тяжёлая потная работа на осеннем ветру. Последствия на всю жизнь. А кто виноват? Никто! Организм не выдержал. Обратился в деревенский медпункт: не могу разогнуться. Сосланный деревенский доктор-латыш прописал банки. Через сутки без всяких разрешений уехал в Томск, неделю ходил по поликлиникам и понял, что помочь выздороветь смогут только папа с мамой.

1961 г. Томск. 20 лет.

Так весь 3-й курс пропал. Полтора месяца лежал в нервном отделении Талды-Курганской областной больницы в первом семестре, приехал

сдал экзамены. Через некоторое время снова на полтора месяца в ту же больницу, папа возил на консультации в Алма-Ату. Временной ориентир, только получил больничное бельё, лёг, надел наушники, сообщают о полёте Гагарина (12.04.61 г.). Чем только меня не лечили, в том числе и иглоукалыванием (специалист появился из Китая и впервые в СССР получил разрешение на практику в официальном медицинском учреждении).

Раздавались советы взять на год академический отпуск, но я ни в какую. К весенней сессии приехал. Практически вся подготовка проходила на Сенной Курье, у меня же лекций не было и пользовался конспектами девчонок из комнаты Нины. Не могу не отметить моральную поддержку со стороны Нины, да и помощь при подготовке экзаменов, особенно теоретической физики в зимнюю сессию. Вообще должен заметить, что при уровне учёбы несколько выше 4-х, Нина была одной из сильнейших на курсе в области математики и физики.

Учёба на четвёртом и пятом курсе пошла значительно "веселее", троек больше не было. Не было и спортивных занятий по известным причинам.

Освободившуюся временную нишу заняло хобби – филателия (когда-то в Челябинске-40 начинал собирать марки, которые папа приносил с работы, т.е. оторванные с конвертов). В Томске общество филателистов собиралось в доме культуры "Сибкабель", в основном, интеллигентная научная публика. Но как меня, молодого студента,

незнакомому с нравами местных "менял", обманули. По порядку.

Дима Дзюбачук привёз из Новосибирска мне в подарок ~ сотню старинных монет, которые собирал его дед. Принёс в общество двойные экземпляры, не имея и приблизительного представления о реальной ценности монет, в мгновение ока все были разменены на яркие колониальные марки. Оказался в положении непорочной девушки (нет!!! нет! нет, нет...), которой обещано великое счастье, но "после того, как" ощущающей великое разочарование. На следующем собрании коллекционеров бизнесмены от филателии меня "в упор не видели". Прекратил посещать общество, кое-что приобретал в магазине.

В зимние каникулы 4-го курса впервые привёз в Талды-Курган Нину. Бабушка после уезда сказала: "Посмотрела на невесту Эрвина, теперь и умирать можно".

Летом с большой пользой для здоровья ездил на грязевые курорты: в 1961 г. в Боровое, в 1962 г. – Крым, Саки. На последний курорт выехал прямо после производственной практики в Новосибирске. Упоминаю об этом, так как возникло недоразумение. Мама до сих пор обижается, что я не откликнулся на смерть бабушки. Бабушка умерла в последних числах апреля, дали телеграмму в Томск. А я уже уехал с Ниной в Бийск, появились в Томске 10 мая и только дней через 10, т.е. в 20-х числах мая кто-то вспомнил (общезитие!), что была похоронная телеграмма. Очень расстроился и начал ждать письма, не дождался и уехал на практику, оттуда по путёвке.

**Январь 1962 г. Уштобе. Возвращение в Томск
после представления невесты.**

Нина.

Нина из очень скромно жившей семьи, моя ровесница (родилась 10.07.41 г.). Отец, Николай Агеев, вернувшись с фронта, с женой жить не стал, а в 1951 г. покончил с собой. Мать, Мария Ефимовна Березовская, сварщица, постоянного мужа больше не имела. Нина жила, в основном, с бабушкой в избушке с земляным полом. Не раз ночевал на этом полу. Бабушка чудесная. Если знала, что "Нервин" придет, ставила на патоке "пиво" (бражку). Очень вкусно и не очень хмельно. Довольно много разнообразных родственников, но никто реально Нине учиться не помогал. Сестра Татьяна значительно моложе, до замужества жила с Марией Ефимовной.

Вместе мы прожили с Ниной около 16 лет. После развода Нина продолжает жить в прежней нашей квартире. Работает в медицинском институте на химических кафедрах (доцент, завкафедрой, замдекана...).

Летом 1996 г. перенесла тяжёлую операцию (рак матки), аналогичную перенесённой моей мамой 30 лет назад. Дай бог, чтобы последствия были не хуже, чем у мамы.

Как-то на 4-м курсе обратился за помощью к дяде Роберту, попросил 40 руб. в долг для приобретения материала на платье Нине. Конечно, он прислал. Когда отправил первую часть долга (10 руб.), он позвонил, очень интересовался, знает ли отец о будущей свадьбе, и запретил возвращать деньги. Платье сшили красивое, красное и очень тёплое. А деньги? Сейчас это кажется дёшево, но ведь стипендия – 22 рубля.

Свадьба состоялась 19.10.92 г. (свидетель – Эдик Антипенко). Скромно. Сняли на ночь большую комнату в частном доме за Московским трактом, было человек 40 студентов, основное блюдо: несколько тазов винегрета. Из родственников папа, мама и тёща. Подарки: утюг, скатерть, кое-что из постельных принадлежностей и посуды. Родители привезли с собой несколько кг копчёной колбасы и несколько литров спирта.

Скажу откровенно, что к свадьбе мы с Ниной подошли "непорочными". Целесообразность такого подхода дискутируется в обществе столетиями, причём каждый индивидуум находит оправдание собственному поведению до женитьбы. Прошло 34 года и с точки зрения возраста и опыта считаю

правильной позицию собственной юности, однако отсутствие сексуального воспитания долгие годы отравляло семейную жизнь.

За несколько месяцев до окончания университета началась эпопея с распределением. Всех ребят уговаривали пойти работать в КГБ, с большим трудом удалось "отбиться" под предлогом, что у меня родная тётя живёт в Канаде. Затем появились варианты с геологическими организациями, затем Омский завод синтетического каучука (8 мест). Решили с Ниной податьсь в Омск. Начались нюансы. Желающих в Омск оказалось больше. А на защите дипломной работы мне записали рекомендацию в аспирантуру. Появился проректор Алтайского политехнического института с заявкой на 3-х выпускников. Имелось в виду всех трёх подготовить в целевой аспирантуре при ТГУ, с тем, чтобы Барнаул через 3 года получил молодых кандидатов наук. Аспирантура в наши планы не входила, начались уговоры (один из них – мы не даём возможности распределиться в Омск имеющим более низкий средний балл). Уговорили! Распределены в Барнаул мы с Ниной и Женя Чернов.

Госэкзамены (органическая химия и история КПСС, оба "отлично") были зачтены за вступительные, но ещё требовалось сдать экзамен по иностранному языку. Мы с Ниной справились, а Женя не смог. И ещё несколько лет для Жени английский язык был непреодолимым барьером, Алтайский политехнический институт о нём "забыл" и Женя до сих пор работает на кафедре, которую окончил.

Лето 1963 г. начали в Бийске – в одиночестве в своей избушке (при **шести** живых детях) умерла бабушка Нины. Познакомился с множеством её родственников (предельная доброжелательность), съездили на их родину, одно из крупных, но хиреющих сёл степного Алтая. Запомнились многочисленные застолья и призывы: "Молодой сват, не пьёшь, не уважаешь!" И стаканами! Бррр! Впервые узнал, что сватами принято называть не только родителей супругов, но и всех родственников одной стороны по отношению к другой. Здесь же удивил всю деревню, когда на обычного червяка поймал две довольно крупные щуки в ямах обмелевшей деревенской речушки.

Очень познавательная поездка, не забуду рассказов о раскулачивании собственного деда и отправки в Нарым старшими сыновьями бабушки (в описываемый период в живых Тимофей – полковник авиации в отставке, проживает в Подмосковье). Через пару лет мне пришлось ночевать у дяди Тимы, беседовать. Не обнаружил и тени сомнений в правильности содеянной в молодости подлости. Внешне – добрейшей души человек.

1 октября 1963 г. – аспирант кафедры органической химии (научный руководитель – профессор Борис Владимирович Тронов), Нина – аспирант кафедры физической химии. Стипендия – 68 рублей.

Руководителем дипломной работы была Галина Лазаревна Рыжова. Она же собиралась стать непосредственным руководителем в аспирантуре. Но не тут-то было. Получил тему, далёкую от того,

чем занимался при дипломировании. Работать начал один, периодически консультируясь с Б.В.Троновым. Кстати, навсегда запомнил уважительное отношение со стороны Тронова к молоденьким аспирантам, он постоянно обращался ко мне по имени-отчеству, что вначале было очень непривычно. Но приятно!

За первые месяцы аспирантуры создал приличную картотеку, благо научная библиотека ТГУ позволила добраться до основополагающих работ Бертло (середина 19-го века, в журнале даже страницы не разрезаны). Начало эксперимента показало нецелесообразность продолжения работы в условиях ТГУ, о чём я и доложил Борису Владимировичу. Он подумал и сформулировал тему, более близкую к традиционным работам кафедры (комплексы галогеннафталинов с замещёнными нитробензолами). Опережая события скажу, что и от этой темы через год пришлось отказаться (осталась только **первая** статья в центральном журнале общей химии). Главный итог первого года аспирантуры – повышение эрудиции, сдача кандидатских экзаменов (органическая химия, философия, английский язык).

Запомнились поездки по сёлам области после пленума ЦК КПСС по химизации сельского хозяйства. Мобилизованы все аспиранты-химики. Для меня это было очень познавательная поездка. Декабрь. Холод. Много снега. Из Шегарского райкома партии повезли в розвальнях. Прочитал 8 лекций перед киносеансами, на фермах. Ночевал в совхозной "гостинице"; единственный клиент и

истопница-сторожиха, переживающая, чтобы я в своём пальтишке не обморозился.

Выступления слушали с интересом, но скептически. Забавный факт. Рассказываю на ферме в бытовке о полезных свойствах карбамида (мочевины) при добавлении в корм скоту. Вопрос: "Вот эта, что ли?" Стоит в бытовке бочка с позеленевшим карбамидом, заплёванная окурками. Стало очевидным, что давным-давно его не использовали по назначению и стоит карбамид на виду для проверяющих. Можно предположить, что после смещения Хрущёва всю бочку выбросили. 70 км от Томска и поразительная безграмотность. Типичные заявления: раньше собирали по 20 центнеров с гектара без всяких удобрений, а сейчас по 5-7 центнеров. Объяснения причин истощения земли плохо доходят. Кстати, ситуация мало изменилась в лучшую сторону и через 30 с лишним лет.

Нина тоже сдавала экзамены, но ей было явно тяжелее. **16 февраля 1964 г.** (воскресенье, 12.25) в роддоме напротив университета появилась Эльвира. Побежал на базар (сейчас площадь Ленина), купил кровать и бегом домой. Запомнил, так как проспект Ленина был перекрыт (проходили какие-то соревнования) и я задворками... Взмок... Затем купил несколько бутылок красного вина и в общежитие. Несколько сокурсниц-аспиранток, нажарили картошки и...

Эльвира

Эльвира появилась "по заказу", мы и хотели первым ребёнком девочку. 3850 г., 54 см. Имеется

очень много сделанных мной фотографий первых месяцев жизни Эли (чего, к сожалению, нет у младших детей). Не болела первые 8 месяцев. Отдали в ясли, на 17-й день – сопли. И пошло-поехало! Сколько раз переболела пневмонией не пересчитать. Не один раз отвозили её в Талды-Курган, однажды привезли прямо с няней (мама на второй день выпроводила няню назад в Барнаул). В школе училась хорошо, завершала без меня. Окончила Тюменский мединститут.

Будущий муж Саша Фёдоров заканчивал военно-медицинский факультет в Томске и Эля много раз приезжала в гости, жили у нас. После распределения Саша попал в Сары-Озек (110 км от Талды-Кургана). Здесь они прожили несколько лет, затем Эля уехала в Тюмень. Через некоторое время Саша демобилизовался и тоже вернулся в Тюмень. Постоянные проблемы с жильём (комната в общежитии, у Нины, у его родителей) наконец разрешены, в 1996 г. приобрели собственную квартиру.

Двое детей. Очень подвижный и смывлённый Алёша и маленькая Катюша.

Очень жаль, но Эльвира всегда резко отрицательно отзывалась об отце, особенно за глаза. Больно слышать, когда передают рассуждения Эльвиры вслух о тупом отце, которому Аникеев сделал диссертацию, и о более умной матери. Я всегда считал, что восприятие взаимоотношений родителей меняется с накоплением собственного жизненного опыта, но...

1965 г. Барнаул. Эльвире 1 год.

В описываемый период начались переговоры о переезде Б.В.Тронова в Барнаул, политехнический институт. Естественно, вопрос коснулся и нас, ведь Алтайскому политехническому институту нужен профессор с аспирантами. Разговоры - разговорами, но никто в ТГУ не верил очередному уезду Б.В.Тронова из Томска (до того он на 2 года уезжал во Фрунзе). Да и сам он под влиянием сына (позже расскажу о его зловещей роли в судьбе старого профессора) шантажировал руководителей ТГУ и АПИ так, что непонятен был конечный результат.

Представители АПИ уговаривали нас поехать в Барнаул вперёд. Через министерство оформлялся перевод из аспирантуры ТГУ в аспирантуру АПИ. Дополнительную сложность вносило, что Nina специализировалась в области электрохимии, а её непосредственный руководитель доцент Раиса Михайловна Куликова пока и не думала о переезде в Барнаул.

С другой стороны, квартирные хозяева после появления Эльвиры начали выживать под предлогом, что им стало тесно. Съездил в Барнаул, обещали комнату в общежитии немедленно (в Томске такой вариант немыслим), квартиру после защиты диссертации.

А! Была, не была! Есть у меня в крови любовь к риску и резким поворотам. Отправил Нину с Элей к матери, сам отправил контейнер с вещами в Барнаул и в середине июля распаковывал его содержимое в своей комнате.

Барнаул ***(1964 -1968)***

1 ноября 1964 г. – аспирант Алтайского политехнического института. Переехали в Барнаул, а руководителя нет. Институт в стадии становления, имеет пока одного профессора Нечаева, также приглашённого из Томска. На химико-технологическом факультете 5 кафедр, с приездом Бориса Владимировича запланировано открытие кафедры органической химии. Нас с Ниной встретили очень доброжелательно, предоставили рабочее место. Стипендия здесь чуть повыше – 78 рублей.

Центр Барнаула существенно отличался от центра Томска, как-то попросторней. Что бросилось в глаза сразу: разный вечерний контингент на улицах. В центре Томска студенческая молодёжь на улицах до утра "подавала голос", а в Барнауле больше гуляет рабочая молодёжь, к тому же улицы после 23 часов пустынные.

Уважаемый читатель! Напоминаю, что я пытаюсь передать свои впечатления того периода. За прошедшие годы многое изменилось и в Томске, и в Барнауле.

Время идёт, а Тронов не приезжает, идут неведомые мне интенсивные переговоры. Наконец, вызывает ректор Василий Григорьевич Радченко (лауреат Ленинской премии, из школы сварщиков Патона, всегда вспоминаю о нём с уважением) и предлагает поехать к Тронову с специальным письмом. Ректорат посчитал целесообразным послать заинтересованное лицо, к этому времени была подобрана хорошая четырёхкомнатная квартира, жильцам которой предоставили **четыре** новые отдельные квартиры.

Первая командировка в Томск после уезда. Профессорская квартира с алкогольным ужином. Познакомился с семьёй Тронова. Единственный сын профессора – Андрей, имеющий "хвост" дурной славы, сноха – Мукарама (отец – узбек). Внук – Алишер. За ужином и младшая сестра Андрея по матери.

Несколько коротких пояснений, касающихся профессора Б.В.Тронова, без которых трудно понять дальнейшие сложности при учёбе в аспирантуре. Он ровесник моей бабушки и родился в нынешнем Алтайском крае в семье уездного врача. Учился в Томске. Первая печатная работа вышла в 1913 г. в соавторстве с младшим братом Михаилом (в будущем профессор-гляциолог, переживший лет на 10 старшего брата) и посвящена восхождению на высшую точку Алтая – Белуху. Борис Владимирович поступил в аспирантуру в МГУ к

академику Зелинскому, здесь пережил революцию. В 1924 г. без защиты диссертации получил звание профессора Томского университета. Вся сознательная жизнь отдана ТГУ, ТПИ, ТМИ (исключение: 2 года во Фрунзе и 4 последних года в Барнауле). Под руководством Б.В.Тронова до моего поступления в аспирантуру защищено более 50 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

Личная жизнь Б.В.Тронова не сложилась. Женился в 40-летнем возрасте на 20-летней сотруднице научной библиотеки ТГУ ("адская смесь" различных кровей). Через какое-то время жена бросила Бориса Владимировича и ушла к другому профессору (его дочь и была на ужине), затем бросила и этого профессора...

А добрейший Борис Владимирович так и жил один со своим внешне очень похожим на отца сыном, который генетически от матери получил мощный негативный заряд. Первый ребёнок у Андрея (неофициально) появился от пионервожатой в 9-м классе. Перспективы служебного роста Андрея в Томске были весьма ограничены, осведомлённая научная "публика" терпеть его не могла, но Андрею – сыну крупного учёного – нельзя без диссертации.

В 1960 г. Борис Владимирович переезжает в Киргизский университет. Андрей устроен здесь же ассистентом и, в первой же поездке со студентами в колхоз, соблазнил первокурсницу Мукараму. Её родственники подняли скандал, старшие братья пообещали убить Андрея. Он бежит с Мукарамой в Казань к знаменитому академику Камаю (ученик Бориса Владимировича). По окончании учебного

года после серии переговоров в Казани и Томске, Борис Владимирович вернулся заведывать кафедрой органической химии ТГУ. И вот попытка переезда в Барнаул.

Видно невооружённым глазом, что профессор никуда ехать не хочет. Андрей же долго меня выспрашивал. Естественно, я был очень заинтересован в переезде профессора. Несколько дней "болтался" в Томске. Все, с кем удалось поговорить, отрицали возможность переезда Тронова. Наконец, уехал с обещанием Андрея подготовить письменный ответ ректору АПИ в ближайшее время. Прибыл в Барнаул уверенный, что Тронов всё-таки переедет. И, действительно, через несколько месяцев помогал разгружать контейнера, запомнил тяжесть старинного рояля, по крышке которого любил бегать внук Алишер.

В Барнауле появился новый друг, лучший – Валентин Семёнович Аникеев (1940 - 1992). Выпускник МГУ, физик-теоретик приехал в АПИ по распределению за несколько месяцев до нас. Лет пять был завидным женихом, наповал "убивал" женщин своим интеллектом. Валентин имел комнату в том же общежитии, где мы жили, и часами проводил время в нашей комнате, хорошо знал время ужина, очень любил возиться с Эльвирой, а позже и с Игорем, иной раз оставался за няньку.

В конце концов, женился на нашей общей студентке Лиде Ситниковой (на втором курсе занималась у меня наукой и в журнале общей химии АН СССР напечатано 2 совместные статьи). Лида

по речистости (молчуня!) является полной противоположностью Валентину.

Мы много совместно работали в научной сфере (напечатано не менее 15 совместных работ, серьёзная помощь оказана Валентином в интерпретации моих необычных экспериментальных результатов диссертации), причём хорошо дополняли друг друга. Валентин брался объяснять всё, что угодно, очень увлекался и ему был очень полезен скептический стопор. Вообще любил поговорить. Вспоминая наши взаимоотношения так и видишь картину Перова "Охотники на привале", где Валентин – увлечённый рассказчик, а я чешу затылок. Не помню случая взаимных обид. Кстати, мы много времени совместно провели на природе: рыбачили, грибы собирали, охотничали, бродили по горам. Удивительно, но друг от друга не уставали. К нему с большим добром относились обе мои жены. Телефонное сообщение о смерти 21.02.92 г. в возрасте 51 год было таким ударом, что не смог поехать на похороны, внушил себе, что не переживу. Отправил какие-то деньги...

У Валентина осталось трое детей, Павел – студент МГУ, близнецы Таня и Илюша в 9-м классе. Лида так и не защитила диссертацию, всё отдала мужу и детям, хотя имела диплом ТГУ с отличием (после моего уезда в Тюмень, её перевели в Томск, на химфак) и подавала блестящие надежды.

**1966 г. Барнаул.
Эльвира в химической лаборатории.**

Из друзей периода аспирантуры не могу не упомянуть Витю Левина. Он поступил в аспирантуру к Б.В.Тронову одновременно со мной. Крупный парень, существенно превосходил меня габаритами, окончил ТПИ на год раньше. Сначала при командировках в Томск ночевал с ним на одной койке в аспирантском общежитии, затем Витя начал приезжать в Барнаул за консультациями к Б.В.Тронову и останавливался у нас. Создалась неплохая компания из трёх "умников" (ещё Аникеев). Мне удавалось "забивать" их разговором только в состоянии сильного опьянения. В характере Вити кое-что очень поразило. В нашей компании много травили анекдотов. И вдруг резкая реакция на еврейские анекдоты, оказалось, Витя "болен" превосходством еврейской нации, а я даже не задумывался, что он еврей. Второе – внешне повышенная сексуальная озабоченность. Похоже, эти причины были основными, когда уже после защиты диссертации, работая в Новосибирске,

разошёлся с женой, с кем-то сошёлся и застрелился из охотничьего ружья. И было ему чуть за 30.

Среди молодёжи, "крутившейся" вокруг Тронова, была и женщина Р. (подробные координаты сознательно опускаю). Работая на кафедре органической химии ТГУ старшим лаборантом, закончила вечерний факультет с отличием. Поступила в аспирантуру к Б.В.Тронову (в Барнауле) под непосредственное руководство Андрея. Очень неглупая женщина, наработала огромный экспериментальный материал, но так и не защитила диссертацию. После смерти Б.В.Тронова только очень самостоятельные сотрудники смогли продвинуться. И особенно в сложном положении оказались сотрудники, как-то связанные научной работой с Андреем.

Много времени Р. потратила в попытках выйти замуж. Запомнил офицеров с Семипалатинского атомного полигона, которые через неё проторили дорогу для поступления на заочное отделение АПИ (потенциальный способ в будущем уйти в отставку и сбежать с полигона). Офицеры ездили группами по 6-7 человек в год, мы с Аникеевым "обеспечивали" им положительную сдачу вступительных экзаменов, естественно с последующими крупными пьянками. Один из старлеев ходил пару лет в женихах Р., затем "испарился".

С ней же связан очень неприятный для окружения Тронова инцидент. Украла в гардеробе АПИ меховую шапку и начала её носить. Оpoznана хозяйкой, также сотрудницей АПИ. Р. срочно улетает в Томск к родителям, заходит на родную

кафедру, берёт и выпивает 100 г метанола. К счастью, нервы не выдержали, Р. сообщила о содеянном и в клинике Савиных успели её откачать. Дефекты зрения остались навсегда. Все друзья сделали вид, что ничего не знают, и некоторое время присматривали за ней. До сих пор не пойму историю с шапкой.

Слишком часто упоминаю о пьянках, но они были весьма специфичны. В нашей компании пили только сухое вино, предпочитали "Димиаг" по 1 руб. 25 коп., "Мискет" и "Гамзу" по 1.45 (водка стоила 3.12). В 1964 г. Барнаул был забит болгарским вином десятков наименований, большинство предпочитали креплённые "Варну" и "Биссер". Очень любил сухое вино и Б.В.Тронов, в 75-летнем возрасте спокойно мог выпить 2 бутылки по 0.7 л. Много раз мы с Аникеевым (+ 2-3 человека) приходили в квартиру Б.В.Тронова с портфелем с вином (а он вмещал до 18 бутылок). Мукарама готовила отличный плов. Андрей всё следил за отцом и пытался отправить его спать, но не тут-то было.

Б.В.Тронов – интересный рассказчик. С разинутыми ртами слушали воспоминания 20-х – 30-х годов: бригадные формы обучения; привлечение в университет абсолютно безграмотных, но политически правильно ориентированных абитуриентов; аресты профессоров с неожиданными возвратами отдельных учёных (профессор-химик Кулёв, бывший колчаковский офицер)... Справедливости ради надо отметить, что в своих лекциях часто поминал о "мракобесах" от науки (Лайнус Полинг,

теория резонанса...), его книги начинались дифирамбами в адрес партии Ленина-Сталина, любил поговорить и писать о взаимоотношениях химии и философии (сейчас как-то неловко даже вспоминать эти факты). По-видимому, это защитная реакция крупного периферийного учёного, выработанная коммунистическим режимом.

Лекции Бориса Владимировича я всегда слушал с большим интересом ещё в студенческие годы, причём почти ничего не записывал, а только слушал. Интересно принимал экзамены, посадит человек 10 готовиться, а сам уходит. Затем открывает дверь и задом входит. Естественно, все, кому надо, всё списали. Я вообще не помню, чтобы Тронов поставил "неуд", тройки бывали редко. Повышенную успеваемость по органической химии, Борис Владимирович объяснял, что студентов вымуштровывают ассистенты кафедры (действительно, сдать обширный набор коллоквиумов в качестве допуска к экзамену было весьма затруднительно).

Вспоминаю забавный случай с Троновым на лекции на 2-м курсе. Зима. Разбитые окна в аудитории левого крыла главного корпуса ТГУ, 2-й этаж. Студенты в пальто. Появляется Тронов. Открыл дверь и сразу закрыл. Сбегал на кафедру (правое крыло корпуса, 3-й этаж) и появляется в зимнем пальто с завязанной под подбородком шапкой. Начал лекцию, разогрелся, расстегнул шапку. Через 3 минуты отогнул уши шапки так, что они начали свисать. Внешний вид развеселил студентов (бабушка в таких случаях говорила, что

человек выглядит как "баштан вэхтер", т.е. сторож бахчи), показалось, что в аудитории стало теплее.

Вернусь к аспирантуре. И второе направление диссертации начало заходить в тупик. Ограничившись одной статьёй в центральном журнале, выбрали с Троновым новые системы для изучения (комплексы галогенанилинов). Приняли решение взять на 1 год академический отпуск, поработать ассистентом и подготовиться к завершению диссертации.

Возобновил занятия филателией. Вступил в местное общество и регулярно посещал "сборища" коллекционеров, проводившиеся по воскресеньям (в отличие от Томска, где филателисты собирались по вечерам в рабочие дни). Обзавёлся отличными альбомами для марок (кляссерами), вёл активный международный обмен (Европа, Китай). Контакты с заграницей прекратились после письменного предупреждения таможни о запрете пересылки марок. Абсурд! В Барнауле марки получал по подписке: мировые космос, флора, фауна и СССР. Участвовал в марочных аукционах. В какой-то момент резко снизил активность, так как стало неподъёмно дорого. Позже, в Тюмени, активно марками не занимался, безуспешно пытался увлечь детей этим занятием. А коллекция собрана была неплохая, к сожалению, осталась в Тюмени и дальнейшая судьба её на момент набора этих строк мне не известна.

Запомнилась поездка на охоту 8-10.05.65 г. с Аникеевым и Левиным. Пострелять, постреляли, но ничего не убили. Промокли до нитки, спас от болезни только НЗ спирта. "Для полного счастья"

оказался укушенным клещом. Начал выяснять, надо ли делать противоэнцефалитную блокаду. Кто-то по телефону ответил, что в окрестностях Барнаула не зафиксированы укусы заражённым клещом. На этом успокоились. Вдруг через 3 недели (на улице тёплая летняя погода, все на пляже) резко подскочила температура с сильной головной болью. Ребята перепугались (Нина была в Бийске), вызвали скорую помощь. Что-то прописали... Обошлось. Это был первый из 4-х зафиксированных (на период написания книги) укусов автора клещём, но последующие сопровождались укусом γ -глобулина. Как-то бог пронесит мимо энцефалита, а сколько знакомых пострадало.

Работа ассистентом кроме повышения эрудиции, приобретения опыта преподавательской работы давала и некоторое повышение заработка (105 руб.). Кстати, зарабатывал почасовой работой в мединституте, на вступительных экзаменах в АПИ, но денег катастрофически не хватало.

Помню первый колхоз в качестве руководителя. Уборка сахарной свеклы, расчёт сахаром по 38 коп./кг. Взял и свою долю и долю студентов, которые отказались. Надо было видеть, когда я ввалился в свою комнату с рюкзаком с 64 кг сахара и просто упал на пол. В этом же колхозе ещё запомнилось: массовое отравление и я, скандалящий с начальством и за собственные деньги обеспечивающий 30 студенток 2-го курса закрепляющими таблетками; выяснение во время отдыха 18-летними девушками у Эрвина Гельмутовича существует ли любовь. Конечно, существует!

В период работы ассистентом произошло несколько ЧП, которые могли привести к тяжёлым последствиям. На лабораторных занятиях по органической химии у одной студентки загорелся халат, я находился в другом конце, когда услышал крик. Подбежал. Крупная девица (одна из тех, что выясняли, существует ли любовь) орёт, вокруг человек 10 и никто не оказывает помощь. Сорвал халат так, что пуговицы куда-то улетели, платье только-только начало тлеть. Счастье, что я находился в это время в лаборатории, несколько секунд и трагедии не избежать.

Всё свободное время от учебных занятий посвящал диссертационной работе. Основное: пытался синтезировать без детальных прописей недостающие для эксперимента химические реактивы (описанные в литературе, но которых нет в наличии). Два инцидента произошли поздно вечером, когда в лаборатории был один и во всём корпусе только старенькая вахтёрша. Первый раз вылетела из рук делительная воронка при экстрагировании с горячим эфиром, загорелся халат, руки. Обошлось.

Второй раз взорвалась установка вакуумной перегонки (только выключил вакуумный насос и отвернулся). Взрыв такой силы, что установка разлетелась на мельчайшие осколки по всей комнате. Громкость взрыва перекрыла ощущение удара в спину, только осколки вытряхивал из халата. Прибежавшая вахтёрша увидела абсолютно бледного экспериментатора и ярко-синюю стену (в процессе синтеза, по-видимому, образовался

голубой краситель). Позже стену белили много раз, но следы взрыва остались.

Взрыв в лаборатории подчеркнул абсурдность потери времени на синтез стандартных, но промежуточных в эксперименте реактивов. Пришёл к проректору по науке Мищенко и заявил: "Мне нужна командировка в Москву и деньги на покупку реактивов. В противном случае я в аспирантуру не вернусь!" После неприятных рассуждений по поводу шантажа положительное решение ректоратом было принято. Руководство АПИ было очень заинтересовано в защите диссертации в срок, так как аспирантура в АПИ была открыта министерством недавно, всего по нескольким направлениям и ещё ни один аспирант не уложился в установленный срок.

В начале 1966 г. одновременно получил два неприятных известия. Умер дядя Роберт. Мама ложится на операцию рака матки. Срочно выехал в Талды-Курган, папы с мамой уже не было. Поехали с тётёй Мартой в Алма-Ату. Помню, что захватили с собой корзину яиц и по прибытии в Алма-Ату быстро продали их на "Зелёном базаре". Очень холодно. Маму перед операцией не видел. В день операции сидели с папой в вестибюле экспериментального онкологического института, видели как прошёл на операцию главный хирург института, видели как часа через 2 прошёл назад. Папа был очень подавлен и готовился к негативному исходу. Маму провезли ещё через несколько часов. Когда мама очнулась, меня пропустили в палату. Пыталась мне улыбнуться. В палате было человек 6 и только мама радуется

жизни. Лечение продолжалось несколько лет, сначала γ -облучение в институте, затем амбулаторно химиотерапия и переливание крови.

Весной 1966 г. поехал в командировку в МГУ на 2 недели. Удалось отлично поработать в библиотеке химического факультета, ко всей периодике с прошлого века свободный доступ. Фантастика! Как удалось добиться, уму непостижимо! Очевидно, сработал эффект неожиданности при обращении к декану (позже по моим следам несколько человек пытались безуспешно попасть в эту библиотеку). В магазине химреактивов приобрёл всё необходимое для завершения диссертации (по "проторенной тропе" в течение 10 лет появлялся в этом магазине). Запланированное в Москве выполнено по максимуму.

В сентябре приехали с Ниной и Эльвирой в Талды-Курган. Здесь 12 октября родился Игорь. Началось с того, что роддома в Талды-Кургане были закрыты инфекционистами и Нину увезли в Карабулак. Через три недели выяснилось, что сразу после родов не сделали необходимые прививки. Роды прошли легче, чем при появлении Эльвиры, вес 4650 г. По поводу рождения Игоря у родителей собрались хирурги, я "прилично набрался", а мама всё повторяла: "Вот когда родился Эрвин Гельмут был такой же пьяный!" Через несколько дней оставил Нину с детьми в Талды-Кургане и уехал в Барнаул завершать диссертацию.

Игорь

Игорь с детства много болел. По ночам, в отличие от Эльвиры, спать совсем не давал. До сих пор не забуду, как однажды мы его чуть не потеряли.

Общежитие. Четверг. Игорь закапризничал, небольшая температура. Вызвали врача. Вместо врача пришла медсестра, что-то прописала, обещала прийти. Игорь покричал, постепенно перестал, врача нет, лечение почти не проводим. В воскресенье видим что-то ненормальное. Игорь лежит с открытыми глазами, горячий и почти не реагирует на внешние раздражители. Вызвали скорую помощь, врач: "У Вас же ребёнок умирает!" До сих пор при этом воспоминании у меня мурашки по спине бегают. Немедленно увезли Игоря вместе с Ниной в больницу, через несколько дней пошёл на поправку.

Как правило, большие 2-3 недель Игорь в детсад не ходил: бронхит, пневмония... Время показало, что многое зависело от повышенной занятости родителей и отсутствия родительского опыта. Практически мы с Ниной бюллетень не брали, по очереди бегали в институт, старались скорей вернуть детей в садик. В результате, Игорь ослабленным и пошёл в школу. Подхватил вирусный гепатит и несколько недель лежал в клинике Тюменского мединститута. Хорошо запомнил этот случай, увезли на скорой помощи, лечил хорошо знакомый доцент А.В.Моисеенко, а вернулся Игорь из клиники весь зашивленный.

Первые годы Игорь в школе учился неплохо, параллельно 3 года учился в музыкальной школе на

скрипке. Здесь у него желания не было. Наняли репетитора – девушку из музучилища. Через некоторое время, убедившись, как Игорь над ней издевается, музыкальное образование прекратили. Осталась на память (или для внуков) коллекция скрипок разного размера, начиная с 1/8. Очень жаль! Вспоминаю, как Игорь в концерте на родительском собрании во 2-м классе общеобразовательной школы привёл всех в восторг исполнением музыкального момента.

В старших классах Игорь часто приезжал в Томск на каникулы, сотрудники ЦЗЛ ТНХК его хорошо знали, одно время занимался даже выпуском памятных медалей к пуску завода полипропилена.

По окончании школы начал "проверять себя в жизни". В институт не захотел. Через год ушёл на 3 года служить во флот. Поступил в Тюменский медицинский институт и через 5 лет закончил фармацевтический факультет. Первый раз неудачно женился в 1989 г. (мы с папой приезжали на свадьбу). Второй раз женился на сокурснице Лене. Приезжают в гости, но, как правило, на 2-3 дня. Воспитывают сына Мишу. Папа постоянно напоминает, что Миша – продолжатель фамилии, должен сохранить его воспоминания и "растить семейное дерево". По окончании института Игорь с Леной поработали два года на севере Тюменской области (Красноселькуп, Салехард) и вернулись в Тюмень.

Вернувшись в Барнаул, начал готовиться к возврату в аспирантуру. Двух детей надо кормить, необходима защита диссертации (поясню, что в описываемый период разница в оплате

преподавателей института со степенью и без неё огромна). Не тут-то было. Андрей Тронов, фактический руководитель кафедры, почувствовал, что я опережаю его в подготовке диссертации, начал препятствовать её завершению. Сначала уговаривал меня сидеть с детьми, чтобы Нина делала диссертацию (в Барнауле Андрей стал её непосредственным руководителем), затем начал "давить" через отца-профессора. Заявление на перевод из ассистентов в аспиранты на кафедре мне не подписали.

В очень трудных ситуациях необъяснимо просыпается в характере автора "воля к победе". За всю сознательную жизнь подобные ощущения возникали 4-5 раз. Как следствие, решительные шаги в жизни.

Пошёл напролом. Посетил ректора, проректора по науке (об их заинтересованности в своевременной защите аспирантов упоминалось выше). В ректорате уже почувствовали мерзкий характер Андрея, действовавшего за спиной профессора и зачастую заставлявшего Бориса Владимировича отказываться утром от принятых вечером решений или обязательств. Приказ был подписан без всяких виз.

5 ноября 1966 г. начался последний год аспирантуры. Чёткое представление о необходимом объёме. Тяжелейший режим работы: с 7 утра до часа ночи. Никогда в последующей жизни не работал в таком плотном режиме. Две недели эксперимента, неделя – оформление статьи в центральную академическую печать, две-три бутылки сухого с Аникеевым и снова вперёд.

Месяцев через пять эксперимент закончен. Борис Владимирович отдал мне свой кабинет (обычно появлялся на кафедре не больше, чем на 1-2 часа) под написание диссертации. Работал с повышенной нагрузкой, но умудрялся после обеда подремать полчаса на письменном столе.

К весне диссертация была готова. Очень объёмна. Позже стало видно, что в приложениях приведено слишком много малоинформативных таблиц. Но это колоссальный труд на простейших механических арифмометрах "Феликс" и ВК-2. Сейчас даже трудно представить, что можно было столько времени затратить на простейшие расчёты.

Чем ближе финиш, тем больше старался подключать в качестве "толкачей" на кафедре отдел аспирантуры и проректора по науке. Андрей явно опаздывал с диссертацией и постоянно ставил мне палки в колёса, причём всё в удивительно вежливой форме (со стороны и не разобраться).

Повёз диссертацию в Томск на представление к защите в учёном совете ТГУ. Здесь пришлось покрутиться очень интенсивно, написать автореферат, найти машинистку, затем ротапринт, затем рассылка. А это и уговоры и деньги (конечно, не такие, как сейчас). Всё закончил в Томске 3.07.67 г., удивив не только Тронова (он и предположить не мог, что в 2 недели смогу представить диссертацию, подготовить и разослать в 100 адресов автореферат), но и ректорат АПИ. Защита через 4 месяца.

Появился в Барнауле, а Аникеев собирается на 2 недели в поход на Алтай. Нина с детьми уже в Талды-Кургане. Решил отдохнуть в горах после

интенсивного года (позже в семье было много шума). Отправились на озеро Шавло впятером (Аникеев, Лида Ситникова, супруги Корнейчуки). От Бийска на попутных машинах (с ночёвкой у дорожной "жены" водителя) вверх по Чуйскому тракту поодиночке добрались до Курая (~ 400 км, недалеко от монгольской границы). Дальше пешком. По дороге заглянули в альпинистский лагерь Актру. Здесь неожиданно встретили профессора Михаила Владимировича Тронова (75 лет!), младшего брата шефа, руководителя практики студентов-гляциологов, изучающих ледники Алтая.

Дневные переходы весьма трудные. Днём делали кратковременные привалы, перекусывали сухарями и куском сухой польской колбасы. Практически всю дорогу шли под дождём. В моём рюкзаке запас спирта. В небольших дозах выдавал на ужин, чтобы не заболеть. По дороге встретили группу альпинистов, все с ледорубами, в альпинистских ботинках "триконях", а мы в обычных кедах. Проходили по таким камнепадам, по которым альпинист-профессионал никогда не пойдёт. Видно судьба нас берегла.

Вспоминаю последний переход до озера. Рано утром встречаем на коне алтайца, выясняем направление движения и сколько осталось. 4 км! Взбодрились и вперёд, без привалов, без обеда. Пришли затемно. "4 км" шли часов 14! С тех пор никогда не спрашивал местных жителей, особенно на конях, о расстояниях.

Озеро Шавло – красивейшее место. Академик Делоне, пришедший с группой московских

альпинистов через 2 дня, заявил, что он не видел подобного в Швейцарии. Кстати, от Делоне я впервые услышал о Сахарове, о взрывных выступлениях академика Тамма на общем собрании АН СССР по поводу уровня сельскохозяйственной науки, учёности Мичурина, учения Павлова... Интересны высказывания о нравах в академии наук: "Все боятся говорить, раньше не боялись высказываться только атомщики, а сейчас ещё и ракетчики..." Рассказал, как посадили его сына (ныне известный правозащитник) за чтение стихов у памятника Пушкину. Часами слушал его с разинутым ртом.

Запомнилась ловля хариусов при впадении речки, вытекающей из-под красивейшего ледника, в озеро. Все меня убеждали, что на дождевого червя ничего не поймает, нужна только искусственная мушка из медвежьей шерсти. Но я – человек консервативный, все поразились, когда принёс 9 крупных хариусов (грамм по 400). Позже, правда, убедился, что на мушку удобней ловить, не надо без конца поправлять червяка. А вообще ловля хариуса – непростое дело, он очень пуглив, хватает только движущуюся наживку, нужно длинное удилище, причём забрасывать надо из-за какого-нибудь укрытия. Не рисуясь скажу, что во время обоих походов на Горный Алтай, был основным поставщиком хариусов. Обычно с Валентином мы на равных рыбачили, но на хариусов ему не везло.

Обратная дорога началась также в сторону Чуйского тракта, из Чибита поодиночке подались в Бийск. Я ехал с лихим водителем пустого бензовоза и часов за 10 оказались в Бийске. Как удивилась

тёща, когда неожиданно появился я, мокрый, грязный, заросший. Ванна, несколько рюмок тёщиного "коньяка", чистая постель и к утру был свеж, "как огурчик", чем весьма удивил на железнодорожном вокзале своих спутников.

Защита диссертации состоялась 3 ноября 1967 г., за 2 дня до окончания срока обучения в аспирантуре, впервые в истории АПИ. Сразу после защиты не было ни радости, ни горести, просто моральная усталость. В этот же вечер выпил с кем-то (не помню) стакан-два вина и начал оформительские работы. Два дня работы с утра до вечера, документы отправлены в Москву и 6 ноября появился в Барнауле. Устроили небольшой банкет в ресторане (человек 25).

Сверхзадача (защита диссертации) выполнена. Ректор сдержал обещание: 21 ноября переехали из общежития в новую трёхкомнатную квартиру. В зале стоит детское корыто с игрушками и больше ничего. Новоселье отмечали на чемоданах и на стопках книг. Детям раздолье. Один недостаток – крайний дом в городе, практически начало крупного микрорайона. До АПИ минут 40 на автобусе. Возникли сложности с вечно больными Эльвирой и Игорем (раньше жили в 5 минутах пешком от работы). Устроили Эльвиру в круглосуточный садик, забирали на ночь в среду и пятницу, но и это мало помогало. Пытались с Ниной расписание занятий со студентами так утрясать, чтобы кто-то мог быть дома.

На работе продолжилась возня, начатая год назад. Чтобы иметь солидную прибавку к зарплате, необходимо получить, минимум, должность

старшего преподавателя. Вдруг на кафедре объявляют, что в штатном расписании кафедры такой должности нет. Андрей, старший преподаватель без степени, продолжает фактически руководить кафедрой. Опять поход к ректору, приказ о назначении на должность старшего преподавателя подписан без согласия Троновых. Своего добился, но понял, что с Андреем на одной кафедре работать невозможно.

Начал искать место работы. Летом 1968 г. прочитал в газете о конкурсе в Тюменский индустриальный институт, позвонил, сел в поезд... 28.06.68 г. в течение нескольких часов получил на руки письмо-обращение ректора ТИИ А.Н.Косухина к ректору АПИ В.Г.Радченко с просьбой отпустить Э.Г.Полле, как прошедшего по конкурсу на должность доцента кафедры технологии нефти и газа ТИИ, а Н.Н.Полле ассистента кафедры физической химии. Отправил с привезённой бумагой к ректору Бориса Владимировича, как лицо заинтересованное в моём уходе. Нюанс здесь в том, что сотрудник, окончивший аспирантуру и распределённый, обязан отработать 3 года в институте, как и молодой специалист после окончания ВУЗа.

Ректор вызвал меня, уговаривал остаться, прошёлся по адресу Андрея. Но подписал.

Закончу об Андрее Тронове. Защищался он через год после меня, возле университета в Томске дежурила скорая помощь: Борис Владимирович не переживёт, если Андрея "прокатят". Через несколько месяцев умер Борис Владимирович. Сколько же неприятностей Андрей доставил людям,

что его моментально выставили из института. В ответ Андрей Тронов демонстративно пошёл работать грузчиком на железнодорожную станцию (в те времена, кандидат наук – грузчик!, просто вызов обществу, не в пример 1996 году), потом уехал в Бийск (филиал АПИ), затем в Брянск... Мукарама давно его бросила.

Принципиально решив вопрос с уездом в Тюмень, отправился в компании с Ниной, Валентином, Лидой, Витей Левиным во второй поход в Горный Алтай. Маршрут другой, конечная цель – озеро Тайменье. Перед непосредственным переходом в горы к нам присоединился "тёмный" москвич, путешествовавший в одиночку с самодельным разборным оружием. Рюкзаки тяжеленные! Подавляющую часть маршрута, особенно на затяжных подъёмах шёл впереди колонны. Что-то есть в характере, психологически затрудняющее движение вторым...

Запомнилась ночёвка у пастухов (выгуливают "торбаков" – двухлетних коров-нетелей) через несколько дневных переходов от тракта. Угостили пастухов спиртом, улеглись. Проснулись часа в 3 ночи от дикого крика. "Это Колька хайляет, медведь напал на его овец, а у него карабин неисправен". Мы схватили свои "мелкашки" и в полной темноте побежали в крутую гору на голос. Прибежали, а Колька: "Да внизу медведь задрал "торбака", я Вам и кричал". Сработали "фокусы" акустики: с горы был отчётливо слышен рёв задираемой коровы, а в избушке на берегу маленькой речки в 100 метрах от стада ничего не было слышно. Утром обзрели погибшую корову, медведь присыпал её листьями и

камнями и оставил подтuhnуть. Пастухи настроили самострелы из карабинов (страшно даже подумать, что кто-то из горных туристов может зацепиться за натянутую леску). Оказалось, что с весны из 200 торбаков, медведи задрали уже 18-го. Прождали сутки, на следующую ночь медведь не пришёл и мы продолжили маршрут.

На озере Тайменьем сделали стоянку на 4-5 дней. Ночёвки были на всём маршруте малоприятным делом. Палатка двухместная, температура наружного воздуха ненамного выше 0°, 5 человек по команде переворачиваются с бока на бок, а если учесть, что в Вите килограмм 120... И, конечно, большая глупость ходить в поход с женой: вся нервная разрядка идёт через мужа (вполне вероятно, что это чисто индивидуальная черта Нины или что-то раздражало в моём поведении).

Моя основная задача – обеспечение рыбой. Ловля хариуса шла неплохо, однако он был мельче, чем на Шавло. Наш московский спутник убил медведя-двухлетку. Опасаясь матери-медведицы переправляли тушу на самодельном плоту, разделявали в устье выходящей речки. Получилось 2 ведра отличного варёного мяса. Неожиданно Валентин и Витя не стали есть медвежатину (кстати, Левин до последнего перевала нёс бутылку уксусной кислоты специально для шашлыка из медвежатины, дальше стало тяжело!). Типичный пример поведения больших любителей поговорить на любую тему.

Возвращались другим маршрутом, с крутого перевала "свалились" в долину Катунь. Райское место со своим микроклиматом! На берегу деревня

староверов. Мужики с бородами. Многие жители никогда не видели железной дороги. После сухарей, сухой колбасы и пищи из концентратов нажились на сметану, самодельный хлеб и помидоры, вызревающие на корню. Хозяйке отдали всю колбасу, чему она была страшно рада. Деревня в 40 км от горного райцентра Усть-Кокса, почту привозят на вездеходе не чаще 1 раза в неделю. Другого транспорта нет. Только легли погреться на берегу Катуня (вода тёмная) и начали размышлять, где лучше половить тайменя, появилась машина. Упустить шанс нельзя. И вот мы в автобусе Усть-Кокса – Горно-Алтайск. Автобус идёт с ночёвкой, причём каждый ночует как хочет. Из автобуса всех выгоняют, шофёр идёт к подруге, местные жители кто куда. Одни туристы "болтаются как попало" с 18 часов до 9 утра.

При появлении в Барнаул радостное известие: пришла долгожданная открытка из Высшей аттестационной комиссии об утверждении учёной степени кандидата химических наук.

Несколько дней потратили на отправку контейнеров в Тюмень. Проводы друзей, все помогают... Затем с детишками поехали на несколько недель в Талды-Курган. Закончился сложный, но очень интересный этап жизни в Барнауле, автору 27 лет. Что впереди?

Тюмень ***(1968 -1977)***

14 августа 1968 г. с ребятами и несколькими чемоданами прибыли в Тюмень.

Квартиру получил в тот же день, но... двухкомнатную (обещание трёхкомнатной выполнено через 8! лет). Назад дороги не было, но неприятности на этом только начались.

Вдруг отказались брать на работу Нину. Мы попали в ножницы между завкафедрой химии и технологии нефти и газа и "хозяином" химико-технологического факультета Р.З.Магарилом, который принимал меня для ведения курса "современные физико-химические методы исследования" и только появившимся из Томска завкафедрой физической химии М.С.Захаровым, категорически отказывавшегося брать "посланца Магарила". Декан факультета – Подборнов Николай Владимирович – фигура номинальная, человек слабый духом, поставлен Магарилом. Позиция Захарова чисто эмоциональная. Нина по диплому физико-химик, к тому же специализировалась в области электрохимии, а Захаров – электрохимик, но новый профессор хочет показать твёрдость своего "я". Ходил к Захарову выяснять отношения, но он стоял на своём: "Магарилу нужен доцент пусть берёт и ассистента!" Через какой-то промежуток времени Нина оказалась ассистентом кафедры общей химии.

Спустя некоторое время выяснилось, что бумага о прохождении по конкурсу на должность доцента является "Филькиной грамотой". Начались какие-то манёвры за спиной, пришлось проявить твёрдость и пройти все необходимые этапы получения звания доцента (сначала открытый конкурс на должность, через год представление к учёному званию).

Впервые обратил внимание на важность верности слову первого руководителя. Ректор АПИ В.Г.Радченко и ректор ТИИ А.Н.Косухин – противоположности именно в этом аспекте. Оба деловые, решают вопрос становления молодого института, пытаются обеспечить научными кадрами, но подход разный. Косухин очень многим и много обещает, но выполняет обещания выборочно. И не чувствует при этом никаких неудобств. Кстати, Косухин любил рассказывать про партизанские годы в Крыму. У меня ещё с колымских времён сохранилась подаренная "за отличную учёбу и примерное поведение" книга воспоминаний И.Козлова "В Крымском подполье" (издана в 1948 г.). Просмотрел и увидел резко отрицательный отзыв о деятельности Косухина (кличка "Костя"). Удивительное чутьё секретаря подпольного обкома Козлова выявило черты характера Косухина, не исчезнувшие и через 25 лет.

Первый семестр в ТИИ дался трудно. Лекционный курс составлялся заново, одновременно готовил лабораторный практикум. Началась очень морозная зима. Студенты на лекциях в пальто и перчатках, у лектора пар идёт из рта. На кафедре случилась трагедия.

Лаборант грелась около раскрытой муфельной печи. Из рук выскочила колба, загорелся халат; растерялась, начала бегать по кафедре. Пока её сбили с ног и затушили огонь процентов 40 поверхности тела обгорели. Через неделю умерла. Похороны. Трагедия сопровождалась очень некрасивыми вещами: задним числом оформлялись

инструктажи по технике безопасности, подделывались подписи...

Холодная зима сказалась не только на работе института, не работали детсады. А дома 12-15°. Дети в валенках по квартире бегают, хозяин, то бишь автор, сидит перед телевизором на бачке с кипятком (к счастью, горячая вода была в достатке).

Дети в дошкольный период часто болели, редко бывала ситуация, когда оба в садике. Участковый педиатр расписалась в собственном бессилии: "У меня самой двое детей постоянно болеют." Лечение: тетрациклин, сульфадимезин, димедрол. Положительным при лечении было прикрепление к поликлинике Главтюменнефтегаза, лучшей в Тюмени. Ковры, мягкая мебель, никаких очередей. Подобного обслуживания я не видел ни в Барнауле, ни в Томске. В этой же поликлинике и мы с Ниной лечились. Лет через 5-6 всех доцентов ТИИ из привилегированной поликлиники "попросили".

Уважаемый читатель! Временами Вы обращаете внимание на некоторую сумбурность изложения, вызванную попытками увязать в настоящей книге трудно совместимые для непрофессионального литератора задачи: хронологическую последовательность; краткость и доступность изложения с минимумом специальных терминов; характеристики лиц, вступавших в активный контакт с автором; глубинные причины производственных и семейных конфликтов. Прошу извинить! Продолжаю.

Все 9 лет работы в Тюменском индустриальном институте прошли под знаком внутреннего противостояния между мной и Магарилом. Первый

холодок в отношениях появился незаметно, затем начались закулисные манёвры: с "доцентством" (см. выше); поставленным мной курсом по современным физико-химическим методам исследования ("в целях совершенствования учебного плана" сокращение лекционных часов, замена экзамена по курсу на зачёт и т.д., затем перевод курса на кафедру общей химии); прекращением выделения дипломников (якобы моя тематика не соответствует специальности выпускника). К этому времени я уже перешёл на кафедру технологии основного органического синтеза и начал вести лекции и занятия по органической химии. По ходу изложения Тюменского периода жизни фамилия Магарил будет звучать многократно.

При появлении в Тюмени сразу познакомились с соседями по площадке и Витя Кучерюк (жена – Лена), аспирант Косухина (строительная механика), позже доцент, ещё позже профессор без докторской степени, на тюменский период стал постоянным партнёром в житейской сфере. Походы за грибами, совместные семейные "попойки". Регулярное (два раза в неделю) посещение спортзала (волейбол). Но самое главное – баня. Еженедельно, без срывов, посещение железнодорожной бани (в то время лучшая парилка в городе, но работала режиме: день мужчины, день женщины). Заранее, в начале семестра так утрясали расписание, чтобы среда-четверг после обеда были свободны. А после бани пиво!!! Появлялись с работы жёны и начинался "третий акт" с ужином и самодельным вином из

черноплодной рябины, которое мы делали в больших количествах.

Кучерюк, в отличие от меня, больше работал дома. Сын, чуть моложе Игоря, "под ногами", довольно капризный. Витя успокаивал его, подкидывая газету за газетой, и Дима старательно рвал их на мелкие кусочки. А газет выписывали много и немало времени проводили с Витей в беседах о политике.

Феерически в моей жизни прошло знакомство с Геней Неупокоевым. Приехал в ТИИ в 30-летнем возрасте защитившимся кандидатом наук из Салавата. Работал начальником цеха химкомбината. Вид – не по возрасту солидный. Большой любитель поговорить, но умел слушать (и **слышать!**). Очень быстро его избрали деканом химико-технологического факультета. Сразу попал в "ножницы" между давлением Магарила ("серый кардинал" при Косухине) и объективной ситуацией на факультете. Магарил стоял у истоков создания факультета и не хотел выпускать рычаги управления, но любил действовать за спиной официальных руководителей факультета.

С Геней мы могли в деловых разговорах проводить время часами. По вечерам пили коньяк и кофе. Оба потом маялись желудком (у меня застарелая язва двенадцатиперстной кишки, при учащении выпивок просыпается), Гена потреблял слишком много соды (причины стали ясны через 3 года). Жёны (его Надя – детдомовка, без образования) судачили о своём. Гена боготворил Надю (она помогла ему выучиться) и дочку, но

любил "прихватить" кое-что от женского пола и на стороне (для меня это было очень удивительно).

Июль 1969 г. Иссык-куль. Позируют Эльвира и Игорь. Наблюдают Нина и тётя Марта.

14.08.69 г. Талды-Курган. Справа стоит Вельда.

Деловитость Гены поражала. Очень быстро получил хорошую квартиру, мигом её обставил, работники ОБХСС помогали ему обзавестись на рынке всем необходимым (меховая одежда, продукты...) по нормальным, не спекулятивным ценам.

Гена не пробыл деканом и 2 года, как поступила красная правительственная телеграмма за подписью 1-го замминхимпрома Осипенко, отзывающая его в штат министерства. Телеграмму долго крутили в руках на всех уровнях, но "Москву" уважили.

Сразу по прибытии в Тюмень я начал активную научную деятельность. Способствовало этому наличие в ТИИ оборудования для изучения дипольных моментов молекул. Собрал его мой предшественник Шеломов, представитель широко известной ростовской школы физико-химиков, талантливый спившийся человек (по этой причине и погиб через несколько лет).

Ежегодно руководил 4-5 дипломниками. Дипломник – отличная рабочая сила в науке, но только в случае, когда он видит заинтересованность в собственном труде и руководитель тоже крутится как "папа Карло".

Первоначально основная задача: получить достаточное количество экспериментальных данных для диссертации Нины, затем превратить наработанный материал в составную часть докторской диссертации. Диссертация у Нины получилась неплохая, но произошёл затор с представлением к защите.

Естественно, Нина поехала в alma-mater – ТГУ. Неожиданно начались неприятности. На поверхность "вылезла" Г.Л.Рыжова, бывший мой дипломный руководитель, в описываемый период завкафедрой органической химии и декан факультета. Сначала что-то требовала переделать, затем отказывалась даже на кафедре заслушивать, не то что допустить доклад на учёный совет. Обращения за помощью к председателю учёного совета Серебренникову ничего, кроме сочувствия, не дали. Возня продолжалась 2 года. Казалось бы тупик, ведь только в Томске широко и всесторонне изучались органические молекулярные комплексы. В Тюмени вообще не было защит химических диссертаций.

Решили пробиваться в Свердловске. Через Неупокоева познакомился с его руководителем профессором Георгием Дмитриевичем Харламповичем. Последний свёл меня с Рафаилом Оганесовичем Матевосяном, профессором, крупнейшим специалистом СССР в области очень слабых взаимодействий органических систем. Матевосян отнёсся доброжелательно, приехал в ТИИ в командировку, посмотрел условия эксперимента, послушал результаты и взялся быть оппонентом. Более того, посетил ректора ТИИ и сделал рекламу высокому научному уровню наших работ. Можете себе представить как "завертел хвостом" доцент Магарил, увидев такое светило науки на факультете. Защита прошла с большим успехом в институте химии Уральского отделения Академии Наук СССР. Матевосян – человек увлекающийся, но всё равно приятно слышать

публичные рассуждения, что работы Полле подняли престиж химиков ТИИ в глазах академической науки. Кстати, через год Матевосян переехал в Ереван и очень звал меня начальником физико-химического отдела руководимого им института.

27.10.70 г. отправил отзыв на диссертацию Аникеева. Валентин "задержался" с диссертацией, но ни в текст диссертации, ни в список работ в автореферате не включил множество работ, выполненных совместно с химиками. Я отметил это. Цитирую один абзац отзыва.

Следует указать, что материал, представленный в диссертации, составляет лишь небольшую часть научного творчества В.С.Аникеева. С 1964 г. В.С.Аникеев проводит большую совместную работу с химиками, исследователями слабых молекулярных комплексов. Опубликовано значительное количество работ, часть из которых напечатана в таких журналах, как Теоретическая и экспериментальная химия", "Журнал общей химии" и др.

С Аникеевым мы регулярно встречались на Всесоюзных совещаниях по физико-химическим методам анализа и комплексам с переносом заряда (в Тюмени он ни разу не был). Не рисуясь, скажу, что активно участвуя в профильных Всесоюзных совещаниях, начал постепенно приобретать известность среди специалистов. Ниже очень коротко о главных совещаниях.

1967 год. Яремче (Карпаты). Доклад вызвал интерес, опытные люди порекомендовали впредь не "заталкивать" всю диссертацию в 15-ти минутный доклад. Познакомился с известным по литературе

профессором из Риги Абрамом Яковлевичем Дейчем, наметили план совместных работ. В памяти также экскурсия по Закарпатыю (400 км). Одна деревня – украинцы, вторая – румыны, третья – венгры... А какая природа!

1969 год. Рига. Совещание проходит в пансионате "Вайвари". Председатель оргкомитета – А.Я.Дейч. Для института гражданской авиации, в котором работает профессор Дейч, тематика Всесоюзного совещания непрофильна и оргкомитету пришлось очень тяжело. Дейч познакомил с академиком Усановичем из Алма-Аты, неплохо знавшим Тронова. Потрясающее впечатление произвела Старая Рига, церкви разных конфессий, кладбище Райниса...

Запомнился случай, связанный с местным национализмом. Вечером сидели с Ниной в "стекляшке" (днём – столовая, вечером – ресторан). За столом сидят два подвыпивших седых человека, говорят по русски, читают Блока. Вдруг один спрашивает Нину (яркая блондинка): "Вы откуда?" Нина: "Как откуда? Из Риги". Реакция превзошла разумные пределы. Старик ударил кулаком по столу и заорал: "Мы – народ дружественный, но не любим, когда нас обманывают". Хорошо, что рядом пила пиво группа русских офицеров, они вмешались, нас пересадили за другой стол. Обратите внимание, 1969 год!

1971 год. Ворошиловград. Впервые "вывез в люди" аспирантку Валю Нагарёву, но доклады делал сам. Запомнил экскурсию в Краснодар, захолустнейший городишко с отличной архитектурой музея "Молодой гвардии".

1973 год (март). Рига. Гостиница Даугава. Живём вместе с Щипановым (заведует кафедрой, на которую я ушёл от Магарила). Сделал доклады, остальное время пили пиво втроём (+ Аникеев) и обсуждали научные проблемы. Продолжились контакты с Дейчем (кстати, интенсивная переписка с ним продолжалась вплоть до переезда в Томск, когда я полностью прекратил работу в прежнем направлении), решили вопрос публикации моих работ в Известиях Латвийской Академии наук. В конечном итоге в этом журнале напечатано более десятка статей.

1973 год (июнь). Каунас. Совещание исключительно хорошо организовано сельскохозяйственной академией. Два доклада. Тьма впечатлений. На улицах много милиции и все с дубинками. Функционируют первые в СССР ночные кафе. Отличная ночная программа в исполнении артистов балетной группы оперного театра (начинается в 23.30). Музей Чюрлёниса. Единственный в мире музей чертей. Костёлы. Концерт колокольной музыки. Экскурсия в Вильнюс. Водка "Паланга" на заключительном банкете (как заявили организаторы, её поставляют в Кремль и купить невозможно).

1976 год. Рига. Проживаем с Ниной в центральной гостинице "Рига" в шикарном номере (только для ограниченного круга). Здесь же проживает Г.Л.Рыжова, которая так и рассыпается. Как не вспомнить перипетии с диссертацией Нины. Доклады своим чередом, но на **первом пленарном** заседании. Аникеев "мечется" между нами и Андреем Троновым. Я попытался с Андреем

поздороваться, но: "Простите, я Вас совсем не знаю". Самое сильное впечатление: все специалисты, работающие в близких научных направлениях, меня знают и признают. На прощальном банкете в Юрмале (присутствует не менее 200 человек, несколько десятков профессоров) тамада предоставляет мне **первому** слово. Не надо объяснять, что это значит. Жизнь показала, что это была "лебединая песня" автора как научного работника.

Пора и о семье вспомнить. Здесь всё идёт не лучшим образом. Очевидно, нервотрёпка на работе, нелады с диссертацией Нины, постоянные болезни детей выплёскивались в семейные скандалы. Особенно накал страстей возрастал при появлении тётки (известна манера большинства женщин "работать на публику"). Выражения типа "гестаповец", "фашист" бесконечно звучали не только в присутствии детей. Кризис достиг высшей точки в марте 1971 г., когда вопреки моему желанию тётка тайно увезла Игоря в Бийск. После тяжёлых внутренних переживаний подал заявление о разводе. Для многих в институте это было неожиданным ("такая красивая и умная пара!"). Началось давление друзей, особенно Гены Неупокоева. Нина распространяется про "большую любовь". Житейски опытные люди не верят, что можно подать на развод, не имея "запасного аэродрома". Решили так: я забираю заявление (06.04.71 г.), уезжаю в отпуск, затем уезжает в отпуск Нина, а через 4 месяца будет видно. Не убеждён в правильности своих решений, но

семейная жизнь с Ниной уверенно пошла "под откос".

Весну 1971 г. провёл в Талды-Кургане, отрастил интеллигентскую бородку, на 2 недели по турпутёвке съездил на Иссык-Куль (в район Чолпон-Аты). Пришлось давать телеграмму о дополнительном отпуске без содержания, так как туристический сезон начинался только с 15 июня. Отказная телеграмма (рука Магарила!) пришла, когда я был в недосягаемости связи.

Июнь 1971 г. Иссык-куль.

Июль 1971 г. Тюмень. 30 лет.

15 дней на Иссык-Куле прошли удивительно хорошо. В одном домике собрались трое ровесников: офицер из МУРа (Москва), казах-инженер из Алма-Аты и я. Очень колоритная компания, все габариты разные: москвич кг на 120, казах ростом под 190 см, волейболист, и я с бородой. По инициативе москвича взяли заранее на каждый день по бутылке водки (специально добирались до Чолпон-Аты), после ужина "принимали" по стакану без закуски и шли на танцплощадку. Всегда весёлые, но ни разу пьяные. В турлагере считали, что мы всех девок "перетрахали", на самом деле ни одного такого случая не было ни с кем. Запомнилась экскурсия в Пржевальск. Москвичу надо было отметить требование в органах МВД. Пока нашли милицейскую печать (воскресенье!) экскурсионные автобусы ушли. Мы без копейки денег (одеты в безрукавки), а до турлагеря более 200 км. Кое-как на перекладных добрались поздно вечером, а на Иссык-Куле вечером очень прохладно и водка

весьма пригодилась. Запомнился и поход в горы, красота неописуемая.

По приезду в Тюмень приступил к работе председателем приёмной комиссии факультета. Нина с Неупокоевыми улетела в отпуск на Камчатку в долину гейзеров (организовала путёвки и разрешения на въезд на Камчатку проживавшая там младшая тётя Нины). Эльвира была в Талды-Кургане, Игорь – в Бийске. Витя Кучерюк также работал в приёмной комиссии. Как-то у него было больше "солидных клиентов", в основном, из заочников, которые не один раз вывозили нас на природу. Естественно, с обилием спиртного. Должен сказать, что в это лето обострился радикулит, спиртное слегка давало облегчение. Никакие процедуры не принимал кроме массажа, который делала жена доцента химфака Пнёва (образование: учитель физкультуры – массажист) в присутствии обоих Кучерюков. Уж не знаю, какие пошли слухи, но Нина вспоминала Пнёву, сидящую на моей спине через много лет, а Пнёв перестал здороваться и втихоря что-то бурчал "о фашистах".

Обязан рассказать о неприятности, происшедшей в детстве с Эльвирой, оставившей след на всю жизнь и имеющей разные толкования. В последних числах августа торопились из Талды-Кургана к началу учебного года. Наняли частного до Алма-Аты, ехали быстро, все окна открыты и, по-видимому, Эля простыла. В самолёте Алма-Ата – Свердловск начала плакать, болят уши. В Свердловске тоже плакала. В Тюмени и на следующий день капризничала, болят уши, не хотела есть. В раздражении схватил её за щёку и

повернул к тарелке. Инцидент был исчерпан. Начали чем-то уши лечить. Через день вдруг обнаружил у Эли перекошенное лицо. Схватил её и в больницу. Всё рассказал, но педиатр не могла понять, что произошло, запомнила только, что я ущипнул Элю за щеку. Показали невропатологу, начали лечение. Две версии: воспаление лицевого нерва, связанное с болезнью ушей; травматический характер повреждения лицевого нерва. Консультация у ведущего невропатолога Тюмени профессора Беляева. Тот категорически отрицал возможность травматического характера повреждения. Прописал лечение преднизолоном, Эля распухла как колобок. После окончания гормонального курса наблюдалось явное улучшение, но далеко до нормального. Весь год я её водил на лечение, в т.ч. иглоукалывание. Нормального состояния достичь не удалось. С возрастом Эльвира научилась управлять лицом, но при эмоциональных реакциях (плач, смех) остаточные явления наглядны. События, связанные с Элиным лицом, стоят перед глазами. Обидно, что кому-то очень хочется представить отца в виде изверга.

Вернусь в институт. На факультете скрытая от студентов жизнь была ключом. Постоянным элементом давления на неугодных преподавателей является конкурсная система. Сначала человек проходит конкурсную комиссию (5 человек, в т.ч. секретарь партбюро и председатель профбюро), затем 7-9 человек учёного совета с теми же общественниками. Формально голосование тайное, но очень легко просчитывается, кто как голосовал.

Меня избрали в профбюро преподавателей (9 человек). Орган абсолютно не влияющий на жизнь факультета, но роль председателя весьма высока и её подбирают очень тщательно. Председатель профбюро защищён юридически, его нельзя "прокатить" по конкурсу, понизить в должности... У кого-то из наших друзей возникла идея протолкнуть на эту должность меня.

Началось заседание вновь избранного профбюро. Встаёт секретарь партбюро Серов и многословно предлагает кандидатуру. Кто-то предлагает мою кандидатуру. Голосование. 6 – за, 2 – против, 1 – воздержался. Полле – председатель. Вариант с моим выдвижением готовился в глубокой тайне. Серов, не ожидавший провала кандидатуры партбюро, поздравил с избранием.

Продолжение через час. На конкурсной комиссии рассматривается Коля Иванов (доцент, на второй пятилетний срок). Магарил настаивает не рекомендовать. Голосование: за – 3, против – 2. Конкурсная комиссия решила рекомендовать Иванова к переизбранию, Совет тайным голосованием подтвердил это решение. Во время заседания Совета стало известно о сердечном приступе у Иванова (позже он сам ушёл заведовать кафедрой физической химии в Тюменском университете). Магарил не поверил результатам голосования и потребовал вскрыть запечатанный конверт с бюллетенями, убедился, что кто-то из "своих" не послушался.

И вот тут-то разразилась буря: не посчитались с мнением партбюро. Серова где-то выстегали как не обеспечившего... Заговорили об отмене выборов

председателя профбюро факультета, но здесь стеной встал профком ТИИ.

За год работы председателем профбюро кое-что удалось сделать, в т.ч. нейтрализовать Магарила. С одной стороны, создался дружный тандем с деканом – Геней Неупокоевым, с другой, единственный профессор-химик М.С.Захаров всегда был оппонентом Магарилу (в интригах Захаров был значительно слабее Магарила, хотя и занимал высокую должность проректора ТИИ по учебной работе).

Проведено довольно много коллективных выездных мероприятий и зимой и весной. С ночёвками, выпивкой, шашлыками. Наладили наглядную агитацию. Как-то выпустили отличный фотомонтаж после очередного выезда на природу со стихами (много личных усилий к этому приложил). Посмотрел Магарил, увидел на одной из фотографий себя с чужим ребёнком на руках и подписью "нянька" и обратился к Серову с требованием снять, так как студенты могут неправильно понять голые ноги Нелли Вейнеровой (?!). Серов (секретарь партбюро) только что радовался хорошему репортажу и смеялся вместе со всеми, но дисциплина есть дисциплина. Кстати, эта серая личность неожиданно появилась на факультете, также исчезла и никто добром не вспомнил.

Чтобы закончить о профсоюзной деятельности, сообщу, что к следующим выборам Магарил подготовился очень тщательно. В состав профбюро меня избрали, но большинство было не то.

Кроме научной работы, связанной с диссертацией, приходилось "для поддержки штанов" заниматься и хоздоговорными работами. В памяти одна работа, имевшая шумное завершение.

В институт обратились газовики с проблемой определения микропримесей влаги в газе. Взялись. Несколько сотрудников. Проработали литературу, собрали установку. Начали эксперимент и вскоре убедились, что при выделенных ресурсах в срок работу не выполнить. Поехал к заказчикам, объяснил. Приняли решение закрыть договор и оплатить первый этап. Все документы оформлены. Приезжаю из отпуска, выясняю что деньги хоздоговора, предназначенные на зарплату, Магарилом кому-то выплачены. Начал выяснять. Магарил: "Полле плохо работал, потому ему и не положена оплата." Об этом оскорблении Магарил не один раз позже пожалел.

Подаю заявление в комиссию по трудовым спорам. Начинается беготня, просят забрать заявление. Упорствую. Комиссия принимает решение выплатить причитающиеся мне деньги (за 3 месяца по 0.5 месячного оклада, т.е. 420 руб.) за счёт Магарила. Что тут поднялось! Большинство смеются, проректор по науке Копылов: "Полле в карман товарищу залез!" Наконец, Магарил вызывает в кабинет договориться, как он будет отдавать мне деньги. Прошу сдать деньги в кассу, так как он должен не мне, а институту. На следующий день выясняю у главбуха, сдал ли Магарил деньги и передаю ему заявление о переводе всех причитающихся мне денег по хоздоговору в фонд мира. Текст заявления через

соседку-журналистку опубликован на следующий день (08.12.71 г.) выделенным шрифтом на первой странице областной молодёжной газеты "Тюменский комсомолец" и утром же прозвучал по местному радио в обзоре газет. Цитирую полный текст заметки "В фонд мира".

Каждый день в старинный особняк, где находится правление советского Фонда мира, почтальоны доставляют денежные переводы.

Вчера крупный денежный перевод был отправлен в столицу из Тюмени. Молодой учёный, доцент кафедры органической химии индустриального института Э.Г.Полле решил переслать деньги, полученные за научные изыскания, в Фонд мира. В письме такие строки:

"В то время, как американский конгресс выделил очередные полмиллиарда долларов на вооружение израильских агрессоров, я не могу оставаться в стороне от всенародного движения в защиту мира и вношу свой скромный вклад в пользу борьбы арабских и вьетнамских патриотов за национальную независимость".

Три года назад Тюменский обком ВЛКСМ наградил комсомольца, кандидата наук Эрвина Полле Почётной грамотой. Сегодня он не только учёный, имеющий более 30 печатных работ, но и общественник: возглавляет профбюро на химико-технологическом факультете.

Резонанс колоссальный! Партийный придурок Серов бегал с криками: шовинизм! (Магарил – еврей, я – немец).

Такой пощёчины Магарил не ожидал. Все, знающие его реальную силу в институте (серый

кардинал при ректоре), радостно хихикали, но я окончательно получил "смертельного" врага.

Гласность – мощное средство борьбы с "магарилами", но её время ещё не пришло (начало 70-х годов), большинство боится "рот открыть" и наблюдает за развитием конфликта из-за угла. Не все друзья правильно поняли смысл перевода денег, но для меня очевидно и сейчас, что эти деньги нельзя было брать, хотя полтора месячных оклада доцента семейному бюджету не повредили бы.

После уезда в 1972 г. Неупокоева в Москву встал вопрос о выборе декана. Ректору надоели закулисные манёвры Магарила и он решил сделать его деканом химико-технологического факультета. Группа молодых кандидатов наук решили помешать этому. Но Жихарев, которого уговаривали выставить кандидатуру (по крайней мере, не отказываться при выдвижении) испугался. В соответствии с правилами выдвигать претендента на должность могла и профсоюзная организация. Уговорили Валю Юшину – неплохая женщина, но авторитет на факультете ещё не успела заработать. Выдвинули. Вывесили, как положено, объявление. На учёном совете я её представлял. При выступлении в зале полнейшая тишина, никаких внешних эмоций. Голосование: 7 – 3 в пользу Магарила при одном испорченном бюллетене. Через некоторое время Валя вынуждена была уволиться и с проклятьями в адрес Магарила уехала в Саратов.

А между тем, Магарил всё ещё доцент, попытки представить докторскую диссертацию в Свердловске на профильной кафедре Г.Д.Харламповича вызвали резко негативную

реакцию специалистов. Харлампович написал обоснованный отрицательный отзыв и в ВАК, когда через 4-5 лет Магарил протолкнул диссертацию где-то в другом месте (в Томске его тоже отправили "подальше").

Кроме интенсивной работы, семейных и производственных дрызг описываемого периода остались в памяти и ряд положительных эмоций.

Удивительно интересные философские семинары для преподавателей факультета, которые вёл Зотов (имя-отчество, к сожалению, забыл). Этика, эстетика, история философии подавалась очень интересно. Поразило и запало в память перечисление Зотовым великих философов всех времён, начиная с Платона. В этом перечне не было ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина (напомню, идёт первая половина 70-х годов).

О бане и спортзале я уже писал, но в течение 2-х лет была ещё одна страсть: шахматы-блиц. Основной партнёр – доцент Эдик Беев, ныне завкафедрой ТИИ. Шахматный блиц – такая зараза, приходилось прятаться. Находили нас по специфическому щёлканью шахматных часов. Пришлось "наступить на себя" и полностью прекратить игру в шахматы.

Ещё вспоминаю практические занятия по современным физико-химическим методам исследования и "громкое чтение" в качестве разрядки отрывков из произведений Фазиля Искандера "Начало" и "Повесть о козлотуре". Книга издана небольшим тиражом каким-то периферийным издательством, после прочтения в моём сознании Фазиль Искандер стал лучшим

юмористом СССР. Любопытно, что когда я поделился своим мнением с абхазским поэтом Терентием Чания (муж моей троюродной сестры Гедвиги), понимания не встретил.

Как оказался в Абхазии? Выше я писал, как в 1955 г. был с папой в Копейске и познакомился с дядей Артуром и тётёй Фридой (двоюродная сестра папы). Дядя Артур – шахтёр заработал в трудармии болезнь лёгких, одно лёгкое было ампутировано, медики рекомендовали ему переселиться в Абхазию, имеющую наиболее благоприятные условия для системы дыхания. Переехали в абхазскую деревню Лыхны, 5 км в горы от Гудауты. Начали подрастать дети, старшая Гада – гид "Интуриста" в Сухуми, средняя – лаборант в обезьяньем питомнике в Сухуми, а младшая окончила среднюю школу и у родителей не было денег, чтобы устроить её в какой-либо ВУЗ Сухуми и Тбилиси. Я взялся помочь поступить ей в ТИИ. Опережая события скажу, что обещание выполнил, хотя оказалось, что при неплохом аттестате зрелости (всего 3 четвёрки, остальные пятёрки), реальных знаний школьного курса не было. Года через 2 она бросила учиться (просто не смогла), вышла замуж, родила 3-х детей...

Итак, нас с Ниной пригласили в отпуск в Абхазию. Поразительное гостеприимство. Первый день непрерывно идут деревенские гости посмотреть на племянника Артура из Сибири, кандидата наук (попросту идут выпить). Стол стоит в саду, рядом раскладушка. Начали в 9 утра, перегрузился, лёг. Часа через 3 открываю глаза – застолье продолжается. И дотемна.

1972 г. Озеро Рица. Рядом Гедвига Чаниа.

Первый отпуск в Абхазии оставил много впечатлений. Посмотрели: чайные плантации, по которым свободно бродят коровы и буйволы, поедая "нормальную" траву и одновременно удобряя; сборщиков чайного листа – бичей, нанятых местными колхозниками для обработки своей доли колхозной плантации; технологию производства чая на чайной фабрике; специфические дома абхазов с индюками на лужайке перед двухэтажным домом, семейным кладбищем во дворе за домом, с оградой, оплетённой крупноплодной вкусной ежевикой, которую абхазы не едят; действующую православную церковь 13-го века в Лыхнах, с живущими при ней монашками (по словам местных жителей, единственное в СССР 70-х годов место); мужиков-абхазов, завтракающих плодами инжира, сидя высоко на дереве; Сухумский обезьяний питомник изнутри в нерабочее время, предоперационное и послеоперационное

содержание обезьян; озеро Рица, Гагры, Пицунду (вода!!!)...

Дней 10 жили у Геды в Сухуми. Специфический южный двухэтажный дом в центре Сухуми в 100 метрах от моря. Общая, квартир на 20 веранда, заставленная хламом, и по одной комнате на семью. В комнате большая супружеская кровать (на неё нас определили, отказаться невозможно!), на ночь ещё расставляются раскладушки. И это при том, что Терентий Чания – известный, печатающийся в Москве, поэт и ответственный секретарь областной партийной газеты на абхазском языке.

Старались уходить на пляж рано утром и появляться поздно вечером. Поразительна летняя погода Сухуми, утром солнце, вечером дождь. Каждое утро под окном стоял "белый пароход", как у Александра Грина. Туристический рейс Сочи – Сухуми выполнялся ночью и каждое утро у пристани стоял новый белый пароход. Незабываемое зрелище в восходящих лучах солнца!

Через 20 лет через наших родственников в Абхазии прошла жесточайшая война и сейчас мне ничего о них не известно. В начале войны, в октябре 1992 г. по центральному телевидению России сообщали о пропаже 28-летней журналистки Изиды Чания (та самая Изика, дочь Геды и Терентия, поражавшая нас в 8-летнем возрасте своим любимым блюдом – ломтем дыни, густо намазанным аджикой).

Чёрное море так понравилось, что на следующий год решили поехать с детьми. В июне 1973 г. подвернулась льготная путёвка на 2 недели в

пансионат Гизель-Дере (6 км южнее Туапсе), а к её окончанию Нина приехала с детьми и матерью.

Гизель-Дере остался в памяти навсегда, так как испытал потрясение, из которого не мог выйти несколько лет. Влюбился. До потери сознания. Влада из Череповца, 27 лет, гуманитарий, выпускница МГУ, замужем, любимый друг (по её словам) – известный певец Лев Лещенко. Сказалось полное отсутствие опыта "бабника". Единственная знакомая женщина, которая умудрилась из моего сложного имени изобрести уменьшительно-ласкательное обращение. Она и приехала позже и уехала раньше, да и близки мы были не более 6 дней, но роман развивался стремительно, на виду пляжа. Тогда было непонятно, почему окружающие мне сочувствуют. Практически прекратил есть и пить, т.е. стал мало похож на отдыхающего. Основную часть отпускных (дополнительный повод будущих скандалов) потратил на цветы, за которыми регулярно ходил по шпалам в Туапсе.

1973 г. Гизель-Дере. Вторая справа Влада.

1973 г. Гудаута. Эльвира и Игорь.

Нина и тёща сразу по прибытии на поезде в Сочи обратили внимание как я осунулся. Менее опытная Нина решила, что внешний вид – следствие глубокого перепоя. Являясь человеком откровенным, естественно, ничего не смог ночью утаить. Продолжение отпуска превратилось в кошмар. Помимо нас пятерых появились в гостях у дяди Артура мама и папа. И тёща и папа всё меня упрекали за длинный язык. Но слово – не воробей... Эта поездка к родственникам в Абхазию была для меня последней (в глаза никому смотреть не мог), Нина же была там не один раз (позже, когда я уже был в Томске, поступил и учился в ТИИ сын Геды).

Начал вести дневник, часть процитирую, чтобы передать свои ощущения того времени (попряд цитировать не могу, слишком личностный характер носят записи). Справедливости ради следует заметить, что на кое-что взгляды автора за два десятка лет изменились. Спешащий читатель спокойно может пропустить дневниковые эмоции.

14.10.73 г. *Много лет я мечтал завести дневник и вот, наконец, потребность в этом взяла верх над ленью. Каждый человек должен иметь кого-либо, с кем можно поделиться внутренними переживаниями. Сейчас у меня нет такого человека. В такое время и думаешь как правы христианская и другие религии, позволяющие изложить в исповеди свои внутренние переживания без опасения быть осмеянным или даже быть выставленным на посмеище перед публикой, любящей смаковать чужие неприятности.*

К сожалению, я и с тобой не могу быть полностью откровенным, так как всегда существует большая вероятность, что Нина найдёт и, естественно, прочитает мои записи. Затем автоматически сработает характер Нины, а она никогда не желает сдерживать своих отрицательных эмоций, и опять пойдут шушуканья на факультете, а может и в ректорате, о семейных взаимоотношениях Полле. Как меня это угнетает, что и ректор и проректор рассуждают со мной об отношениях с женой.

Люди часто считают меня нелюдимым, но это заблуждение тех, кто меня мало знает. Ведь никто же так не считал в студенческие годы. Просто я трудно схожусь с людьми, какой-то внутренний

тормоз не позволяет мне сходитья так, как, скажем, с Аникеевым. И это даже с теми людьми, которые мне нравятся, или которых уважаю. С теми же, кто выражает ко мне неприязнь, я совсем не умею вести себя. Исключение – Магарил, но этот умён и, несмотря на всё происшедшее между нами, ценит некоторые мои качества, хотя и старается не давать им хода.

В том, что у нас практически нет семейных друзей, виноваты мы сами. Ведь сфера нашей деятельности – это сосуществование эгоистов. Формы проявления разные, а суть одна. Если меня считать эгоистом, то что можно сказать о Неупкоеве, Ушкаловой, Щипанове, Шумове, Шаброве, Жихареве, Пнёве, Баканове, Захарове, Магариле, Амелине...[ведущие сотрудники химфака ТИИ.] Практически это качество присуще всем научным работникам, желающим чего-то добиться в жизни и продвигающих в меру способностей науку. Может быть именно поэтому на факультете почти нет деятельных личностей, которые были бы очень дружны в семейной обстановке. А те компании, которые образуются, быстро распадаются (Шабровы + Подборновы; Полле + Ушкаловы, Щипановы, Жихаревы). Просто в таких компаниях неинтересно: бесконечно пережёвываются факультетские сплетни. Лично мне становится тошно от этого, тем более, что знаю, как все на факультете, более или менее расположенные к нам, благодаря Нине, бесконечно перебирают наше грязное семейное бельё.

...Мне кажется, что постоянная грубость Нины делает и меня чёрствым. Сколько себя помню

в семье родителей было несколько ссор, где самым грубым ругательством было "дурак". Но это раз в несколько лет. То же, что выношу дома я, мои родители представить себе не могут, да и большинство окружающих нас людей. Так уж принято в обществе, в большинстве семейных неурядиц виновным считают мужчину, и Нина систематически этим играет на публику.

Я долго и много рассуждал о наших взаимоотношениях с Ниной. Так вот эти размышления привели к выводу, что она и не хочет, чтобы в доме была нормальная жизнь и систематически сознательно накаляет обстановку. И всё это под предлогом, что где-то ты прыгаешь, стараешься угодить и т.д. Все попытки объяснить мотивировку поступков разбиваются как о стенку горюх. Иногда кажется, что что-то до неё доходит. Но через день начинается всё сначала. Оскорбления, оскорбления... походя, между делом, прекрасно сознавая, что они меня задевают, хотя стараюсь выглядеть хладнокровным.

Сколько помню из семейной жизни, примерно, через год после рождения Эльвирки не проходило и не проходит неделя, чтобы я не думал о самоубийстве. Сначала остановила меня Эля, затем обои дети. Я глубоко убеждён, что детям без меня будет плохо, что они будут предоставлены самим себе либо будут с женщиной, которая своих детей не хотела воспитывать и вспомнила о их существовании, когда Нина стала взрослой. Кстати, ещё одна глубокая убеждённость, что присутствие Марии Ефимовны

резко отрицательно сказывается на нашей семейной жизни. Не исключено, что сама она этого не понимает или не хочет понять. Суётся в чужую семейную жизнь с советами и рекомендациями, хотя сама со многими мужчинами не смогла ужиться и в 50 лет осталась одна. Лучшие бы в детстве приучила своих детей к чистоплотности и к способности любить кого-нибудь, кроме самой себя.

Сейчас сдерживают меня от самоубийства папа и мама. Ведь они очень больные и очень надеются на мою поддержку в старости. Вельда им больше нервов треплет, чем раньше. Ожидание, что с возрастом характер у человека улучшится, всегда не выполняется. Конечно, у мамы болезненно-нервный характер..., но иногда до слёз бывает обидно, что за 6 лет она не может приехать к нам хоть на 2-3 дня, посмотреть, как живём. Конечно, в этом виноват только лично я, так как из боязни накалить обстановку в семье, всё время не советую ей приезжать. Да, если наши дети будут также относиться к нам в тридцатилетнем возрасте, это будет ужасно.

Вообще я очень внутренне переживаю, когда слышу о самоубийствах. Витя Мазур, Рудик, Витя Левин, знакомый физик из ТИИ и др. Очень неприятно, когда люди смеются над этим или считают погибших ненормальными. Ведь чтобы решиться на такой шаг надо очень много внутренне пережить, этот шаг не является проявлением эпизодической слабости. Мне кажется, что люди готовятся к такому акту годами (не имею в виду неожиданно опозоренных

или разоблачённых). В сущности, у меня всё готово и продумано для этого. Остаётся капля (большая?, маленькая? – не знаю). Лучшее было бы, если бы она вообще не упала, но не знаю. Временами такое состояние накатывается, что хуже некуда. К сожалению, только Нина вводит меня в такое состояние. Любые неурядицы в институте лишь вызывают у меня деловую активность.

В жизни многие считают меня замкнутым, малоразговорчивым, но ведь это не так. Я очень откровенен в отношениях с людьми, но данная черта характера часто становится причиной какой-либо неприятности. Чаще всего подобное происходит на работе, когда человек, слушающий тебя и поддакивающий, затем излагает твои рассуждения совсем в другом аспекте. А дома Нина довела извращение моих высказываний до такого состояния, что я внутренне не могу быть искренним с ней до конца (хотя и стараюсь). Как повернулось всё с моей откровенностью относительно Влады. Ведь вывернула всю сущность и извратила до невозможности. А ведь Влада – это метеор, пролетевший в моём чёрном небе и уже давно сгоревший... И я хочу, чтобы меня любили тоже и не хочу ждать всё время с внутренним трепетом очередного оскорбления... Как в песне: жить без любви быть может просто, но как на свете без любви прожить?..

16.10.73 г. ...Надо, по-видимому, и о делах писать, но семейные неурядицы выбивают все мысли из головы. Отвратительное состояние! Не знаешь, чем заняться, хотя работы очень много.

Надо запускать хроматографы, а ведь оба не работают. С 22 октября начинаются занятия и пока практикум не готов. И если я вдруг слягу [сильнейший приступ радикулита], то потом будут сечь. А как продуктивно я поработал в сентябре [Нина проводила окончание отпуска на Чёрном море]. В присутствии Нины этот объём я не выполнил бы и за 2 месяца. Интересно, напечатают ли статью в "Успехах химии" или насколько сократят. Ведь это моё имя. Надо как-нибудь собраться с мыслями и составить полное представление о своей диссертации [докторской]. С одной стороны, спешить нельзя, с другой – "промедление смерти подобно" (материалы слишком быстро устаревают). Если бы хорошо всё прошло у Вали [Нагарёва, сначала – мой дипломник, затем аспирант, успешно защитила кандидатскую диссертацию].

18.10.73 г. ...Сегодня 11 лет со дня регистрации брака. В оскорбительных выражениях Нина требует внимания к себе, а я так не могу. И я против всякой выпивки завтра, в годовщину свадьбы. Уверен, что всё опять кончится скулежом, а потом скандалом. Она договорилась с Кучерюками, что идём в ресторан, а я **не хочу**, не могу, я знаю, что это плохо кончится.

Надежды, что удастся наладить семейную жизнь, летят кувырком... Нина всё попрекает, что в Гизель-Дере я слишком много улыбался. Но в целом-то я был ещё более мрачен и неразговорчив, чем в Тюмени. Если Володя Ведерников (спутник из ТИИ) там поправился, то я похудел и устал душой, именно душой. И вот сейчас перед началом

семестра я измочален до невозможности и с ужасом думаю о будущих занятиях...

19.10.73 г. 8.30. *Опять с вечера получил две порции оскорблений при соседях и детях в виде "скотины", "дерьма" и т.п. Это снова вогнало меня в чрезвычайно апатичное состояние, долго не мог уснуть, даже лежать не мог, хотелось выть на луну. А Нина храпела всюю... Да, по-видимому, имеются только 2 выхода: покончить с собой, либо всё бросить и уехать. Но как это сделать? Я прекрасно сознаю слабость характера как мужчины. Опять же, что хорошего может дать твёрдость характера при решении подобных вопросов. Кому от этого будет лучше? Тёще! Нине?! (не уверен). И всё. Мне при втором варианте будет, по-видимому, очень плохо, но найти женщину, которая будет любить, я ещё в состоянии. И можно найти женщину, которой будет достаточно моих 200 рублей. Главное, не начать пить! Алкоголь почти перестал пьянить мою голову, слишком же сильная доза... выворачивает меня, не давая облегчения душе. Пьянство – крах и работы, и семейной жизни и моральный. Нельзя допустить. А выпить иногда хочется, к сожалению...*

Говорят, что вчера был последний день правления Косухина. Интересно, что будет в институте с изменением руководства.

Получили письмо от Неупокоевых. Ему вырезали 3/4 желудка. Сейчас дома, чувствует вроде себя неплохо. На бюллетене будет 2-3 месяца.

Сегодня 11 лет со дня нашей свадьбы.

22.10.73 г. 8.45. Да, попал в переделку, которую во сне не мог предвидеть. 19 октября вечером пошли с Ниной в ресторан, в "Турист" не попали (там кормили ансамбль Моисеева), поехали в "Зарю". Выпили 200 г водки и 2 бутылки полусухого шампанского. Довольно много танцевали. А под конец начала выговаривать, что надо было ей мне летом изменить. Когда вышли на улицу Нина почти не держалась на ногах, около "Детского мира" начала шлёпать меня по лицу, я пытался удержать её, но она запустила все ногти в моё лицо, вся щека оказалась в крови. Здесь нервы не выдержали и я сильно ударил её два раза. Ужасно! Нина начала бросаться на асфальт. Я начал уговаривать перейти на лавочку, что стоят против облисполкома. С большим трудом дотащил её до лавочки [центральная площадь Тюмени!], но там началось всё сначала. Она начала прыгать на меня с громкими оскорблениями, я совсем потерял контроль над собой. Нина упала на клумбу, я бросил сетку с туфлями и ушёл. Многие детали остались в тумане, но так не сдержался первый раз в жизни. Кошмар!

Приехал домой, конечно, её ещё не было. Позвал Витю Кучерюка. Время – 23.40. Поехали на такси до центра, просмотрели всю Республику [центральная улица Тюмени], всю площадь. Сели на другое такси, приехали домой, начал звонить по вытрезвителям. В это время появилась Нина. Вид ужасен, вся в грязи, лицо в крови. Ужасно! Посадил её в ванну, помыл хорошо. А утром лицо стало раздуваться и к вечеру 20 октября имело ужасный вид. Втирал бодягу, затем начали делать свинцовые

примочки, оксикорт на лицо. Опухоль к вечеру 21 октября начала спадать, но сегодня весь верх лица ещё заплывший, а там где опухоль спадает, остаются большие синяки. Кошмар!

У меня шрамы (3 на правой щеке) и один на подбородке, вид такой, что все спрашивают, что случилось. Через полчаса начинаются занятия [относительно занятий Нины договорился на подмены без объяснения причин].

25.10.73 г. *Не писал несколько дней. Всё лечил Нину, делал обед и сидел на занятиях. Лицо у Нины приобретает нормальный вид, но образовался какой-то небольшой выступ с левой стороны переносицы, неужели перелом? Хуже ничего не придумаешь! Морально Нина входит в привычную колею и по несколько раз в день извергает потоки оскорблений в мой адрес.*

У меня шрамы на лице почти незаметны, а последние дни (22-24.10) было довольно неудобно, так как каждый знакомый пытался выяснить причины. Нину ещё никто не видел, полчаса назад запустил Таню [сестра Нины].

На работе занят налаживанием хроматографов, конечно, ни один не работает. Сегодня с утра вроде кое-чего добился. Потенциометры работают, а как будет с вводом пробы, не знаю.

Валя принесла черновик литературного обзора диссертации. Прочитал первые несколько страниц, что-то не нравится.

Вообще последнее время я очень раздражительный. Вчера чуть не послал Магарила на 3 буквы, раздражает последнее время Щипанов

[завкафедрой технологии основного органического синтеза]. *Какие-то придирки...*

В институте все находятся в ожидании перемен, на месте Копылова [проректор по науке, будущий ректор] уже сидит Матусевич. Копылова в Тюмени нет, а ректорствует всё ещё Косухин. По слухам, Магарил ездил в Москву в министерство на утверждение в должности проректора по учебной работе и был отставлен. А вообще я почти ничего не знаю, что делается в верхушке института. Заметен, однако, рой, непрерывно следующий из парткома в ректорат и обратно.

Кто-то упорно распространяет слухи, что якобы Полле уходит в университет. И Хигер заявил, что слышал об этом из разговора на самом высшем уровне. Кому это выгодно? Нутром чувствую, что это дело рук Магарила. Сейчас, когда в связи со сменой руководства решаются кадровые вопросы, квартирные и т.д., по-видимому, всплыла моя фамилия.

Если в ближайшие дни Нина не начнёт бузить, то в первый же день приёма нового ректора по личным вопросам пойду к нему на откровенный разговор.

26.10.73 г. *Опять старая история. До полуночи доказывала, какой я негодяй. Никаких сил у меня на это нет...*

А на улице погода отличная. Как сказал один прохожий, после осени сразу весна. Солнечно, температура 2-3° мороза.

27.10.73 г. *...Нина сегодня первый раз пошла на две лекции...*

29.10.73 г. Понедельник – день тяжёлый, а для меня тем более. Ещё не было воскресенья, которое бы прошло в спокойной семейной обстановке... Остаётся единственное – молчать, замыкаясь в себе. А это, в свою очередь, вызывает ещё больший взрыв недовольства (злости). Всё больше высказывается недовольство, что занимаюсь женскими делами. Лучше бы занимался мужским делом – зарабатывал деньги. Да для неё гораздо выгоднее иметь повод кричать везде, что я дома ничего не делаю. Теперь же, когда домашними делами занимаюсь больше Нины, ей это не нравится. Хотя сама по себе она больше делать не будет. Лучше пусть в доме будет кавардак, чтобы каждому вошедшему можно было объяснять: работа, обед, уборка, стирка, дети, а у мужа в голове только бумажки. И у людей, мало знающих нашу семью, она находит сочувствие. А это то, что и нужно. Начинается плач относительно того, что нечего одеть и т.д. Вообще говоря, если снять скрытой камерой документальный фильм об одном дне нашей семьи, это было бы отличное развлекательное шоу для зрителей. Милые детки, открыто начинающие обманывать родителей; мама, стерегущая каждую папину положительную эмоцию, чтобы немедленно перевести её в отрицательную; папа, бесконечно заискивающий перед мамой, что опять же вызывает её раздражение и т.д.

30.10.73 г. ...Ночь прошла кошмарная, сначала писал, потом читал, потом выключил свет и хотел лечь спать...

02.11.73 г. ...Сижу в институте, жду зарплату, а в 3 часа отчётно-перевыборное профсоюзное собрание. Жихарев сидит и ноет, что члены профбюро представили ему не отчёты, а отписки. Говорю ему, что нечего представлять, так как никто ничего не делал. По-моему, сглотил и запомнил. А чёрт с ним!

Сегодня Игоря приняли в октябрюта, так он утром встал рано и очень рад был предстоящему событию. А вообще с ним творится кое-что неладное. Откуда-то у него постоянно появляются копейки, какие-то значки и т.д. Пропал нож складной, который был у меня с 11.03.60 г.. Начинаю принимать меры, пока словесные. А вообще он довольно часто нас обманывает (пытается). Я считаю, что это "бийское" воспитание. У Эли подобные симптомы проявляются в гораздо меньшей степени.

03.11.73 г. ...Сегодня имел неприятную беседу с Щипановым. Он пытался выяснить, почему я всё поперёк ему делаю. Кое-что сказал ему: нет воздуха, а завтра экспериментальные работы у студентов начинаются; баллоны лишние в лаборатории стоят; лаборанта нет сегодня и Щипанов хочет, чтобы и дальше занятия проводились без лаборантов... В разговоре со Щипановым признался, что в настоящее время очень взвинчен. И это действительно так. Любая отрицательная эмоция заводит меня с полуоборота. Устаю сильно. Что будет через месяц, не знаю. Никогда не думал, что у меня могут так ослабнуть нервы.

12.11.73 г. Прошли праздники...

А вообще писать не хочется, так как Нина систематически тайком читает написанное. Противно! Лишнее доказательство, что приучать людей к честности можно только с раннего детства.

21.11.73 г. *С 8 была лекция в присутствии методической комиссии (Орехова и Постнова). Ничего особого не сказали (надо поменьше ходить во время лекции, желательно иметь плакаты со спектрами, расспрашивали о ходе лаборатории). Сказали, что претензий к качеству материала нет, скорость чтения лекции нормальная. Желательно больше эмоциональности.*

01.12.73 г. *29 ноября был на приёме у нового ректора Копылова. Узнал насчёт квартиры, улучшения условий для завершения докторской диссертации. Насчёт квартиры никаких обещаний. Сказал, чтобы обратился в совет факультета для утверждения плана завершения докторской диссертации, а потом, дескать, мы ещё встретимся. Вышел от него со сквернейшим настроением.*

В этот же день состоялся учёный совет факультета, на котором докладывала Орехова [см. предыдущую запись] о работе методической комиссии. И там, как рассказали Щипанов и Жихарев, заявила, что у неё сложилось мнение, что мне безразлично, доходит что-то до студентов или нет (не видно желания научить студентов)... После лекции 21.11 Орехова и Постнова поговорили со мной 5-7 минут в довольно доброжелательном тоне, потом написали заключение, которое мне не показали.

15.12.73 г. ...До 4-х часов утра стоял шум. В 6.45 зазвонил будильник. Включил свет в кухне и маленькой комнате и уснул. Вскочил, 7.45. Все спят, чайник забыл включить. А у Игорёшки сегодня праздник букваря. За 10 минут поднял его, умыл, одел и отправил в школу...

Вывесили список всех, кто должен переизбираться на должности в 1974 г., мне нужно пройти конкурс до 15.06.74 г.

Процитированная "суета" конкретных двух месяцев жизни показывает, что автор попал в эмоциональный штопор. Вновь переживая события того времени отчётливо понял, что объективно семейный разрыв назрел. Осталось решить "суший пустяк": когда и как? Прошло ещё более 4-х лет с "приливами и отливами" пока корректируемый внешними факторами вектор движения семейной жизни привёл к окончательному разводу.

Продолжим. Поход к ректору насчёт квартиры (см. 01.12.73 г.) был далеко не первый, в самом начале тюменской жизни я упоминал как Косухин обманул нас. И вот на демонстрации 7 ноября 1972 г. он подошёл ко мне и пригласил подойти сразу после праздника по поводу трёхкомнатной квартиры. Во время аудиенции я допустил тактический промах. Косухин спросил, не собираюсь ли я переходить в университет. Вместо отрицательного ответа, я начал рассуждать о зависимости этого решения от условий работы и о том, что в университете тоже предлагают большую квартиру. Косухин коротко сказал, что нельзя сидеть на двух стульях. И всё. Квартиру отдали

другому. Искренность повредила. Очередной жизненный урок.

С уездом Неупокоева в Москву понял, что рано или поздно, но из ТИИ придётся уходить. Переезд в Томск в 1977 г. был четвёртым реальным проектом ухода из ТИИ. Первый: по идее Неупокоева организация научной отраслевой "фирмы" молодыми единомышленниками. Цитирую абзац из "Хроники ТНХК".

Колесо закрутилось. Первая стадия – переезд в Подмоскowie. Заместитель министра Новиков, курировавший Воскресенский химкомбинат, гарантировал прописку и квартиру. Летом 1974 г. прибыл устраиваться в Воскресенск. Состоялась аудиенция у директора комбината Меркулова (на территории химкомбината находился филиал НИИ). Велико было удивление руководителя филиала НИИ, когда на тираду: "Работа есть, квартиры нет, прописки нет" услышал ответ, что эти вопросы решены. Заявление подписано, я уехал оформлять отъезд из Тюмени.

18.11.74 г. в возрасте 34 года неожиданно (для меня) умер Гена и отъезду в Воскресенск был дан отбой, т.к. без сильных связей в министерстве переезд семьи с двумя детьми был бы катастрофой.

Второй, более экзотичный вариант ухода из ТИИ, связан с профессором Р.О.Матевосяном. Выше упоминалось, что вскоре после защиты диссертации Ниной (Матевосян – официальный оппонент) профессор с группой ближайших учеников (братья Донских, Игорь и Олег и др.) уехал из Свердловска в Ереван, где на базе филиала Всесоюзного института химреактивов начал

создавать самостоятельный институт. Поступило приглашение занять должность начальника отдела. Повод для того, чтобы посмотреть предлагаемое место работы, нашёлся: договориться с Матевосяном об оппонировании диссертации Вали Нагарёвой и добиться согласия приезда на защиту в Свердловск (и в те времена это было не близкое расстояние, причём с одной-двумя пересадками, и далеко не каждый маститый профессор соглашался на подобные вояжи).

Визит в Ереван весной 1974 г. очень хорошо запомнился. Институт расположен на краю Еревана, прямо под Араратом. Отличные помещения и оборудование. Режим работы "интересный", то кофе пьют, то маццони. Удивительное чинопочитание, в России это не является национальной чертой характера. Свердловские ребята уже почти год живут в общежитии (очень уж грязном) и проблесков с квартирой как-то не заметно. На работе для себя поставил крест, но Матевосяну дал уклончивый ответ, не хотел срыва защиты Валиной диссертации.

Ереван произвёл великолепное впечатление. Жена Игоря Донских с подругой показали основные достопримечательности Еревана, многое известно, но личное восприятие даёт больший эффект. В рабочее время тьма мужиков (женщин меньше видно) болтаются на улицах, постоянно кто-то "прилипает" к одной из моих попутчиц. Вечером с Игорем были на стадионе "Раздан" (трибуны нависают над знаменитыми армянскими коньячными погребками) на матче сборная СССР – Арарат (0:0). Стадион переполнен, 90 тысяч

зрителей. Эмоции болельщиков сравнить не с чем, хотя приходилось бывать и на заполненных московских "Лужниках" и "Динамо" на матчах с участием хороших команд.

Поразило в Ереване обилие отличного и дешёвого сухого вина (97 коп. 0.8 л), за три дня мы его выпили много ящиков, закусывая зеленью. Кстати, армяне предпочитают пить водку.

Поразило также обилие в продаже дешёвой чеканки. Купил отличную работу "Ахтамар" (распространённый сюжет с изображением легендарной армянской женщины с факелом). Очень красиво. Но до дома не довёз. И это уже другая история. Обратный маршрут: Ереван – Москва – Свердловск – Тюмень.

По прилёту в Москву (рассчитывал два дня пробыть у Неупокоева) наобум позвонил в Череповец. Влада оказалась на месте и... Ночь поездом туда, ночь обратно, день в Череповце. И в Свердловск. Никто, кроме нас двоих о встрече не узнал. Свидание было достаточно скучным, никакой близости, подарил ей "Ахтамар". Договорились встретиться летом. Только сел в Череповце в обратный поезд что-то в душе произошло ("громкий писк" ностальгии?). Из меня пошли стихи-послания. Раньше, бывало, мог себя заставить написать стишок, но стремления не было. А здесь на одном дыхании лист формата А-4 с двух сторон. Ежедневно, до приезда в Тюмень, в конверт и в Череповец. К сожалению, не оставил себе ни копии, ни набросков. Интересно было бы сейчас посмотреть, что эти "перлы" представляли. Чтобы закончить "тему Влады" скажу, что больше писем

не писал, через месяц получил телеграмму, что уезжает в отпуск с мужем. Всё!

Запомнил весну 1974 г. и поездкой в Талды-Курган на 60-летие папы. Много думал над подарком (лимитированы деньги), наконец, через соседа-художника заказали копию фрагмента картины Кранаха (15-й век, букет цветов). Очень приятно видеть сейчас эту картину в Папенбурге.

Пересадку делал в Свердловске, ночевал у Олега Донских (ранее был официальным оппонентом на защите его диссертации), приличная семья. Хороший стол, дорогая выпивка. Вдруг выясняется, что Олег – "голубой"... Я всегда настолько далёк от подобных компаний, что не умел и не умею отличать гомосексуалистов, отвращение не мог скрыть. Чёрт-те что, брат его Игорь имеет жену и ребёнка. По-видимому, современная молодёжь (мне тогда было 33 года) более информирована в подобных вопросах и может смеяться надо мной, но считаю, что христианская религия очень правильно налагает запрет на сексуальные контакты между лицами одного пола.

10.06.74 г. защитила диссертацию Валя Нагарёва. На защите хорошо выступал Матевосян, но вследствие повышенной импульсивности, он имел и достаточно много врагов. Два "чёрных шара" были явно в пику Матевосяну, так как ни одного замечания по существу диссертации не прозвучало ни устно, ни письменно. Вечером в ресторане Свердловск состоялся скромный ужин, Матевосяна не было.

В заключение темы Матевосяна несколько характерных штрихов. Колоритнейшая фигура,

очень тёмный, эмоциональный, увлекающийся армянин, которого очень любили студенты. Произвёл фурор в Свердловске, когда отбил у ведущего певца оперетты жену, русскую, яркую блондинку, кандидата химических наук. Оставил свою прежнюю армянскую семью с 3-мя взрослыми дочерьми. Одно время много пил, после сердечного приступа "завязал" намертво. Начал заниматься охотой, мы в Томске с помощью Валиного мужа достали щенка породистой лайки.

Кстати, щенок недели 2 жил у нас в доме и когда Матевосян за ним приехал, дети плакали, не хотели отдавать. Подарок не принял, выложил деньги: "Борзыми щенками не беру!" История этой лайки продолжилась, когда Матевосян уехал в Ереван, кому-то отдал (продал?), а потом вдруг потребовался новый паспорт (якобы Матевосян потерял). Эта лаечка, хвост колечком, до сих пор перед моими глазами, но по складу характера я не могу быть охотником: "птичку жалко!".

Запомнил рассказ Матевосяна, как он швырял в лицо директору института в присутствии секретаря парткома партбилет, но оба оказались порядочными людьми. И заключение: "Ребята! Надо вступать в партию, меньше будет процент подлецов!"

В августе 1974 г. в журнале Академии наук СССР "Успехи химии" опубликована без соавторов обзорная двадцатистраничная статья "Определение устойчивости слабых органических комплексов методами УФ-спектроскопии", которая мгновенно принесла автору широкую известность. Только из-за границы (Япония, Бельгия, Италия, США, Польша, Чехословакия...) поступило не менее полусотни

запросов на оттиск. Через некоторое время мне запретили отправлять оттиски за границу под предлогом авторских прав СССР. Действительно, журнал "Успехи химии" продавался за рубежом в английском переводе и я, как автор, получил 96 рублей с копейками в чеках Внешторгбанка (мелочь, конечно, но Нина в "Берёзке" что-то приобрела). Сдерживание личных контактов с заграничными учёными – большая дурь, тем более, что я очень активно использовал переписку для получения оттисков интересующих меня зарубежных (и не только) авторов. Имел отдельные папки с работами крупнейших учёных в области молекулярных комплексов. Переписывался с авторами и самостоятельно перевёл книги R.Foster "Комплексы с переносом заряда", J.Rose "Молекулярные комплексы", последний перевод можно было печатать, но не дошли руки.

18.11.74 г. пришла телеграмма о смерти Гены Неупокоева. Для меня потрясение, тем более, что внешне Гена шёл на поправку и через несколько дней собирался вылететь в полностью оформленную командировку в Японию. Летел на похороны ночь туда, следующую ночь обратно. Родственники были очень рады моему приезду. По дороге купил много красных гвоздик. Похороны на даче (Ярославское направление электрички). Гена умер, а на даче живут его родители "на птичьих правах" (без прописки), причём в очень натянутых отношениях с Надей Неупокоевой. По приезду в Тюмень начал собирать деньги на памятник, но удалось собрать только 100 рублей, включая мои 20. Давно заметил чёрствость большинства наших

людей по отношению к ушедшим в мир иной. На словах сочувствие, но только речь заходит о реальной помощи... Вспомним поэта: "Это нужно не мёртвым, это нужно живым!"

Работать в ТИИ становилось всё труднее. Постоянная мрачность может в дурдом загнать. Занялся составлением фраз и мелких юморесок (навела 16-я страница "Литературной газеты", чрезвычайно популярной в описываемый период). Многие фразы навеяны конкретными личностями факультета и я сознательно укладывал их под стекло на своём письменном столе на кафедре, "обкатывая" на любопытных. Периодически фразы кто-то изымал, писал новые. Короче говоря, "искал на жопу приключений". Кое-что (очень немного) сохранилось. Вот несколько примеров.

"Спрашивать отсутствующего – демонстрация деловитости."

"Рождённый ползать – не в состоянии передвигаться даже на коленях."

"Словесная паутина."

"Докладная – приятная возможность сделать неприятность законным путём."

"Замочная скважина – окно в мир прекрасного."

"В 45 – и мужчина ягодка опять."

"Устойчивый запах сероводорода – один из внешних признаков полной импотенции."

"Критика полезна всем, кроме критикуемого. Чем выше он залетел, тем более тупым серпом владеет."

"Психологически пластуны и трясуны – однойцовые близнецы."

"Шарканье ногами – сексуальная патология, а не признак старости". Данная фраза стала заголовком нереализованной идеи юморески на тему Магарила, расписано оглавление...

"Ощувив вкус плода Ева вдруг почувствовала, что только красивое одеяние может позволить ей продолжать есть яблоки."

Лучшими из своих фраз считаю:

"Комедия "Ревизор" – бессмертная трагедия России."

"Категоричность в суждениях – признак ограниченности." Это выражение взято в качестве девиза "Хроники ТНХК".

Наконец, 4 января 1975 г. направил в "Литературную газету" законченный "перл" под названием ***"Рекомендации кандидату-оптимисту."*** Естественно, отправил под псевдонимом, не напечатали, прислав вежливый отказ редактора раздела Веселовского. Просмотрел юмореску через два десятка лет и вижу, что она отражает брожение мыслей автора в то время: продолжать заниматься докторской или бросить всё к чёртовой матери. Цитирую.

Если ты мечтаешь стать доктором учти следующее.

1. *Научись почитать старших по должности, независимо соответствует ли этой должности содержание черепной коробки.*

2. *Помни, что свободно критиковать принято только иностранных корифеев. Прилично подымает в глазах несколько брошенных на конференции критических, малозначащих фраз по*

адресу одного из Нобелевских лауреатов. Главное здесь – не увлекаться.

3. Старайся печататься только в центральных журналах. Желательна публикация одной-двух статей за границей, неважно в какой стране и в каком журнале.

4. Для поддержания бодрости тела и духа в подготовительный период:

а) раз в неделю выбивай всё лишнее берёзовым веником;

б) раз в две недели принимай напитки, не рекомендуемые медициной;

в) не забывай о лыжах и спортзале;

г) не впутывайся в споры с женщинами;

д) телевизором не увлекайся, но просмотр детективов и хоккея неплохо проветривает голову;

е) хорошую разрядку даёт недельная командировка в магазины Москвы (не чаще одного раза в полгода);

ж) не вступай в бесконечные разговоры об ожесточении требований ВАКа.

5. Не жалея денег, столичные мелкие приближённые крупных "черепов" любят походы в ресторан, естественно, за твой счёт. В будущем могут оказаться полезными.

6. Помни, что оппоненты скромны только в личном разговоре и обожают ссылки в диссертации на свои заслуги.

7. Помни, что все результаты, способные вызвать критику, следует помещать в огромные таблицы с продолжением. Обычно у оппонентов нет достаточно времени и желания анализировать такие таблицы.

8. *Иллюстраций на защите должно быть много, при этом совсем не обязательно все развешивать. Куча листов на столе производит благоприятное впечатление на членов Совета.*

9. *Помни, что графики по 3-5 точкам радуют глаз членов Совета, позволяя им бесконечно задавать вопросы относительно надёжности эксперимента.*

10. *Всегда имей в запасе, преждевременно не высказывая, ответ на вопрос о практическом применении твоей работы.*

11. *Не употребляй выражение "не знаю", значительно лучше звучит "не помню" и "затрудняюсь сейчас ответить на поставленный вопрос".*

12. *Не пытайся шутить на защите, не всем это нравится.*

13. *Приложи максимум оставшихся сил, но приведи ведущих членов Совета на банкет.*

14. *На банкете не теряй времени даром, пытайся выяснить кандидатуры возможных рецензентов и методы подхода к ним.*

Счастливого пути, кандидат!

Далее подробно остановлюсь на очередной попытке перейти в Тюменский университет (важно для понимания, почему всё-таки автор бросил ВУЗ и научную карьеру). Цитирую дневник.

30.03.75 г. ...Началась новая попытка перехода в университет. Приглашают на заведование кафедрой неорганической химии. Предварительные переговоры с деканом и Ивановым [завкафедрой физической химии университета, выше описывалось с каким трудом проходил его конкурс

на должность доцента ТИИ] состоялись в первых числах января. Я поставил 2 условия: передача курса аналитической химии на кафедру и более крупная квартира. Декан обсудил ситуацию с ректором Александровым и 12 января 1975 г. появилось объявление в "Тюменской правде" о конкурсе в течение двух месяцев. Подал заявление ректору ТИИ о выдаче характеристики, а сам напросился на приём к Александрову. 14 января разговаривал с Александровым в присутствии декана Соловьёва минут 45. Александров пел мне дифирамбы и заявил, что передача аналитики – дело более простое, чем квартирный вопрос. Впечатление от разговора – неприятное.

В ТИИ события развивались так. Ректор, получив заявление, созвал Захарова, Чемакина [секретарь парткома] и ещё кого-то и начали решать, как задержать меня в институте. Партийной дисциплиной – беспартийный, квартирой – жена остаётся, работой – на повышение идёт и т.д.

15 января вызывают. Захожу в приёмную, направляют сначала к Захарову. Захаров спрашивает, связан ли переход с квартирой. Если из-за квартиры, то, дескать, получишь, но теперь я решил бить в одну точку, только работа. Выхожу в приёмную и жду, пока освободится Копылов. Подсаживается секретарь парткома Чемакин и начинает петь мне дифирамбы. Разговаривали минут 40. Затем зашёл к Копылову и ~ 30 минут разговаривал с ними двумя: Копыловым и Чемакиным.

Первый вопрос: связан ли уход с Магарилом? Я продолжаю линию: университет – моя "хрустальная мечта". Вопрос: это же Вам не по специальности? Пришлось объяснять про СФХМИ и передачу аналитики. Чемакин: "А почему у нас в ТИИ Вы не возьмёте кафедру общей и аналитической химии?" Объяснил разницу между кафедрами общей химии ТИИ и неорганической химии университета. Копылов: "Связан ли переход с квартирой и обещали ли мне её в университете?" Да, обещали, но главное – работа! Чемакин: "Но там ведь опять придётся ждать квартиру года 2?" Отвечаю: "Здесь ждал 7 лет, ещё 2 подожду. В университете хоть вижу перспективу для своего роста. Здесь же в ТИИ даже если удастся защититься, мне не найдётся кафедры, так как я не инженер." Копылов: "Разговаривали ли Вы с Александровым?" Пришлось мне "потемнить" и сказать, что разговор был предварительный и, что Александров хотел переговорить с Копыловым после подачи документов.

Всего сейчас уже не вспомнишь, но помню как и Чемакин и Копылов в голос вспоминали, как они не дали меня в обиду в прошлый конфликт, когда Магарил требовал у руководства раздавить меня.

В заключение ректор сказал, что если они меня отпустят, то только с очень хорошей характеристикой и что они заинтересованы, чтобы мы остались хорошего мнения друг о друге. Окончательно вопрос о выдаче характеристики будет решён после разговора Копылова с Александровым.

Разговор ректоров состоялся и окончился благополучно для меня.

Начал оформлять характеристику. Подписал у Щипанова, затем отнёс к Магарилу [декан], неделю она у него лежала. Затем на треугольнике (Магарил, Обухова, Амелин) её обсудили и, не показывая мне, перепечатали и отдали в отдел кадров. Я зашёл к Лиде (ОК) узнать, что с характеристикой, она звонила несколько раз к Щипанову, так как там не было его подписи. Оказалось, что в характеристике полностью отсутствует абзац о научной работе, а вместо него написано: "Э.Г.Полле занимается научной работой, но мало уделяет внимания методической работе". Я возмущился, поговорил с Щипановым и тот отказался подписывать такую характеристику. Лида пошла к Чемакину с обоими экземплярами характеристик и тот сказал, что надо подписывать первоначальный вариант и пусть Щипанов сходит к Копылову. Щипанов как будто два раза пытался сходить к ректору, но затем его Магарил уже уговорил подписать второй вариант. Я настоял, чтобы Щипанов просто приложил записку Копылову и оставил этот вопрос на его рассмотрение. Он это сделал, Лида сходила к Копылову и тот дал указание подписать первоначальный вариант. Так была подписана положительная характеристика...

31.03.75 г. *Продолжаю. Передал документы в отдел кадров университета и жду. В это время Магарил вдруг поднял вопрос о передаче курса СФХМИ на кафедру общей химии. Часть приборов получила Комиссарова, пришлось даже поругаться*

с ней, так как она не хотела утром вставать, а я в 12 дня уходил домой кормить детей обедом.

12 марта истёк срок подачи документов и я стал ждать Совета. 15 марта Иванов пригласил меня в университет, чтобы решить вопрос об аналитике. Были Соловьёв, Колесников [и.о. завкафедрой, на которую я подал документы], Иванов и я. Решили аналитику передать, а в понедельник 17.03 пригласить аналитиков Окунева и Сироткину и попытаться их уговорить. Пришёл в деканат, сидят Иванов, Колесников и Окунев. Декана нет. Он появился минут через 45, исчез Колесников. Появилась Сироткина. Декан заявил, что он разговаривал с ректором и тот подтвердил, что не возражает против передачи аналитиков. Так как Колесникова нет, декан предложил рассмотреть вопрос на расширенном заседании кафедры неорганической химии с приглашением аналитиков, меня, Иванова и декана.

Позднее оказалось, что вдруг Колесников категорически отказался от передачи на кафедру аналитики (Окунев же ещё в начале января рвался с курсом на неорганику). В этот же день 17.03 Окунев и Сироткина побежали к ректору и Дерябину (проректор по учебной работе, старый ректор). Ректор сказал, что он ничего не обещал относительно аналитики. Дерябин возмутился, что был не в курсе. Не может быть и речи о передаче аналитики, т.к. студенты уже распределены и т.д. и т.п. На следующий день, во вторник 18.03 Дерябин сказал Иванову, что он меня помнит, против кандидатуры не возражает, вопрос о передаче аналитики можно будет потом без шума

поднять и вообще надо было прийти к нему посоветоваться.

В этот же день декан собрал кафедру неорганической химии (присутствовали 4 человека: Колесников, Шпонько, Ханжина и Слета). Первые трое высказались против моей кандидатуры.

20 марта состоялся Совет факультета специально собранный по моему вопросу. Резким противником выступил секретарь партбюро факультета Зарубин. Он оперировал фактами, которые могли поступить только от Магарила. Сработала цепочка: Магарил – Комиссарова – Окунев – Зарубин (последние двое всегда вместе пьют). Зарубин даже говорил о моей факультетской характеристике и ещё бог знает что. Совет проголосовал: +8, -3, =1 (против Зарубин, Колесников, и человек с кафедры Зарубина).

21 марта вызвал Александров, спросил о моём настроении, смогу ли я после всего, что говорят, работать. Я высказал мысль, что всё инспирировано и кем-то руководится извне, и если будет положительно решён вопрос о моём избрании, разговоры сразу утихнут. Ведь люди совсем меня не знают, а Зарубина я вообще в глаза никогда не видел. Ректор заявил, что передаёт моё дело в конкурсную комиссию (было 11.30, а конкурсная начиналась в 14.00). После приёма у ректора я поговорил с Ивановым и тот пошёл к Дерябину. Дерябин заявил, что если ректор передаст документы, то меня проведут.

На заседание были приглашены декан и Зарубин. Зарубин опять начал лить грязь, Дерябин

его выругал и решил отправить члена парткома (Яклевский) к секретарю парткома ТИИ, а решение по моему вопросу отложить до 13.30 субботы. В субботу конкурсная комиссия собралась, но Яклевский не явился. Отложили до понедельника 24.03 – день Совета, рассматривали за час до Совета. И здесь Яклевский, ссылаясь на Чемакина, дал резко отрицательную характеристику, по всем пунктам противоположную той, что была ранее подписана. Насколько я понял, все были в недоумении и решили моё дело на Совет не выносить. Кстати, из 5 намечавшихся к избранию, было вынесено только 2 дела завкафедрой. Не исключено, что сыграл свою роль и конфликт новый ректор – старый ректор, но Чемакин! – каков подлец?!

Во вторник, 25.03, зашёл к председателю месткома Овчинникову, рассказал. Он обещал выяснить и поговорить с Чемакиным.

27.03 снова зашёл в местком. Овчинников понёс галиматью, что я не договорился как следует, и что я не партийный и ещё что-то. Чемакин, дескать, сказал, что он ни с кем не разговаривал и возможно Яклевский беседовал с кем-то из других членов парткома.

В 14.30 27.03 пришёл на приём к Копылову. Копылов считал меня уже "отрезанным ломтем". Удивился и не поверил мне. Анатолий Михайлович [Чемакин] не мог дать такую характеристику. Я настаивал. Копылов: "По-видимому, Чемакин дал объективную характеристику о прошлых событиях". Я настаивал. Копылов звонит Александрову [ректор университета] и тот

подтверждает мои слова. Копылов говорит в трубку, что, по-видимому, Чемакин был в плохом настроении. Разговаривали долго. Копылов подтвердил положительную характеристику и сказал, кто мол в молодости не совершает ошибки. Стало ясно, что до университета донесли всю грязь, которую месили 3-4 года назад. Копылов сказал, что не будет возражать, если конкурсная комиссия университета изменит своё мнение. Это было в трубку. Далее он обратился ко мне: "Работайте, но как я понял, вопрос окончательно ещё не решён". Мой вопрос: "А как с жильём?" Ответ: "заберите заявление из месткома и верните мне". Оказывается, он уже передал заявление в местком.

В этот же день мне стало известно, что ещё 26.03 Александров по секрету передал декану Соловьёву, что он всё-таки хочет меня провести.

На сегодняшний день это всё, что мне известно. Настроение поднялось! Сильно задело за душу не отклонение дела конкурсной комиссией, а мерзость Чемакина, который явно выступал с голоса Магарила. Да и сама кампания была тщательно продумана, подготовлена и началась вовремя. Нужно было во что бы то ни стало сорвать выборы сейчас, а дальше видно будет. Копылов же в моих глазах явно поднялся.

Нина с 17 февраля на ФПК в Ленинграде в технологическом институте. С 7.03 по 15.03 была в Тюмени. Перед уездом разругались. Слишком много якает. Мне в отместку по прилёту в Ленинград дала телеграмму в Бийск, чтобы выезжала тёща. А ведь я её просил по человечески. С детьми всё было

хорошо отрегулировано и отлажено. Тёща приехала 23 марта.

У детей сегодня последний день каникул. Игорь в первый же день каникул закашлял, а потом началась пневмония и ангина. Хотели положить его в больницу, я отказался и сам начал делать ему уколы (3 раза в день по 500 000 ед. пенициллина). Вчера вечером сделал последний. Вроде температуры нет, но вечером было 37.3°, утром сегодня 36.2°.

01.04.75 г. *Заходила вчера Ирина Максимова [Доцент, ранее работала у Магарила, активный участник антимагарильской коалиции; вынужденно, в связи со слабым здоровьем, ушла в университет; родилась значительно позже автора, но в живых уже давно нет.] и рассказала, что там говорят в университете обо мне (на кафедре Зарубина – ботаники). Ужас! И склочник и бог знает что ещё. Т.е. Магарил провёл крупную работу. Мне же, прямо скажем, оправдываться не хочется. Ни к чему, да и воспринималось бы это как самореклама. Неделию назад порывался пойти в обком, а теперь, после встречи с Копыловым, не вижу в этом необходимости. Ещё приклеют ярлык "правдоискатель". Да, надо защищаться!*

На этом в дневнике заканчиваются записи о попытке уйти в университет. Дальше и писать не было смысла. Три месяца переживаний, доказательств, что "не верблюд", и всё осталось на своём месте. Полностью развеялись иллюзии о возможности стать заведующим кафедрой открытым конкурсом без подковёрной борьбы. Но опыт есть.

В сентябре 1975 г. приехал на 4 месяца в Ленинград на факультет повышения квалификации в технологическом институте им. Ленсовета. Пытался попасть на ФПК в МГУ, затем в Ленинградский университет, но получил отказы. Поездка связана с передачей курса СФХМИ на кафедру общей химии (выше упоминалось, как Магарил, пытаясь посильнее уязвить меня, перевёл уже на 3-ю кафедру подготовленный и поставленный мной курс). В последний раз я за курсом СФХМИ не "пошёл" и начал читать лекции, вести практические и лабораторные занятия по органической химии.

Был у меня в этот период и курс "Введение в специальность. Основы методики научных исследований." для второкурсников, который читал с большим удовольствием. Начиная первую лекцию следующей фразой: "Были ли Вы на старом кладбище (в районе улицы Мельникайте, недалеко от института и общежитий)? Рекомендую сходить. Там есть памятник: здесь в 1893 г. похоронен такой-то, такой-то – **инженер**. Желаю Вам в будущем такую надпись на памятнике. Слишком многие сейчас называют себя инженерами, сам термин девальвирован (инженер по труду, инженер по информации, инженер по соцсоревнованию...), но мало **Инженеров**.

Вернусь в Ленинград. В институте появлялся далеко не каждый день, да это никого и не интересовало. До ноябрьских праздников написал 2 статьи в журнал общей химии, 1 статью в журнал физической химии, тезисы доклада на Совещание по комплексам с переносом заряда в Ригу. Много

записей в дневнике. Всё мучают размышления о целесообразности завершения докторской диссертации. Кое-что процитирую.

19.11.75 г. ...Обычно до обеда сижу пишу, а затем выезжаю в город. Довольно часто перепад настроения, то появляется желание форсировать докторскую, то полная апатия. Иногда хочется всё бросить к чёртовой матери, но как-то уж всё засосало. И я боюсь, что если уйду от студенческой среды, то как человек совсем закисну. Всё-таки очень трудно навожу контакты и не умею удерживать те контакты, которые есть. Не знаю, является ли это признаком большого самомнения (но ведь в душе этого нет, скорей даже не хватает) или отталкивает окружающих слишком мрачный вид в трезвом состоянии. Но не могу же я ради хорошего вида начать систематически пить. При моём хилом организме быстро бы опустился на уровень Шеломова [спившийся и погибший от пьянки талантливый доцент ТИИ] или ещё ниже.

Но ведь появляется же энергия, когда возникают препятствия, казалось бы непреодолимые. Так было и с кандидатской диссертацией, так и при конфликте с Магарилом. Во всех этих случаях я имел поддержку хоть нескольких человек. С докторской же я не имею поддержки даже от жены. Только Коля Иванов всё время подгоняет, но в данном случае это не та поддержка, которая придаёт уверенности в своих силах. Все остальные, кто с нами контактирует, в лучшем случае праздно наблюдают, а то и по мелочам палки в колёса ставят. А уж если защищусь, не дай бог, сразу появятся "друзья". И

все будут "соучастниками в борьбе с Магарилом" и всякого рода помощниками...

Из Ленинграда поехал в Москву отметить годовщину смерти Гены Неупкоева. На поминках присутствовали профессор из Свердловска Георгий Дмитриевич Харлампович, генеральный директор Томского химкомбината Виктор Стефанович Гетманцев и 2 человека из минхимпрома. Вот и все посторонние! А сколько людей при жизни вокруг него крутилось.

Харлампович недобрым словом помянул Магарила, назвал его больным человеком и обещал преподнести ему очередной "подарок" в виде отрицательного отзыва к защите докторской диссертации. Гетманцев пригласил на работу на химкомбинат.

Получил в Ленинграде несколько писем из Тюмени с одним и тем же вопросом. Объявлен конкурс на заведование кафедрой органической химии ТИИ (место моей работы). Уговаривают подать на конкурс. Написал Славе Агаеву (доцент), что это авантюра, хватит мне конкурса в университете. Документы будут поданы на конкурс только в случае поддержки большинством ведущих преподавателей кафедры и ректором. Если поддержки не будет, то всякие переговоры бессмысленны, пустая трата нервной энергии.

После праздников захватил из Тюмени радиоприёмник ВЭФ-201. По вечерам слушал разные "голоса" с большим любопытством (в Тюмени всё напрочь глушили). Много мыслей появлялось, но поговорить не с кем. Слушал прямую трансляцию из Осло по "Голосу Америки"

нобелевской лекции А.Д.Сахарова (читала Е.Боннэр).

От скуки посмотрел множество художественных фильмов, почти каждый день, насмотрелся на 10 лет вперёд. В знаменитом Большом драматическом театре посмотрел два спектакля с Сергеем Юрским в главной роли (Мольер, Цена). Посетил и театры им. Пушкина, им.Ленинского комсомола... Был и на эстрадных программах, в т.ч. посетил концерт английского ансамбля "Douling Family" – виртуозное исполнение. Присутствовал на эффектном представлении зонг-оперы Журбина "Орфей и Эвридика". В сентябре и октябре по воскресеньям ездил по пригородам (Петергоф, Пушкин, Павловск). Много часов провёл в Эрмитаже.

В Ленинграде открылась выставка "Техника и жилище США". Мы с Колей Федотовым (коллега по ФПК из Кемерово) попали в первый же день. Правда, простояли 3 часа в очереди и промёрзли до костей (декабрь!). А ведь в городе не было ни одного объявления, мы слышали рекламу по "Голосу Америки". Выставка впечатлила, хотя с высоты 1996 г. ничего особенного. Удивил средний размер квартир в США – 94 кв.м.

Сильное впечатление в Ленинграде оставила сауна на Васильевском острове. Практически не пропускал ни одной пятницы (день рабочий и очереди с утра нет), иногда проводили в ней по целой смене (8-10 часов, сил нет на перекладных добираться вечером до общежития на Стрельне), пиво, сухое вино, что-то поесть в портфеле. Незабываемо!

В Ленинграде многое что удивляло, в том числе проявления шовинизма. Кругом на стенах антисемитские лозунги. Можно по-разному относиться к евреям, но такие проявления великорусского шовинизма очень быстро перекидываются на другие национальности, а то и просто на "черножопых", "узкоглазых", "лиц кавказской национальности"... Подобный подход для меня неприемлем даже в разговоре. Я никогда не поддерживаю разговоров о повышенной "умности", исключительности евреев, немцев или кого-то ещё. В наше время национальный вопрос всё больше обостряется, отсюда оголтелый сепаратизм. В конечном итоге, национальный вопрос способен очень быстро угробить мировую цивилизацию. Ещё пример. Цитирую дневник.

30.12.75 г. ...Зашли с другом в пивбар напротив кинотеатра "Ленинград". Бар неплохо выглядит, но что мы там услышали! Магнитофон (стационарный!) играет подряд одну и ту же песню "Евреи, кругом одни евреи". Не хотелось ушам своим верить. Но в этой песне есть и констатация: "Среди учёных и врачей каждый пятый не еврей"; "Если бы не было жидов, все остались бы без зубов".

Запомнилась Новогодняя ночь в вечернем ресторане "Застолье" (середина Невского проспекта). Было 9 человек (5 ребят, 4 женщины, никто ни с кем, а просто одной кучей) иногородних "ФПКашников". В качестве оркестра работал один человек на каких-то хитрых приспособлениях и сам же пел. И игра отличная, и пение и репертуар. Не один раз повторял: "Мой друг Александр Зацепин

подарил мне эту песню." С утра продолжили празднование в общежитии. Оба дня был "в ударе" – "фонтан не закрывался". Много пил, но не перебрал, хотя все ребята "вышли полностью из строя". Считаю целесообразным процитировать рассуждения из дневника "по свежим следам" на эту тему.

02.01.76 г... Вернусь к "фонтану". Долго размышлял о причинах подобных вещей и пришёл к следующему выводу: по-видимому, от рождения я получил функцию лидера (психологический термин). И похоже, эта функция с крупным изъяном. Как только коллектив (количественно не важно 1, 2, 4, 6 или 10 человек или больше) уходит из-под влияния такого лидера, он скисает и превращается в обычную "серость", не способную произнести что-нибудь вразумительное. Очевидно, не хватает запаса прочности воли (недостаточная уверенность в себе), чтобы бороться за сохранение роли лидера. И наступает период апатии. И в семейной жизни и на работе. Это же было и в школе и в институте. На пятом курсе уже никто и не помнил, что я когда-то активно участвовал в факультетской жизни. В то же время на вечере, посвящённом десятилетию окончания университета, после приёма алкоголя все сокурсники приняли моё лидерство.

По-видимому, в период опьянения ощущение внимания окружающих является своеобразным допингом для проявления лидерской функции (правда, в присутствии Нины такое стало происходить редко). Плох не сам факт лидерства, а его гипертрофированная форма. На следующий

день бывает стыдно и, к тому же, нередко после такого лидерства появляются недоброжелатели.

По-видимому, функция лидерства лучше всего выполняется у меня со студентами... Правда, при работе со студентами, функция лидера вручается каждому преподавателю в отделе кадров при приёме на работу.

Самый негативный момент ленинградского времяпровождения – обращение к профессору О.Ф.Гинзбургу (куратор группы ФПК) по поводу докторской диссертации. Не пытаясь выслушать суть темы или уровень выполнения, Гинзбург начал рассуждать на тему, почему все приезжающие с периферии стремятся защищать докторские диссертации. Обращался ещё кое к кому, но снобизм профессоров известной национальности (других в "техноложке" не держали) удручающий. Окончательно понял, что на докторской диссертации надо "ставить крест".

В мае-июне 1976 г. лечил радикулит в Цхалтубо (10 км от Кутаиси). Много впечатлений. Лечебные бассейны Сталина, Берия. Взятки лечащего врача за направление на те или иные процедуры, в ту или иную водолечебницу (существуют бассейны, где одновременно до сотни человек принимают процедуры, а есть индивидуальные). Богатейшее грузинское кладбище с очень скромной частью для похорон русских. Отличное дешёвое вино. В Кутаиси дважды ловил карманников, залезавших мне в карман.

В июле был со студентами на практике в Ангарске. Гигантский нефтехимический комбинат, ещё работают несколько промышленных установок,

вывезенных после войны из Германии. В городе отчётливо чувствуется присутствие "химии", иной раз дышать нечем. Электричка регулярно ходит в Иркутск. Старинный сибирский город, напоминающий Томск. Главное впечатление месяца – Байкал!

В субботу повёз на Байкал 35 студентов (двое ребят) в район Слюдянки. Прелесть неопишуемая. Перед поездкой купил набор юному рыболову. В качестве наживки использовал кузнечиков (оказывается, дождевых червей рыбаки возят из Иркутска). И что бы Вы думали? В течение 20-ти минут поймал трёх омулей, да попались такие приличные, что первый крючок разогнул. К счастью, леска была совершенно новая и выдержала. Получилось целое ведро отличной ухи. Кстати, недалеко рыбачил какой-то "абориген" со спиннингом и за 2 дня поймал всего 4 штуки. Я был очень доволен, но больше ничего не поймал. Вся наша группа выглядела сверхэкзотично. Не было ни одного рюкзака, всю поклажу, провизию несли в сетках, сумках. Но впечатление – великолепно!

Ещё раз на Байкале были в районе рождения Ангары (Листвянка). Добрались на автобусе (5 человек), провели полдня, попытались попасть в знаменитый лимнологический музей Байкала. К сожалению, в музей не пускают неорганизованных туристов. Назад добирались до Иркутска по Ангаре на "Ракете", дальше электричкой. Да, Байкал – это одно из чудес света.

11 августа выехали с Ниной в Болгарию на 2 недели через Москву с её вонючей гостиницей "Восток". Из Софии шестидневный автобусный

переезд по Болгарии до курорта "Солнечный берег". Мы за границей первый раз и многое было удивительно. По дороге по моему настоянию (в программе не было) остановились в Габрово и посетили музей юмора – самое сильное впечатление поездки в Болгарию. Я впервые видел музей (4 этажа), специально построенный по профилю тематики экспозиций. Огромное количество оригинальных юмористических рисунков, фотографий, скульптур и других, вызывающих смех предметов, из многих стран мира. Есть Эйфель, Бидструп, много неизвестных мне советских авторов...

На "Солнечном берегу" нас разместили в недостроенном здании. Вокруг пустырь. Море рядом, но подход только по щиколотку в песке. Никаких подводов (тротуаров) к морю нет. В довершении всего половину времени погода была скверная и мужики часами играли в преферанс на "пойло". Женщины бродили по магазинам.

Появились в Тюмени 3 сентября и я сразу же уехал со студентами на сельхозработы в Казанский район, к тому же назначен ответственным по району. Много времени провёл в переездах на перекладных из деревни в деревню, никаких автобусов внутри района не ходило. В основном это были грузовики, перевозящие зерно. Большинство водителей пьяные. Не забуду водителя гружённого зерном автопоезда (с прицепом), который ни стоять, ни ходить был не способен, а с рулём управлялся.

Дважды положительно отмечался в институтской газете "За инженерные кадры", в т.ч. о вынесении благодарности "за хорошую

организацию работ и ударный труд на уборке урожая" (под большим секретом, чтобы не узнал Магарил, об этом меня предварительно уведомил один из членов парткома). Заслужил, наконец.

На городском собрании учёных Тюмени получил Почётный диплом и премию ВХО им. Менделеева за работу "Исследование слабых донорно-акцепторных комплексов ароматических нитросоединений с ароматическими углеводородами и ароматическими аминами", представленную на Всесоюзный конкурс по итогам 1975 года.

Прочитал копию первого письма генеральному директору Томского химкомбината В.С. Гетманцеву. Письмо весьма лирично и уже давно подобным стилем к официальным лицам не обращаюсь. Прочитую несколько фрагментов.

22.09.76 г. ...Что я хочу? Должности начальника ЦЗЛ... Почему именно сейчас я к Вам обращаюсь? Во-первых, Вы сообщили, что с 1976 г. начнётся постепенный набор кадров. Во-вторых, ректорат института настойчиво "заталкивает" меня в творческий отпуск на написание докторской диссертации. И хотя материала достаточно у меня есть глубокое внутреннее убеждение, что на практической работе смогу сделать значительно больше полезного...

Заключение. Можно полагать, что принятие положительного решения маловероятно. Однако знание современных физико-химических методов анализа и современной аппаратуры позволяет надеяться, что при комплектовании и оборудовании ЦЗЛ был бы небесполезен.

Национальная принадлежность – гарантия систематичности и порядка в лаборатории.

Виктор Стефанович! Убедительно прошу Вас ответить (независимо от содержания), так как от этого полностью зависят мои дальнейшие планы...

В день набора этих строк исполнилось ровно 20 лет со дня отправки рукописного ответа Гетманцевым, приглашавшем в ноябре на личную встречу "для решения затронутых вопросов по месту – чтобы потом отсутствовал повод для разочарований".

В октябре переехали в трёхкомнатную квартиру. Район похуже, но всё-таки на комнату больше.

Возникла заминка в контактах с Гетманцевым, вызванная очередной попыткой выйти на столичную научную элиту.

В Риге познакомился с профессором из института химической физики (Черноголовка) Михаилом Львовичем Хидекелем, работавшим в научной области, соприкасающейся с моей. Начали разрабатывать планы совместных работ, в т.ч. с использованием совместных дипломников и аспирантов. В мае отправил Хидекелю письмо о согласовании с ректоратом ТИИ выделения одного аспиранта с 01.02.77 г. (официальный руководитель – М.С.Захаров), нескольких дипломников. Кроме того 2-3 дипломников обещали в Тюменском университете. Возвращаясь из Болгарии посетил Черноголовку и лично обговорил с Хидекелем детали совместной работы.

Ближе к утверждению тем дипломных работ опять возникли проблемы с Магарилом. В качестве

декана категорически отказывается утверждать мои темы, как непрофильные специальности. Конфликт вспыхнул вновь. Пришлось идти к ректору, что-то объяснять про командировку дипломника и эксперимент в Черноголовке, тот разрешил использовать одного из подобранных мной дипломников ленинского стипендиата Сушко.

К сожалению, с таким трудом пробитая совместная работа с Черноголовкой закончилась конфузом для меня, практически в ТИИ незамеченном. Через неделю после прибытия студента в Черноголовку звонок. Тот руководитель, к которому Сушко прикрепил Хидекель, не признаёт темы, с которой Сушко появился. Дескать, в Черноголовке впервые сталкиваются с ситуацией, когда дипломник приезжает со своей темой. Направил его напрямую к Хидекелю. После ещё нескольких панических звонков понял, что смышлёным москвичам нужны только рабочие руки, и скомандовал возвращаться. Полтора месяца дипломника пропало впустую. Но ведь спрос за дипломника будет с меня. А учитывая историю вопроса... Мало было мне ленинградской "научной мафии", так вляпался в подмосковную. Только дураки не могут научиться даже на собственных ошибках. Более омерзительного состояния давно не испытывал. Срочно пришлось изменить программу эксперимента, пойти по отлаженной годами схеме и дипломная работа была готова в установленный срок и с необходимым качеством. Однако уязвить меня Магарил всё-таки смог, но об этом позже.

Возвращаюсь к дневнику, чтобы точнее изложить публичное выступление, имевшее громкий общественный резонанс.

18.02.77 г. ...*Весь нахожусь под впечатлением открытого партийного собрания института: "Подбор и расстановка кадров". Докладчик – Копылов. Я выступил с 15-минутной речью [Подал записку из зала с просьбой дать слово и никто предварительно не знал, о чём собираюсь говорить. На удивление всем, представляющим порядок подготовки крупных партийных собраний, слово дали.]... Идея выступления: конкурсная система отбора на ХТФ не работает, более того является инструментом запугивания и сведения счётов. Вкратце рассказал историю переизбрания Иванова [на должность доцента, см. выше], факт вскрытия бюллетеней. Сейчас он завкафедрой университета, которая уже 3 года является лучшей кафедрой университета по всем показателям. Затем рассказал историю переизбрания Заболоцкой. И то, что работает с 1965 г., университетское образование, заочная аспирантура, ни одного замечания или выговора, и то, что мать-одиночка, и то, что квартира хорошая есть. 7 месяцев тянулась волокита, записали в характеристике недисциплинированность (то же, что инкриминировали Иванову), кафедра представила к переизбранию единогласно. На Совете 5 человек высказались за, против никто не высказался., кроме того, что Гамидов [завкафедрой] сказал, что он не выгоняет её с работы, а записал недисциплинированность, т.к. они (т.е. женщины кафедры) все недисциплинированы. Итог*

голосования: 6 против, 4 за. 7 месяцев женщина металась, не зная, куда обратиться, то в партком, то в ректорат. Все её успокаивали, а когда результат голосования стал известным, в ректорате ей сказали, что, дескать, никаких нарушений не было и результаты подтверждаются. Правда, посоветовали подождать до июля, может быть, всё уладится. А в июле все будут в отпуске, отдел кадров напишет приказ отчислить, как не переизбранную и всё.

Почему это может происходить? Нынешний состав Совета состоит из 12 человек, 10 имеют отношение к занятиям на факультете. Кафедра Магарила – самая маленькая на факультете (6 преподавателей) – 3 человека + заместитель по деканату. Кафедра технологии нефтехимического синтеза [ранее называлась кафедрой органической химии] (11 преподавателей) – 1 член Совета, в т.ч. из 7 органиков (5 доцентов) – 0, непосредственно специалисты НХС – 0.

4 года назад, когда надо было избрать Магарила деканом, Совет состоял из 18 человек, в т.ч. 7 не кандидатов наук, 2 доцента с других факультетов. Аргумент: увеличение партийной прослойки... Сейчас же ряд доцентов-коммунистов остались за бортом Совета. Формально Совет формирует ректор, но фактически представляет и обосновывает каждую кандидатуру Магарила, а убеждать он умеет не хуже Фомы Фомича у Достоевского (смех в зале). А в результате это идёт во вред делу.

Предложил в постановляющую часть следующий пункт: "Усилить контроль со стороны

ректората и парткома за качественным и количественным составом Советов факультетов".

По отзывам самых разных людей процитированное выступление – наиболее интересное на партийных собраниях за многие годы, а Магарил такой публичной оплеухи никогда не получал. На факультете большинство тоже довольны. Кстати, на следующий день Магарил на работу не пришёл. Это лучшее моё публичное выступление в жизни.

20.02.77 г. ...Всё ещё нахожусь под впечатлением выступления на собрании. Со всех сторон несутся отзывы, в основном, резко положительные. На факультете же вся приближённая знать шипит сквозь зубы. Начали говорить, что я – ставленник Чурилова [молодой секретарь парткома, позже широко известный партийный деятель, народный депутат, председатель правления АО "Нипек"]].

Кстати, о переизбрании Заболоцкой. Совет состоялся где-то в середине декабря 1976 г. Я там выступал в поддержку Заболоцкой минут 15. Говорил о том, что учился с ней в одной группе и знаю больше всех присутствующих. Ей вменяются в вину три криминала: аспирантура закончена, а диссертации ещё нет; недисциплинированность и невыдержанность. Спросил: "Товарищи члены конкурсной комиссии! Кто из Вас вовремя представил диссертацию?".. Отмёл недисциплинированность, отметил определённую несдержанность. Сказал, что разум Совета должен взять верх...

5 апреля 1977 г. на 8-й научно-технической конференции ТИИ вручён диплом лауреата Всесоюзного конкурса на лучшую научную работу по проблемам развития нефтяной и газовой промышленности.

Уважаемый читатель! Подобные факты вынужден приводить, чтобы не сложилось впечатление об авторе как закоренелом склочнике. Просто конфликтные ситуации более резко отложились в памяти и в дневнике тоже. А впереди новый, вернее продолжение конфликта, связанного с дипломником Сушко, предварительно командированного в Черноголовку. Цитирую запись по свежим следам.

22.06.77 г. *Опять вынужден был вчера выступать критически. Совет факультета, обсуждение итогов работы ГЭК. На ГЭКе поставили Сушко "хорошо", хотя до этого в зачётной книжке имел только пятёрки [Ленинский стипендиат лишён "красного" диплома]. Выступил председатель ГЭК А.И.Наровлянский (главный инженер Тобольского комплекса). Говорил он много, но первое, с чего начал – с несоответствия дипломных работ Сушко, Ивановой [вторая моя дипломница] специфике специальности.*

Пришлось выступать. Сначала о нарушениях положения о публичных защитах: во-первых, защита назначена на 14.00, а вызвали Сушко в 12 ч. (я не смог побывать на защите); во-вторых, не было Агаева [единственный член ГЭК от нашей кафедры ТНХС]... Говорил о том, что в ГЭКе отсутствуют представители фундаментальных

разделов химии: физической, органической, неорганической.

Последовала реплика Магарила: "Не учите ГЭК! Регламент!" Захаров [проректор, завкафедрой физической химии] с места: "Критика снизу, пусть говорит!"

До этого говорил о тенденциозности подхода, далее рассмотрел дипломы Ивановой и Сушко. На защите Ивановой Магарил утверждал, что фенольная, нитробензольная, фурфурольная очистки масел ничего общего не имеют с комплексообразованием. Вопросы задавались с усмешкой, сопоставлялись цены технологии процесса, которым Иванова и не занималась (Магарил: "Это дороже урана" – как будто он знает стоимость урана).

К сожалению, в выступлении чётко не прозвучало, что именно Магарил – инициатор тенденциозности. В ответном слове Наровлянский доказывал доброжелательность ГЭК, обвинил меня в инсинуациях, высказал мысль, что в научной среде выступать так, как я, некорректно.

Небольшая реплика. Каждое публичное выступление критического характера даётся мне тяжело, помногу раз "прокручиваются" в голове варианты фраз и обосновывающих аргументов (особенно интенсивно после выступления, ночи напролёт уходят на подбор более сильных выражений, но "поезд-то уже ушёл"). Удачный экспромт бывает очень редко. Не случайно, по-видимому, так популярна поговорка "после драки кулаками не машут".

Продолжение дневниковой записи в этот день (22.06.77 г.) носит чисто семейный характер, привожу как важное в понимании последующих событий.

Дома положение обстоит очень скверно. 1 июня дети уехали с папой в Талды-Курган. С Ниной практически не разговариваем. У неё всё больше замечен комплекс "центрипуизма". Всем в моём поведении недовольна. На любое моё мнение высказывает противоположное. В результате, не вступая в пререкания, приходится отмалчиваться. Надоела такая жизнь окончательно.

В памяти одно из светлых пятен (июнь 1977 г.). Нина вместе с Леной Кучерюк демонстративно, вопреки моему желанию и с непонятными целями (домыслы приводить не буду), уехала в Киев. В квартире один, ночи почти не спал. Вдруг, под утро, в 4.30 телефонный звонок. Девичий голос желает добра... Оказалось, группа выпускниц школы после бала крутила диск телефона-автомата, каждая свою цифру. В ходе дружелюбного разговора пытались выяснить номер телефона или хотя бы, в каком районе этот телефон. Конечно, ничего им не сказал, пожелал успеха в будущей жизни. Вроде бы, мелкий факт, в дневник не попал, но приятно до сих пор. Солнечный лучик!

В начале июля прилетел в Красноярск для организации практики студентов на заводе синтетического каучука. 7 июля (день Ивана Купалы) встречал студенток на железнодорожном вокзале и пока на перекладных добирались до заводского общежития все девушки были совсем

мокрые, даже перестали реагировать на веселящуюся молодёжь с вёдрами.

Всех распределил по цехам и осталось 15 дней безделья. Жил в двухместном номере дряненькой гостиницы автовокзала в центре Красноярска, студенты – в общежитии на промышленной окраине.

Позвонил в Томск Гетманцеву, договорился о встрече 18 июля. Телефонный разговор вышел сухой, ведь он приглашал приехать ещё в ноябре 1976 г.

Гетманцев представил меня главному инженеру Владимиру Матвеевичу Набоких, тот как-то суетился, так как получил задачу убедить меня перейти на химкомбинат. Обещали 4-х-комнатную квартиру, через год работы оформить полугодовую стажировку в Италию. Решается вопрос об опытном заводе, появляется перспектива роста. Показали строительную площадку, разрабатывается огромная площадь за речкой Киргизкой, где мы студентами когда-то купались. Осмотрели почти законченный 9-этажный дом, в котором мне должны выделить квартиру.

Обещал дать окончательный ответ 1 сентября. Сразу началась головная боль: что делать? Всё-таки это полная перемена деятельности. С другой стороны, второго такого случая может и не быть.

О Красноярске. Красивый город вдоль Енисея, основная промзона с правой стороны и обслуживается самым "рабочим транспортом" – трамваем, на левой стороне – троллейбус. С левой стороны Енисея отличная набережная, не хуже, чем где-нибудь на Чёрном море. Отличный центральный

парк культуры. Летняя зона отдыха спланирована на одном из островов посредине Енисея, напротив центра города. В 45 минутах на "Ракете" расположен Дивногорск, выше Красноярская ГЭС и море с тёплой водой. Незабываемое место – Красноярские "столбы", груды камней, некоторые высотой в 95-105 м. В выходные дни много желающих ползти, причём все местные "идут на штурм" в подвязанных галошах. Самые сложные маршруты оказались для нас недоступными. Имеется канатная дорога, сверху виден весь Красноярск, огромная разница в загазованности правого и левого берега. Организовал экскурсии и сам с интересом осмотрел комбинат химических волокон, городские очистные сооружения (пропускная способность – 250 тысяч куб.м стоков в сутки). С интересом побывал на чемпионате СССР по вольной борьбе. Красивое зрелище. Очень близко рассмотрел олимпийских чемпионов Дмитриева, Пинигина, Ярыгина, Тедиашвили, Андиева, Али Алиева...

В конце июля, приехав с практики, подал заявление об отпуске, получил отпускные, а затем подал заявление об увольнении. Несколько дней Копылов не подписывал, я отказался идти на встречу с ним (свинья!), приписал к заявлению, что квартира будет оставлена при увольнении жены. Получил трудовую книжку, поехал в Талды-Курган, забрал ребят, привёз в Тюмень, а 3 сентября выехал в Томск.

Томск *(1977 - 1996)*

5 сентября 1977 г. появился в Томске. Сложность описания нового Томского периода жизни заключается в следующем.

Полгода назад закончена объёмная книга "Томский нефтехимический комбинат. Хроника." с подзаголовком "Субъективные заметки директора научно-исследовательского центра". [Сокращёно "Хроника ТНХК"]. Томский период жизни автора трудно понять, не прочитав "Хронику ТНХК", подробно излагающую производственную деятельность, многочисленные командировки, контакты с "сильными мира сего", участие в крупных переговорах с инофирмами, обилие публичных выступлений в самых разных аудиториях, чтение лекций (в т.ч. "труд руководителя"...), награждения Премией Совмина СССР, званием "Почётный химик", множество примеров других поощрений и... наказаний. Не хочу повторяться и в настоящем повествовании вынужден касаться только личной жизни. Более или менее полную картину жизненной траектории автора можно представить только при знакомстве с обеими книгами.

Итак, через 13 лет жизни и работы в Барнауле и Тюмени я вновь в Томске. Назначен начальником центральной заводской лаборатории строящегося химкомбината с приличным (после двухмесячной заминки) по тем временам окладом – 340 рублей. Использовал каждую возможность, чтобы попасть в

Тюмень (1-2 октября после командировки в Ростов, 1 декабря после длительных командировок в Гурьев и Ленинград). О последнем посещении Тюмени лучше процитировать дневник.

11.12.77 г. ...Прилетел [из Ленинграда] 1 декабря вечером. Нина встретила меня в аэропорту (в Ленинграде я купил ей костюм (ГДР) и финское платье; купил мясо, индейку). На следующий день вечером выпивали понемногу с Агаевым, в субботу пили у Кучерюков, в воскресенье (4.12) у нас. Поругались. На следующий день нас пригласили Нагарёвы. Начали неплохо. Когда немного выпили Нина начала выступать. Кончили, когда Валера уже уснул. Мы вдвоём выпили 2 бутылки водки, да я ещё сухого выпил. На улице как-то так получилось, что несколько раз ударил, порвал шубу. Следующий день практически весь просидел рядом с ней на занятиях. Улетал 7-го в очень скверных чувствах. И всё это из-за того, что она публично везде заявляет, что никуда [из Тюмени] не поедет. 8 декабря был у Гетманцева, в двух словах объяснил ситуацию: или я уезжаю, или остаюсь без семьи. Он обещал заняться моим квартирным вопросом сразу же после приезда из Ленинграда, т.е. 23 декабря.

Следующая поездка в Тюмень (30.12 - 03.01.78) ситуацию не изменила, более того начались подозрения в последствиях "амурного" характера. Много эмоций вкладывалось в письма и писать было очень тяжело. Чаша взаимного недовольства переполнилась. Нужна была последняя капля. И это событие произошло.

25 февраля 1978 г. (воскресенье) принял участие в лыжном кроссе ТНХК в районе площади Южной. Затем в компании с начальником производства полипропилена А.С.Селезнёвым, начальниками отделений Н.А. Ибряевым, Р.А.Рахматуллиным (все вызовники, т.е. приехавшие на ТНХК по вызову из других городов и проживающие в служебных квартирах без семей) отправились обедать в ресторан "Север". Выпили немного, но обратили внимание на трёх женщин за соседним столом. Пообедали и не спеша подались по Ленина в сторону одноимённой площади. Около магазина "Тысяча мелочей" случайно столкнулись с женщинами из ресторана. Слово за слово, приняли предложение поехать в "Кедр". Организовали два такси, но "Кедр" оказался полностью заказан. Теперь уж нас не остановишь. Приехали к вечеру в ресторан "Сибирь", попили, потанцевали, а потом всей компанией в нашу служебную квартиру, где тоже "маленько" приняли.

Среди женщин наиболее физически крупной и в то же время самой активной оказалась Надя. Ещё в ресторане "Сибирь" я и не мог предположить, что поздно вечером пойду Надю провожать домой. Считал, что она более подходит Селезнёву (крупногабаритный мужик под 190 см ростом).

Надя

Надя (девичья фамилия Нусберг) родилась в Томске 23.12.47 г. Мама (из многолюдной родни известного писателя Георгия Маркова) умерла очень молодой, оставив Виктору Яковлевичу трёх дочерей, старшей Наде только исполнилось 10 лет.

37-летний вдовец женился в 1958 г. на 17-летней Рае. В семье появилось ещё двое детей. Старшей дочери, естественно, труднее всех адаптироваться в новой семье, слишком малая разница в возрасте с мачехой. После смерти отца в 1983 г. Надя прекратила все контакты с Раей.

Отец Нади работал председателем колхоза, затем много лет директором училища при подшипниковом заводе. Рая работала нянечкой в детском саду (при нашем знакомстве).

В 18 лет Надя вышла замуж за Ю.Вьюгова. Родила двух детей: Лену (1967 г.) и Сашу (1971 г.). Семейная жизнь протекала неровно. Однажды с двумя детьми уходила на несколько месяцев к некоему офицеру-пожарнику, были и более мелкие приключения.

Надя окончила машиностроительный техникум. Работала экономистом на приборном заводе, затем ушла в торговлю и, к времени нашего знакомства, работала директором галантерейного магазина, позже директором мебельного магазина (до 1996 г.). В 1979 г. поступила на заочное отделение экономического факультета Томского университета и благополучно его закончила. На момент набора этих строк занимается домашним хозяйством и мелким бизнесом (в 5-й раз улетела "челноком" в Италию).

Надя – человек чрезвычайно эмоциональный, бывает весьма шумной, быстро заводится, но и быстро отходит. Добрая по натуре, чем всегда многие знакомые и родственники пользовались и пользуются без эквивалентной отдачи. Особенно

это было заметно в 80-е годы, когда мебель была в большом дефиците.

Весьма развито чувство собственности по отношению к своим близким (детям, мужу), ярко проявляется комплекс "квочки". Имеет выраженные черты лидера, но в сложных и неожиданных ситуациях нередко теряет.

Надя – щедрая по натуре и очень хлебосольная, умеет и любит вкусно готовить, поест и выпить.

Роман с Надей развивался стремительно. Поцелуй в первый вечер, через неделю с вечера не вернулся в служебную квартиру. По утрам звонки домой с телефона-автомата (с работы нельзя, в одной комнате сидят по 10 человек), вечером сразу в магазин. Как-то быстро оттер всех желающих посидеть в кабинете Нади. Было несколько активных попыток Ю.Вьюгова (муж) вмешаться в наши отношения, но "паровоз уже набрал ход".

18.04.78 г. приехал в Тюмень и подал заявление о разводе. Пытался спокойно договориться с Ниной, разделить детей (Игоря забрать в Томск). Дикая истерика. Через несколько дней Нина с детьми появляется в Томске, в т.ч. на работе. Партком. Гетманцев. Дети (Эльвире 14 лет, Игорю 12) сидят рядом со мной (в комнате ещё человек 10). Появляется уважаемый профессор Надежда Дмитриевна Стрельникова с попыткой убедить меня "дать задний ход". В служебной квартире также проводятся воспитательные беседы. Друзья-вызовники относились "без комплексов" к нашим взаимоотношениям с Надей, но не приняли стремления создать новую семью. Поступила телеграмма от папы резко негативного содержания.

Невозможно было переносить самоунижение Нины. Начались истерики и у Нади. Чтобы завершить тягостную тему развода несколько фраз.

Развод тянулся почти год и оформлен уже после рождения Юли. Было много обращений в различные судебные инстанции с подключением томских адвокатов. Копии заявлений невозможно читать, да и приводить их здесь ни к чему (смесь житейской наивности со стремлением быстрее решить поставленную задачу), были и совсем глупые заявления, в частности, о разделе имущества. Последнее заявление в суд было отправлено мной 21.03.79 г. в виде фототелеграммы, включающей личное заявление истца, заверенные справки о 39-40 недельной беременности Нади и о регулярном переводе в Тюмень бухгалтерией ТНХК 33% зарплаты в виде алиментов. Кстати, Надин развод проходил также очень болезненно, завершился разделом детей (Лена осталась с отцом в старой квартире), но значительно быстрее.

В начале мая 1978 г. начали жить вместе с Надей и Сашей. Сначала поселились у Надиного отца. Виктор Яковлевич после инсульта, но по квартире ходил, очень любил со мной разговаривать. 7 человек в квартире – тесновато, да и проживание в проходной комнате стесняет всех. Через пару недель арендовали однокомнатную квартиру на АРЗе. Здесь Саша начал ходить в школу.

Задержусь на проблеме получения квартиры. Как один из вызовников имел преимущественное право, причём с бронированием квартиры по прежнему месту жительства. Но для получения

квартиры необходимо было представить ряд справок с прежнего места жительства. Но когда справки затребовали началась эпопея с разводом. Гетманцеву и в партком ТНХК последовали письма Нины, что я хочу её с детьми выбросить на улицу. Абсурд какой-то! Но решение Гетманцева: пока не оформишь юридически отношения с новой женой, квартиры не получишь.

**1957 г. Вдовец Виктор Яковлевич Нусберг.
Слева стоит Надя.**

Осенью 1978 г. расселяли вызовников из нашей двухкомнатной служебной квартиры. Все сожители получили квартиры. Я решил вернуться в служебную квартиру на свою кровать, рассчитывая, что Гетманцев разрешит мне пожить некоторое время с новой семьёй. Заняли с Надей маленькую комнату. Гетманцев не сразу узнал, что я поселился с женой, но затем разразилась гроза! В большую комнату поселили молодых специалистов. Повышенная коммуникабельность Нади как-то

смягчала неудобства. Гетманцев потребовал от своего помощника по соцвопросам освободить от нас квартиру. Помощник появился, поговорил с Надей, посмотрел на её живот и ушёл. Не знаю, какой был разговор с директором, но через пару недель этот помощник уволился с ТНХК. Нас оставили в покое.

Нередко ходили по гостям, из вызовников чаще всего бывали в "промежуточной" квартире Рахматуллиных в доме иностранных специалистов (позже мы поселились в одном доме). Вспоминаю встречу Нового 1979 г. У Рахматуллиных десятков вызовников, некоторые уже с приехавшими жёнами. Запомнилось приглашение Селезнёва (почти год жили в одной квартире) в гости с женой, "которая записана в паспорте". Демонстративно было произнесено так, чтобы слышали все и особенно, собственная жена Людмила Давыдовна. Естественно, мы никогда и не подумали реализовать подобное приглашение. Эх, Александр Сергеевич! Никак не мог он привыкнуть к мысли, что Надя не его предпочла. Сразу же вспоминается ещё один инцидент с Селезнёвым.

Ноябрь 1977 г. Ленинград. Приёмка окончательного проекта производства полипропилена. В воскресенье делегацию итальянцев (+ нас двое) повезли смотреть Павловск и Пушкин. Всё очень красиво, в ресторане города Пушкина обед. С тостами, икрой и морем вина и водки. Расплачивался представитель отдела внешних сношений, явно "чекист". Выпили очень прилично, итальянцев завезли в гостиницу, а мы с Селезнёвым вылезли на Невском и зашли в пивбар.

Деньги у Селезнёва, у меня ни копейки. В очередной раз в пивбаре зашёл разговор о евреях, что-то и я сказал (не помню). Вдруг подходит официант, просит расплатиться. Оглядываюсь, Селезнёва нет. – А Ваш друг ушёл. – Как ушёл? – Нелепость ситуации: пьяный, за пиво не уплачено, без денег, до гостиницы ехать сначала на метро, затем на трамвае. Трудно даже предположить, как могла бы развернуться ситуация (медвытрезвитель, партком...). Без одежды догнал его у метро "Площадь восстания", взял деньги и расплатился. Тогда я подумал, что от большого приёма алкоголя Селезнёва "заклинило". Наивный человек! Ещё один урок: никогда не поддерживай разговора о евреях, только наживёшь себе скрытых врагов.

Квартирный вопрос всё ещё не решён, а появление ребёнка приближается. Кстати, в самом начале в категорической форме прервал рассуждения Нади о необходимости аборта: не будешь рожать, жить с тобой не буду! А позже мы мечтали о сыне Гельмуте. Не получилось. Перед родами Надя всё приготовила (что ей принести, в чём ребёнка одеть, в чём муж будет ходить на работу...). Увезли Надю во 2-ю медсанчасть в среду 28 марта 1979 г., когда я был на работе, а в 19.25 появилась Юлия.

Юлия

Юлия родилась (3750 г., 53 см) довольно спокойной девочкой. Через 3 месяца Надя уже вышла на работу. Наняли приходящую няню, затем начали носить к бабушке, а где-то с двух лет отдали в ясли-сад, первый собственный детский

комбинат ТНХК. Каких-то серьёзных заболеваний, как у старших детей, не припомню. Скорей всего сказался опыт родителей.

Все 10 лет Юлия училась в одной школе и всегда среди лидеров, в младших и средних классах имела очень неплохие оценки, ближе к окончанию школы превратилась преимущественно в ударника. Когда Юлия пошла в 1-й класс в 13-й школе параллельно функционировала школа искусств, так приятно было видеть её в танцах. Несколько лет водили её на репетиции и в дом культуры "Авангард". Позже всё развалилось, школу "обозвали" гимназией и Юлия заканчивала последние классы "с физико-математическим уклоном".

Временами слишком серьёзна для своего возраста (Надя шутит, что это "папа родимый"). Никогда не боялись оставлять ей довольно большие суммы денег, полностью уверенные, что просто так Юлия деньги не потратит. Хотя сдачу иногда и любит "забывать" отдать. Но здесь уж срабатывает профессиональная память матери.

Каждое лето отправляли Юлию в пионерский лагерь, в т.ч. по два раза в Одессу и Геническ (Азовское море), затем с родителями в Талды-Курган.

Экзамены в университет на факультет прикладной математики (специальность – экономист-математик) сдавала ещё за месяц до выпускных экзаменов и вот уже полтора месяца Юлия – студентка ТГУ – alma mater родителей.

Очередная проблема – регистрация Юлии, а наш брак с Надей ещё не оформлен. Наконец, 18 апреля принято решение о разводе, а 20.04.79 г. мы

зарегистрировали брак в Кировском районном ЗАГСе Томска. Вся "свадьба" состоялась в каком-то бараке в районе площади Южной в комнате одного из старых друзей Нади. Было человек 6-7 (запомнил только Рахматуллина с женой), несколько бутылок вина, закуски.

**1979 г. Томск. Служебная квартира.
Юлии 1 месяц. Рядом Саша.**

Сейчас немного грустно от этого воспоминания, жизнь уверенно движется к финишу, дважды женился и обе свадьбы предельно скромные. Что это? Недооценка события? Скромность? Отсутствие средств? Скорей всего всё вместе, но главное — последнее (нежелание существовать в долг живёт в крови). Считаю, что

человечество своей многотысячелетней историей правильно определило свадьбу как главный праздник человеческой жизни и праздноваться свадьба должна соответственно, без оглядки на сиюминутные трудности.

В житейской суете не заметили, как Юлии исполнился месяц. Пригласили фотографа, нашего сослуживца Васю Куприянова (первый начальник производства метанола). Вероятно, зря сначала налили. Надя до сих пор вспоминает, сколько многословный Вася выпил вина, а фотокарточки не получились.

Неожиданно произошёл конфуз на работе, попортившей мне много крови. Не буду заново пересказывать ситуацию, просто процитирую соответствующую запись из "Хроники ТНХК".

02.05.79. *Приключилось личное ЧП. По праздникам организовывалось дежурство ответственных ИТР дирекции на стройплощадке. Точка с телефоном находилась в СХР [склад химреагентов]. Дежурный обязан был периодически обходить площадку, склады, открытую площадку хранения оборудования и делать соответствующие записи в специальном журнале. Одновременно на работе был и сменный персонал (человека 4). У начальника смены были шахматы, за которыми смена и коротала время. Я был ответственным дежурным в дневную смену 2 мая. Отличная солнечная погода. Сделал обход и сел с начальником смены играть в шахматы. Не успели сделать и десяти ходов, как неожиданно появился Гетманцев. Не было звука машины и никто из 5 человек не видел, как он по шпалам пришёл со стороны*

станции Входная. Реакция публики как в финале комедии "Ревизор". Мне до сих пор стыдно, так как никогда в рабочее время на ТХЗ я такими вещами не занимался. Надо отдать должное Гетманцеву, ни слова при людях не сказал. Однако на следующий день он предложил подать заявление "по собственному желанию".

В сентябре 1979 г. получили квартиру в новом заводском 9-этажном панельном доме. Гетманцев настолько оказался злопамятным, что поселил нас на 9-м этаже. Начальник ЦЗЛ, единственный на заводе кандидат наук. При оформлении документации в райисполкоме Надя "запустила свои связи". Выяснилось, что зампредисполкома сам удивлялся, вёл переговоры с руководством завода, но те оказались непреклонными (дескать, получит Полле квартиру и сразу уволится). Многие в России хорошо понимают, что такое верхний этаж нового дома с постоянно неработающим лифтом и шестимесячным ребёнком.

Заканчивая тему квартиры не могу не отметить положительно опять же директора завода Гетманцева. Через два тяжелейших года пуска производства полипропилена, когда реально выявилось "кто есть кто", Гетманцев потратил много энергии и добился нашего переселения в квартиру кирпичного исполнения на 3-м этаже с двумя 6-метровыми лоджиями. В этой квартире мы и живём уже 15 лет.

Весной 1980 г. решились взять 4 сотки земли под мичуринский участок. Сплошной лиственный лес в 3 км от приборного завода. Все деревья вырубали вручную, только 2 старые берёзы

выкорчёвывали бульдозером. Помогали ребята-вызовники (Рахматуллин, его аппаратчики Фирдус и Фарид). Первым построили и покрасили изящный туалет, который стал ориентиром в огромном массиве незастроенных ещё участков. На строительство использовали строганную досочку от итальянских ящиков с технологическим оборудованием (что-то среднее между нашей половой рейкой и "вагонкой"). Размер досочек самый разный, до 3-х метров. Досочку оплачивали в кассе ТНХК (символические копейки). Естественно, надписи на "импортном" языке никуда не спрячешь и по этому признаку можно было определить, кто из хозяев имеет отношение к "Нефтехиму". Основную часть строительства домика выполнил Фирдус Валиев (умный парень, аппаратчик, родом из Казани, любил поговорить со мной и Надей, постоянно помогал нам в хозяйственных вопросах, лет через 5 покончил с собой) с друзьями. Внутри домик отделан ДВП, а сверху я приклеил обои, в т.ч. на потолке. Сначала все удивлялись, затем привыкли.

Начали экспериментировать с плодово-ягодными культурами. Яблони постоянно объедали зимой зайцы. Вишня, привезённая Аникеевым в подарок, плодоносила, но подмерзала. Очень неплохо росла земляника, сортов 6. Первое время большой проблемой была вода. Сварили огромную (кубометра на 4) ёмкость. Далее поиск в городе поливалки, деньги в руки...

Мы с Надей очень любили там ковыряться, сложность с возвращением. До троллейбуса 3 км пересечённой местности, а Надя не очень любит (не

может) много пешком ходить. Иногда кто-нибудь подвозил. Практически на мичуринском участке не ночевали (максимум 2-3 раза за все годы).

Жизнь делает сложные зигзаги и в подтверждение цитата из "Хроники ТНХК".

22.09.80. *Неожиданная встреча. Минсредмаш на заключительный этап СМР производства ПП "стянул" силы с других атомных объектов. Вдруг по надписи на двери кабинета заходит Леонид Иванович Антонов, руководитель монтажного подразделения из Челябинска-40, и спрашивает: "Вы не родственник хирургу Полле?" Прошло 29 лет с тех пор, как нас в товарных вагонах и на товарном пароходе под усиленной охраной вывезли из Челябинска-40, где папа работал главным хирургом в лагерной сети создателей первого промышленного атомного объекта СССР..., на Колыму. Как же надо быть полезным людям, чтобы столько времени оставаться в памяти. Шок (положительный) был настолько сильный, что не нашёлся, о чём с Антоновым поговорить. Позже не удалось с ним встретиться (Антонов на площадке был недели 2, а вечера проводил с начальником управления "Химстрой" Пронягиным, приехавшим в своё время в Томск-7 из Челябинска-40).*

Запомнилась с тех времён и активная общественная деятельность, фактически входившая в должностные обязанности линейного руководителя уровня начальника цеха. Организация самых различных мероприятий. Учёба в университете марксизма-ленинизма (1979-1981 гг.) в группе хозяйственных руководителей. Множество

лекций на различных предприятиях и в институтах Томска. Вступление в партию (с 1981 г. кандидат, через год – член) с приключениями: обком КПСС настаивал, чтобы все руководители ТНХК уровня начальника цеха были коммунистами, а совет старейшин в райкоме меня "пнул" за неуверенное знание первых программ КПСС. Кстати, вышел из КПСС по собственному заявлению в июле 1990 г. за год до ГКЧП.

Примерно до 1980 г. по праздникам проводили торжественные заседания с последующими столиками для всех желающих работников ТНХК с супругами, благо общая численность комбината составляла несколько сот человек. Присутствовали руководители ТНХК; тосты, зачастую, носили производственный характер, но было довольно весело. Царил общий психологический подъём, связанный с ожиданием пуска первого производства.

После того, как ночью 21.02.81 г. был успешно проведён пробный пуск производства полипропилена, десяток ведущих сотрудников ЦЗЛ приехали утром ко мне домой. Надя радовалась вместе с нами, приготовила хороший обед. Естественно, выпили и быстро опьянели, очевидно от переутомления и перевозбуждения. Такого эмоционального подъёма у ведущих своих сотрудников и собственного в жизни не припомню.

Через несколько недель праздновали моё 40-летие. Надя постаралась, присутствовало человек 30. Запомнился вечер конфликтом двух певцов-теноров. С одним из них (Толей Быковым) вместе жили в служебной квартире, другой (Володя

Акулов) – артист Томской филармонии. В разных углах зала нашей квартиры поют (и красиво поют!) разные песни, пытаются перепеть соперника. Фон – шум подвыпившей громкоголосой компании. Позже узнал, что вообще теноры ведут себя как петухи.

Июль 1981 г. Игорь в ЦЗЛ Томского нефтехимического комбината.

После перевода Гетманцева в Москву директором ТНХК назначен Владимир Матвеевич Набоких, который пригласил меня на должность заместителя главного инженера по науке и новой технике. После нескольких разговоров с Набоких о будущих функциях и тяжёлых раздумий решение было принято. Цитирую один абзац из "Хроники ТНХК".

11.07.83. ...С большими сомнениями переходил в кабинет на 7-м этаже заводоуправления и не один разговор с Набоких этому предшествовал. 6 лет работы по созданию с нуля лабораторной службы ТХЗ в роли линейного руководителя отложили в психике потребность ежедневного приёма и отдачи команд, контроля над деятельностью и ответственности за судьбы десятков людей. Должность зам.главного инженера по науке и НТ очень удобна для бездельников и история ТНХК это подтверждает. Переход на режим работы, где более половины времени занимают различные совещания, создал откровенный дискомфорт с высокой утомляемостью и малой производительностью. Через 7 лет одним из первых приказов созданного НИЦ было запрещение проводить любые совещания, собрания, техсовет, правление, техучёбу и т.п. ранее 16-17 часов.

В апреле 1984 г. приехал в командировку на Талды-Курганский аккумуляторный завод – один из основных потребителей блоксополимера пропилена с этиленом для изготовления аккумуляторных баков. Поскольку материал выпускался впервые в СССР, то в Талды-Кургане никак не могли к нему приспособиться. Оказалось, уровень техники безопасности ни в какое сравнение с ТНХК не идёт, вентиляция практически не работает. Запомнил этот визит, так как совместил плановую командировку с 70-летним юбилеем папы. Кстати, очень рад, что удалось присутствовать на всех юбилеях папы с 5-летним шагом (в самостоятельной жизни, начиная с 60 лет).

02.08.86 г. Талды-Курган, праздник цветов. На руках первый внук – Алёша.

Весной 1986 г. впервые купили машину (ВАЗ 21013). Права я получил ещё в 10-м классе, т.е. в 1958 г., но никогда не ездил. Местная ГАИ запросила Талды-Курганскую и получила подтверждение. Пришлось сдать только правила движения. Несколько раз поездил с друзьями, вроде получается, да и все как-то заняты.

Наконец, решил сам выехать из гаража и отвезти Надю на мичуринский участок. Туда нормально. Остановился в переулке, Надя пошла на участок, а я начал разворачиваться. Первое движение и стукнулся о забор. Думаю, пока Надя не видит, выеду из переулка задним ходом (метров 200). Начал движение, заднее левое колесо слегка тормозилось трубопроводом (позже разобрался).

Газ! Ещё газ! Машина разворачивается на 90° и задом врезается в сплошной дощатый забор. Вместо тормоза ещё раз нажимаю на газ и доски падают на крышу машины. Двигатель заглох. Объективности ради надо сказать, что грунт был глинистый и после дождя. Когда Надя меня увидела, предельно бледного, ни слова не сказала, но очень быстро нашла необходимых специалистов. Мастера по ремонту никак не могли в толк взять, как можно одновременно повредить все двери, крылья, бамперы, передний и задний капот и крышу при полностью исправных двигателе и ходовой части.

1986 г. Томск. 45 лет.

Кратко процитирую из "Хроники ТНХК" событие 1986 г. – участие в совещании, которое проводил М.С.Горбачёв.

14.11.86. 12.00-18.10. ЦК КПСС (зал заседаний на Старой площади). Президиум: Горбачёв, Рыжков, Зайков, Воротников, Долгих, Ельцин, Никонов, Бирюкова, Талызин. В зале примерно 1500 чел. (министры, первые секретари, представители предприятий от гендиректоров до бригадиров). МХП представляют 25 чел. вместе с министром. По-видимому, моё присутствие в группе – лотерейная случайность (розыгрыш управления по кадрам МХП).

Вступление сделал Горбачёв (30 минут)... Помимо Горбачёва выступили 19 человек (секретари ЦК, первые секретари регионов, министры, директора предприятий). Удручающее впечатление: все выступающие располагаются вполоборота к залу и обращаются только к Горбачёву: Михаил Сергеевич! Михаил Сергеевич!, а слышится как 25 лет назад: "Никита Сергеевич! Никита Сергеевич!" Это меня очень поразило (сидел в 9 ряду и очень хорошо всё видел). Только несколько человек из выступавших сейчас находятся на поверхности (Петров, Бразаускас – первые секретари Свердловской области и Литвы в то время). Самое неприглядное впечатление хвастуна оставил Колбин (1-й секретарь Ульяновской области, затем Казахстана).

Ещё одно впечатление. Строгая пропускная система в несколько этапов, красавцы-"членовозы" во внутреннем дворе. Организация совещания безупречна. Вся масса пообедала за 20 минут,

комплексный набор без излишеств, со всех взяли по 1 рублю. Удивило отсутствие каких-либо газетно-журнальных киосков. Или чего-то на стенах. Нас так предупреждали о приходе заблаговременно, что я болтался полтора часа около зала, причём выйти нельзя было.

И ещё. Необычно (для меня) выглядело освещение в печати. Под названием – речь Горбачёва – собрали вступление, заключение, все реплики по ходу совещания и очень хорошо "причесали". О выступавших ни слова. Даже сейчас мне непонятны мотивы такой пропаганды.

25 февраля 1987 г. подписан совместный приказ министерства высшего образования РСФСР и министерства химической промышленности СССР об организации филиала кафедры органической химии ТГУ на базе ТНХК. Идея организации этого филиала проталкивалась не менее двух лет. Со стороны ТГУ в роли толкача выступал Слизов, со стороны ТНХК – Полле. Основная задача – постоянная подпитка лабораторной службы ТНХК высококвалифицированными молодыми специалистами. Не менее важным является контакт ведущих сотрудников центральной лаборатории, НИЦ с молодёжью научной направленности в виде чтения лекций и проведения лабораторных занятий. При этом денежная сторона (полставки доцента для руководителя филиала кафедры Полле) какой-либо существенной роли не играла. За полгода до начала учебного года были подготовлены программы обучения (4-й и 5-й курс) и несколько лекционных курсов. Мной читались главные курсы: "Основы технологии химических производств ТНХК" и

"Аналитическая служба современных химических производств". Подготовка студентов была хорошо отлажена и продолжалась 6 лет. Прекратилась нелепо. В сентябре 1993 г. очередной курс просто не появился на ТНХК под предлогом неуплаты за подготовку студентов, причём меня, как руководителя филиала кафедры, даже не поставили заранее в известность. В результате проиграли обе стороны: НИЦ ТНХК и ТГУ.

1987 год запомнился ещё несколькими событиями. Покупка дачи в Оськино. В один прекрасный момент решили с Надей, что нам нужна дача на реке. Надя месяц ездила вдоль Томи и Оби. Перебирали варианты. Наконец, увидели дом в Оськино на Оби и никаких сомнений. Надо брать! Но дорого! 11 тысяч рублей, а старый мичуринский продали за 3 тысячи. Напомню, что машина в это время стоила 6-7 тысяч. Деньги заняли. И никогда о покупке не жалели. Через пару лет дачу перестроили, надстроили мансарду. Сейчас я не знаю цены, за которую бы смог уступить кому-нибудь дачу в Оськино. Сначала с дачей было 4 сотки земли, сейчас около 7, расширились по согласованию с соседом и за счёт общей дороги, но последнее со скандалом.

Следующее. Поездка на своей машине в Талды-Курган на золотую свадьбу родителей (праздновали 31 июля). В качестве штурмана Юра Слизов, пассажиры – Надя и Юля. Довольно рискованное мероприятие (1900 км) с большими отрезками дороги в Казахстане без признаков жилья и сильной жарой. В машине я никогда не разбирался, Юра даже ездить не умел. Но обошлось. Доехали с одной

ночёвкой и одной проколотой камерой за 300 км от Талды-Кургана. Праздничный банкет был очень хорошо организован в ресторане. Кроме родственников было множество врачей, отличный тамада. Не обошлось и без моего тоста.

Среди бумаг описываемого периода обнаружил письмо мамы и считаю необходимым часть его процитировать, так как содержимое напрямую связано с темой настоящей книги.

02.12.87 г. ...Наконец, собралась написать, всё некогда. Сейчас 9.10, а в 10 ч. я уложу Алёшу [мой внук, сын Эльвиры] спать. Спит он 25-30 минут и всё. Теперь, когда начал ходить, так только и смотри – всё тянет, а печка топится. Очень любит крутить телевизор. Утром надо всё убирать, обед готовить, стирать. Было у нас 1 неделя очень холодно (до -27°). Сейчас опять -7° – -9° и кажется совсем тепло. Эльвира работает. Неделю тому назад она уехала на 3 дня в Сары-Озек [место службы мужа], чтобы отлучить от груди и мне было весело. Я уже говорила, мне сейчас легче пойти пешком на кладбище и не вернуться – очень, очень мне тяжело и ещё молчать на всякие эмоции и слушать обиды жизни. Я научилась молчать, но очень трудно и физически и морально. Ведь некому помочь убирать, а беспорядок делать есть кому. Папа хотел уйти с работы, но я ему всё говорю, что ты остаёшься человеком на работе, а если будешь дома, мы оба в дурдом попадём, да и деньги нужны – ведь разница быть вдвоём или ещё двое да ещё часто Нелли или Олег...

С сентября 1988 г. по февраль 1989 г. находился на повышении квалификации в

соответствующем институте минхимпрома в группе "резерв на замещение должности главного инженера". Много полезного узнал, написал очень неплохую, достаточно объёмную, дипломную работу, но в Томске даже некому было показать, часть её основных моментов включена в "Хронику ТНХК".

В период учёбы приобрели Москвич 2141, естественно, после продажи "Жигулей". Машина из первой партии в 6 штук, поступившей в Томск. Большой интерес автомобилистов, смотрят, щупают, пытаются перекупить. Напомню, идёт 1989 год, иномарки ещё не заполнили город, а внешний вид и устройство салона вполне приличные. Но двигатель! 72 л.с. — слишком мало для такой машины с пятиступенчатой коробкой передач.

На 75-летие папы поехали на новой машине, вторым водителем — Андрей (зять, муж Лены). Ехали по очереди, на ночёвку не останавливались. Дорога в один конец, примерно, 30 часов. Перед Талды-Курганом лопнуло колесо, но в Талды-Кургане не смогли достать запасное, просто в область ещё не поступали новые Москвичи, и, естественно, не было резины. Машина оказалась удобной в управлении и устойчивой на трассе. Да и зимой Москвич 2141 значительно устойчивей Жигулей и ни одной аварии за 4,5 года не совершил.

Не могу не привести запись из "Хроники ТНХК", напоминающую о большой глупости, совершённой автором, желавшим сделать полезное дело для ТНХК (очередной пример излишней доверчивости).

26.09.88 г. ...В субботу (24.09) на даче в Оськино появился работник ЦЛО М.А.Солодовников с местным жителем М.М.Ивановым. Представил последнего как профессионального рыбака, уволившегося с рыбзавода, имеющего собственный катер и способного ежемесячно поставлять на ТНХК 7-10 тн свежей рыбы. Я "развесил уши" и в понедельник пошёл на приём к Хандорину [генеральный директор], убеждая его принять Иванова на ТНХК. Хандорин долго не мог взять в толк, почему я этим занимаюсь, но поручил Куличевскому (руководитель подсобного хозяйства ТНХК) рассмотреть заявление о приёме на работу. Поговорил с Куличевским и после этого Иванов года четыре приезжал 2 раза в месяц на ТНХК за зарплатой. Ему помогли отремонтировать катер (привозили на ТНХК), выдали в пользование две лодки "Днепр" с хорошими моторами, купили 100-метровый невод, достали разрешение на профессиональную ловлю рыбы в определённой зоне Оби. Результат? Ни одного кг рыбы на ТНХК не поступило, разве что отдельные ответственные работники ТНХК сумели с Ивановым порыбачить или просто получить хорошую рыбу. "Рыбак" оказался обычным спившимся деревенским люмпеном. Стыдно до сих пор.

Добавлю, что лето 1989 г. было очень для меня "рыбным". Много раз ездил с Ивановым с неводом. Каждая рыбалка – несколько вёдер рыбы, в основном елец, щука, лещ, да и без стерляди не сидели. Рыбу и сушил и готовил горячего копчения. Но слишком Иванов повадился к нам с женой "пива попить". Через пару лет Надя очень резко с

Ивановыми поговорила и теперь уже лет 5 они с Надей не здороваются. Профессиональная рыбалка закончилась, но рыбы, добытой мной удочкой и бреднем, нам вполне на еду хватает. Обычно запас рыбы в морозилке используется до середины зимы.

Уж раз коснулся морозилки, то скажу, что в ней в изобилии ещё один деликатес моей добычи – грибы. В Оськино у автора два увлечения: рыбалка и грибы. В сезон, в 5.30 иду на рыбалку с удочкой, в 9 возвращаюсь, беру с собой собаку (чёрный пудель Адель, член семьи с лета 1987 г.) и за грибами. В урожайный год уже к 12 прихожу с полной корзиной, а после обеда ещё раз. Грибы сушим, солим, маринуем и замораживаем на зиму, жарим и варим. Кончается тем, что Надя начинает "бастовать", но за грибами хожу до самого снега, когда уже рыбалкой не занимаюсь.

Надя больше любит заниматься выращиванием цветов, огурцов и помидоров. И здесь нельзя упомянуть, что для теплиц, как правило, используется полиэтиленовая плёнка, наработанная по спецзаказу (не та, что продаётся в магазине). Особенно хорошо проявила себя плёнка типа "Полисветан", рецептура которой разработана в центральной лаборатории ТНХК, и под нашим же надзором несколько лет выпускалась в цехе товаров народного потребления. К сожалению, редкоземельные добавки в рецептуру существенно повышали себестоимость плёнки и многотоннажное производство организовать не удалось, слишком обнищал российский народ.

1989 год запомнился и неприятностями, последовавшими после поездки вопреки желанию

Нади в Тюмень на первую свадьбу Игоря. На свадьбе был и папа. Из Тюмени с папой поехали в Томск и тут что-то он Наде рассказал. И началось! Периодически во время семейных разборок вспоминается. Как будто я ездил на свадьбу к посторонним людям.

Первый брак Игоря быстро распался. Вторая жена – Лена (сокурсница Игоря) – смотрится очень приятно. Их сын Миша имеет типичные фамильные черты Полле.

С 01.10.90 г. начал действовать под моим руководством юридически самостоятельный научно-исследовательский центр (НИЦ) ТНХК, оформленный в виде арендного предприятия, через полтора года преобразованного в акционерное общество закрытого типа. Много лет ранее делались попытки организовать институт при ТНХК, сколько писалось в разные инстанции бумаг, сколько преодолели преград, но результата не было. Наконец, свершилось! Моему ликованию не было предела. Самостоятельное решение многочисленных вопросов дало толчок творческому росту в организационном плане. Максимальная численность НИЦ достигала 185 человек, в т.ч. 15% с учёными степенями (напомню, что много лет я был единственным кандидатом наук на комбинате). Очень скоро свои коррективы начала вносить экономическая реформа (наука в России оказалась одной из наиболее пострадавших сфер деятельности). НИЦу удалось удержаться в "самостоятельном плавании" немного менее 4-х лет. Борьба за "плавучесть НИЦ" довольно подробно описана в "Хронике ТНХК". Остапа Бендера из

меня не получилось, т.е. задействовать нелегальные финансовые источники содержания НИЦ оказался не способен.

В марте 1991 г. Надя устроила приличный 50-летний юбилей. Приехал папа с Вельдой, Аникеев из Барнаула. Праздновали в зале торжеств. Присутствовало человек 60-70, в т.ч. все ближайшие помощники из НИЦ.

Процитирую короткую запись из "Хроники ТНХК".

19.08.91. *Вышел из отпуска, начал принимать доклад Лабзовского [1-й заместитель] и вдруг в 10 утра первые сообщения ГКЧП. Потрясение трудно описать. На 3 дня полностью выбит из рабочего ритма. А сколько на ТНХК ухмыляющихся!*

Много впечатлений привёз из командировки в Германию (8 – 22 июня 1992 г.). Несколько лет оформлял, наконец, в группе заместителей директоров ряда заводов Урала, отвечающих за качество продукции, приехал в Берлин учиться. Служебные впечатления описаны в "Хронике ТНХК", здесь задержусь на бытовых деталях.

По приезду в Германию нам выдали по 600 ДМ командировочных. Поселили в гостинице на знаменитой "Унтер ден Линден" недалеко от Бранденбургских ворот и рейхстага. Первое впечатление: в парке и на лужайках вокруг рейхстага огромное количество турок с семьями, бегают тёмные дети, тут же готовят пищу. Везде торгуют русскими сувенирами, русской военной амуницией, русскими орденами – и тоже турки. Торговые ряды на подходе к Бранденбургским воротам по ассортименту напоминают Старый

Арбат того времени в Москве. Вечером Восточный Берлин и Западный отличаются как небо от земли. Западный весь сверкает, а в Восточном уже в 22 часа темнота несусветная и как-то опасно даже гулять.

Утром и днём питались в заказанных ресторанах, шведский стол, много овощей и фруктов. И пиво! Очень здорово! А по вечерам пили в номере. Пару раз нас водили в национальные рестораны, греческий и китайский. Весьма прилично! До сих пор помню заключительный ужин и комплекс из 9 блюд в китайском ресторане с завершающим жареным бананом. И всё под водку и пиво.

Через 4 года, после 3 поездок в Германию и огромных изменений в России, многие впечатления поблекли. Но как забыть: магазины, заполненные мыслимым и немыслимым товаром; удивительную всеобщую вежливость, недостижимую в России никогда; культуру обслуживания!!! Бюрократия – вне конкуренции.

Особый подтекст имела поездка в Папенбург (12-14.06). Из Берлина добирался в пятницу 8 часов с двумя пересадками. На перроне Папенбурга встречали практически все родственники. Возник даже конфликт, на какой машине меня везти. Поехали к Виктору Ремезову, здесь заночевал. На следующее утро Витя с Вовой повезли по магазинам (в субботу они работают до 12.30). Все что-то хотели подарить, давали деньги. Первый раз в жизни я выступал в роли бедного родственника, но чувствовал, что подарки и деньги дают от души. Коллективный обед с тётушками состоялся в

субботу у тёти Лизы. Дядя Ваня свозил посмотреть на знаменитую верфь. На ночь уехали за 20 км к Володе (несколько км от голландской границы).

Большое спасибо всем, уехал из Папенбурга, имея в кармане дополнительно 600 ДМ (300 ДМ дала тётя Муся и просила, чтобы никому не говорил). Кое-чего купил в Берлине для Нади и детей.

Переговорил с родственниками и в трезвом виде и за рюмкой, внимательно посмотрел, как живут, и понял, что съездил не зря. Вынес однозначное решение, что папе с мамой в Германии будет лучше, чем в Талды-Кургане. Естественно, все свои соображения довёл до родителей.

Мама в Талды-Кургане.

15 сентября выехал в Талды-Курган с Надей и Юлей провожать родителей в Германию. Цитирую небольшой отрезок из "Хроники ТНХК".

15-18.09.92. ... *Состояние тягостное! Отец лет пять твердил, что это современная работоторговля и что Горбачёв и Ельцин просто*

продали советских немцев. Не всем в СНГ понятен процесс выталкивания немцев. Видеть как казахи вселяются в родительский дом, когда ещё не вынесли чемоданы, очень тяжело. Сейчас родители материально и жилищно устроены хорошо, но для окружающего населения это просто старики из России, в отличие от Талды-Кургана, где весь город раскланивался (доктор Полле идёт).

Отъезд был наполнен мелкими приключениями, способствовавшими общей нервной перегрузке. Несколькими машинами добрались часам к 4 ночи до Алма-Атинского аэровокзала, а к обеду самолёт взял курс на Москву. Побродили по Алма-Ате и ночью улетели в Томск. Всё! Теперь в Талды-Кургане больше нас никто не ждёт!

1993 год запомнился двумя событиями. Первое – женитьба Саши. Более сотни человек участвующих, дворец бракосочетания и церковь. Наш вклад – двухкомнатная квартира. Хорошие знакомые её отремонтировали почти бесплатно, постепенно квартира заполнилась приличной обстановкой. Супружеская жизнь оказалась Саше с Наташей не под силу. Где-то через год разошлись, тем не менее временами Саша ночует в квартире, купленной Наташе родителями. А свою квартиру Саша, несмотря на моё сильнейшее противодействие, продал. На эти деньги в июле 1996 г. куплена "Волга", на которой я сейчас и езжу, а Саша пользуется моей предыдущей машиной и помогает Наде в торговых операциях.

Второе – потрясающие октябрьские события в Москве. Цитирую запись из "Хроники ТНХК".

04.10.93. Понедельник. *В Москве трагедия. Поставил телевизор в кабинете, включил радио и целый день не выходил из кабинета. Пройдут годы и потомки разберутся в целесообразности сотен жертв ради предотвращения гражданской войны в России. Пока же мы только знаем, что погибли в основном невинные люди, но ни один депутат – "защитник" Белого дома не был даже ранен. История – дама строгая – всё расставит по своим местам, жаль только, что жизнь человеческая так коротка.*

С 1.07.94 г. НИЦ под моим руководством возвращается подразделением в состав ТНХК, т.к. попытка добиться кредита в 200 млн. руб. от генерального директора для поддержки самостоятельного существования оказалась безуспешной. Мгновенно почувствовалась разница. Сплошная тягомотина, интерес к работе подрубается серостью руководства ТНХК (см. "Хронику ТНХК"). И это при сравнительно неплохой зарплате порядка \$700 (декабрь94 – январь95 2.5 - 3.0 млн. руб. при цене \$1 – 3600-4100 руб.).

31 июля поехали с Надей и Юлей в гости в Папенбург. Без приключений не обошлось. Лететь в битком набитом Ту-154 без признаков питания или питья начали из Новосибирска, через Омск; при пересадке в Оренбурге для нас не оказалось в самолёте места, а следующий рейс до Ганновера через 4 дня. Наконец, 4 августа прилетели в Ганновер. Встречали папа и Саша Машкин (муж Вельды). Температура воздуха – +36°. Ужас! И так

почти все 2 недели. Пришлось купить шорты, которых ранее никогда не носил. Основное время – поездки по магазинам, большую часть времени я находился с внешней стороны магазина. Несколько раз ездили в Голландию, произвёл впечатление Грёнинген. Запомнил здесь магазин, где в широком ассортименте свободно продаются кальяны (для курения наркотиков).

Все вечера были расписаны по визитам к родственникам и наоборот. Посетили кладбище и могилу дядя Вани, здесь же закуплено место для тёти Марты. Только папа открыто проявляет ностальгию по покинутым краям. Поразило, как он взялся подрабатывать рубкой-пилкой дубовых сучьев, на участке напротив окна, предназначенном к застройке. Гордился, что хозяйка ему с дядей Отто заплатила 300 ДМ. Но дядя Отто отказался продолжать, а папа каждое утро в 6 часов уже работал ножёвкой. Немного и я помог, пытался убедить, что ему такая работа ни к чему. Похоже, папе это очень напоминало Талды-Курган, где все щепочки от фруктовых деревьев и саксаула шли в дело и неоднократно перекладывались с места на место.

Поразило в Папенбурге обилие мест продажи подержанных машин. Убедились, что хорошую машину можно купить за 7-10 тысяч ДМ. У нас в наличии 2 тысячи, мама пыталась занять у родственников, но никто не дал. Прошли времена, когда все родственники кормились около моих родителей. На этом мечты о хорошей машине закончились.

Август 1994 г. Экскурсия по магазинам Грёнингена (Голландия). Рядом Володя Ремезов с женой.

1995 год. Пополнение среди внуков, 4 февраля у Эльвиры родилась Катя. Единственная запомнившаяся положительная эмоция года.

24 марта состоялось первое собрание акционеров ОАО "Томский нефтехимический комбинат". Неожиданно – для меня – контрольный пакет акций через подставных лиц скупил московская группа "Биопроцесс-Нипек". Дальнейшие события отчётливо показали, что "москвичи" и не собирались вкладывать средства в комбинат, а ждут удобной ситуации, чтобы выгодно акции продать. Председатель совета директоров ТНХК М.А.Могутов постоянно пьяный, даже к губернатору области на приём едет, "хорошо приняв на грудь".

Летом украли лодку со снастями, сотни лодок на берегу, а выбрали мой "Крым". Пытались искать, в т.ч. с милицией, но всё бесполезно. Поздней осенью, когда мы уже перестали ездить, ограбили дачу и унесли всё, что имело отношение к рыбалке,

и не только. Опять та же бригада районного уголовного розыска, опять акты, отпечатки. Но здесь хоть Надя содрала 4.5 млн. руб. страховки. А через пару месяцев ещё раз залезли в дачу, разбив окно. Так и не поняли, что в этот раз взяли или искали.

**07.04.95 г. Оськино. Открытие дачного сезона.
За спиной великая Обь.**

В 1996 г. основным событием была поездка в конце июня на 80-летие мамы. В этот раз по магазинам ходил мало, больше сидел дома и разговаривал. Папа редко выходит на улицу, да в этот приезд температура воздуха не поднималась выше 16°, постоянно моросил дождь. Юбилей отметили неплохо, в китайском ресторанчике, были мамины сёстры и все племянники(цы) с супругами. Очень приятно было маме получить поздравление от бургомистра и посещение пастора. Много цветов.

Из Томска я привёз картину местного художника, на которой изображён букет роз.

Надя бросила многолетнюю работу директора магазина. Периодически выезжает "челноком" в Италию и Турцию. Большой прибыли нет, тем более, что автор месяцами зарплаты не получает, но на скромную жизнь хватает. ТНХК больше стоит, чем работает, начисляемая зарплата ниже, чем в 1995 г. На 56-м году жизни начинаешь опять чувствовать собственную ущербность.

Заключение

Рядовая история? Пожалуй, нет. Иначе так бы не стремились русские немцы уехать на свою прародину.

Ещё Пётр Первый зазывал в Россию мастеровых, квалифицированных специалистов, военачальников, учёных из Европы, в первую очередь из Германии и Голландии. Российская императрица немка Екатерина Вторая организовала массовое переселением немцев на пустующие земли Украины, Поволжья...

Антинемецкие настроения в России с небольшими перерывами начали подогреваться властью уже в начале 19 века. Официальная историография противопоставляла Кутузова, в который раз сдавшего интервентам Москву, военачальникам немецкого происхождения, служивших в российской армии.

В период проведения реформ прогрессивным Александром Вторым во всех сферах начинается выдавливание немцев, подчёркивание

превосходства русских, особо наглядное в научной сфере. Чего стоит возвеличивание через 120 лет после смерти придворного поэта и фаворита императрицы Елизаветы Ломоносова до уровня величайшего учёного России всех времён. А какое же место занимает организатор Российской Академии наук великий математик Эйлер, творивший в России в том же 18 веке?

Очень быстро немецкие переселенцы в сельскую местность лишились установленных Екатериной льгот.

Россия провела массовые переселения немцев из Прибалтики во время 1-й мировой войны в 1915 г.

В 1940 г. по сговору с Гитлером все немцы из Прибалтики были репатриированы советскими властями в Германию.

Антинемецкая истерия, инициируемая властями государства, доводит великорусский национализм в 40-е годы нашего века до абсурда. Русских немцев загоняют в условия вымирания, содержат в трудармейских лагерях в худших условиях, чем пленных гитлеровцев. В то же время в Германии во время второй мировой войны свободно работали десятки тысяч граждан русской национальности (не говорю о военнопленных и репатриированных) и сотни тысяч **русских** воевали на стороне Германии. Из советской армии **всех** немцев (от рядовых до командующих крупными соединениями), стремившихся защищать свою Родину-СССР, в т.ч. дядю Теодора (см. ТАК БЫЛО), отправили в трудармейские концлагеря.

Да и через полвека после ужасной войны справедливость по отношению к русским немцам не восстановлена, признано нецелесообразным восстановление немецкой автономной республики. При этом "великие демократы" Горбачёв и Ельцин спрятались под козырёк "общественного мнения", искусственно подогреваемого коммунистическим руководством Саратова. Украинский "демократ" Кравчук, объявив о свободе возвращения немцев на Украину, исключил возможность претендовать на проживание в собственных домах, из которых люди принудительно были вывезены в 1941 г.

Беглый экскурс в историю показывает, в каком сложном положении постоянно находятся русские немцы. Отличительной чертой властей России является недальновидная национальная политика. Кто-то может сказать, что в России незаслуженно ущемляются в правах люди разных национальностей и русские, в т.ч. Но в России характерно ущемление людей именно **по национальному признаку** (евреи, немцы, крымские татары, чеченцы...) на государственном уровне. На бытовом уровне периодически происходит страшная трансформация государственной политики: "бей жидов", "дави черножопых", гнать "лиц кавказской национальности"...; в лексике — узкоглазые, фашисты, гестаповцы... Ответная реакция чрезвычайно болезненная. Животный национализм никогда к добру не приводит. История России не позволяет быть оптимистом в ожидании справедливого решения национальных вопросов. Да и что такое справедливость во взаимоотношениях

людей разных национальностей, веками совместно живущих в одном государстве?

Безнравственная государственная национальная политика особенно тяжело отражается на рождённых в смешанных браках, которых в России великое множество. В зависимости от сиюминутной ситуации "метисы" скрывают своё происхождение, называются то русскими, то евреями, то немцами, манипулируют фамилиями. То-то удивляются статистики, было в СССР 2 миллиона немцев, уехало в Германию около 2 миллионов, а теперь в России опять 2 миллиона немцев при снижении общей численности населения. Загадка для коммунистов – проводников ленинской национальной политики.

Государственная национальная политика – одна из причин неустойчивости смешанных браков. Автор, обе жены которого русские, имеет здесь свой опыт. Упоминание в семейных ссорах фашистов, гестаповцев с нажимом на национальность откладывает в сознании очень неприятный след.

Рядовой индивидуум постоянно находится в тисках обстоятельств, песчинка в столкновениях государственных машин в их стремлении к жизненному пространству, достаточно внимательно посмотреть на историю 20-го века. В России конфликт центр – регионы нарастает. Очевидно, что Россия из Москвы не в состоянии управлять гигантскими территориями с их региональными особенностями (природные ресурсы, размеры региона, плотность населения, национальный состав, климат, отдалённость от центра, транспорт и

многое-многое другое), дальнейший распад её неизбежен.

Каждый человек мечтает о достойной жизни, если не для себя, то для детей. По большей части надежды не реализуются (чего стоит история жизни дяди Отто!). Конечно, понимание достойной жизни постоянно меняется. Ликвидация железного занавеса способствовала массовым поездкам за границу, первые впечатления – шоковые. Россиянин увидел, как живут рядовые труженики в развитых странах, как высок уровень социальной защиты населения. Но шоком сыт не будешь. На создание системы хозяйствования в "медвежьей" России, способной обеспечить аналогичный уровень жизни детей, активного населения и пенсионеров, уйдёт не одно десятилетие. Жизнь же человека так коротка!

Массовая миграция русских из стран СНГ делает проблему немцев для властей России малозначимой. Чем больше немцев уедет из России, тем больше рабочих мест останется. Но замена не эквивалентна. Немцы, в основном, уезжают в Германию из сельской местности, а русские хотят жить в городах России. Легко узнаваемы пожилые русские немцы-труженики в Германии: женщины в платочках, мужчины в кепках-восьмиклинках, уж очень отличаются от местных старожилов. Но в России ветераны так выглядят в глухой провинции. По переселенцам немецкой национальности и их родственникам в Германии создаётся явно превратное впечатление о жизни в России, в т.ч. и о желании и способности россиян работать.

Позиция Германии в приёме своих "блудных детей" непоследовательна. В стране проживают

более 6 миллионов турок, а переезд русских немцев начали активно тормозить, прежде всего, с помощью классической немецкой бюрократии. Чего стоит последнее решение Верховного суда Германии, ограничивающее приём переселенцев из России, слабо владеющих немецким языком. Ещё несколько лет назад переселенцы из России в течение года обучались немецкому языку за счёт государства.

А где русские немцы могли освоить свой язык? На уроках немецкого языка в русской школе? Посмотрите выше, при поступлении в 5-й класс мне не разрешили учиться в группе с немецким языком. Можно сказать, что сейчас такого нет, и Юлия изучала немецкий язык. Но общеобразовательная школа не даёт необходимого уровня знания языка, более того всеобщая компьютеризация приводит к необходимости освоения английского языка. Бытовым немецким языком преимущественно владеет старшее поколение малограмотных немцев из числа компактно проживающих в сельской местности. Много причин незнания большинством русских немцев языка предков можно перечислять (огромное количество смешанных браков в т.ч.), но главное – дискриминация по национальному признаку.

Дискриминация немцев в СССР наглядно проявилась и в том, что процент образованных русских немцев гораздо ниже, чем был до последней войны в сравнении с другими национальностями России. Минимум 2 поколения русских немцев, принудительно расселённых в отдалённые сельские и шахтёрских регионы

(школы начальные, семилетние и ремесленные училища) лишены были возможности получить среднее и высшее образование. Вспоминаю, что в первом классе со мной учились несколько немцев 10-11 лет, естественно, более 4-5 классов такие ребята не кончали и в 14-16 лет начинали работать. Да и как хоть часть из них могла выучиться, если свободный выбор места проживания исключён, а передвижение немцев до 1956 г. предельно ограничено.

В нынешней России единственный действующий "мастодонт" из русских немцев довоенной подготовки – академик Раушенбах, сотрудник ракетчика Королёва. А 60-70 лет назад СССР гордился академиками Робертом Вильямсом, Отто Шмидтом, большим количеством профессоров в ведущих ВУЗах страны, крупными инженерами и строителями из лиц немецкой национальности.

Спустимся на землю. В момент завершения настоящей книги автор опять находится в глубоком кризисе. В основе комплекс причин, объективных и субъективных.

Руководство России занимается внутренними разборками и у него не доходят руки до крупных периферийных промышленных предприятий. Руководство субъекта федерации (губернатор) не в состоянии влиять (а может и не хочет!) на московских "владельцев" ТНХК, дело дошло до того, что расчётный счёт комбината находится не в Томске, а в Москве.

Основные производства ТНХК практически не работают. Зарплата задерживается на 3-4 месяца, причём её уровень существенно меньше, чем в 1995

г. Сократился и продолжает сокращаться НИЦ (на 19.11.96 г. – 82 человека).

Неприятности на работе способствуют созданию атмосферы недовольства в семье.

Казалось бы, живём неплохо. Есть квартира, дача, машина, гараж. Кроме перечисленного, на чёрный день нет ничего. Нет сберкнижки. Зарабатываемых средств хватает только на скромное проживание. В тяжёлую финансовую проблему превращаются попытки поехать в гости к родителям, тем более с семьёй. О курортах давно забыли.

Проходят месяцы раздумий. Надежда увидеть во главе комбината людей, способных вывести ТНХК из кризиса всё меньше и меньше. А руководителей, понимающих важность НИЦ для ТНХК, ещё меньше. Серость большинства ведущих работников управления комбинатом удручает. Ресурсы комбината, в т.ч. интеллектуальные, разворачивают в масштабах, которые невозможно было раньше представить. С зарплатой постоянные трудности, а ряд руководителей строит миллиардные особняки, покупает квартиры себе и детям, отдыхает с семьями на Канарах... Невозможно наблюдать разрушение комбината, вопиющий развал организации труда и ощущать при этом собственную беспомощность.

Вот здесь-то и вспоминаешь добрым словом "застойные" времена, когда жёсткий контроль за руководителем осуществлялся с двух сторон: обком КПСС и министерство. Неспособных организаторов, открытых пьяниц и руководителей, погрязших в коррупции, своевременно

отбраковывали. Акционирование ТНХК позволило небольшой группе набить карманы, а то, что комбинат основное время стоит, президент России виноват.

Карьера автора имеет несколько крутых поворотов: зачисление в университет (17 лет); поступление в аспирантуру (22 года); успешный конкурс в Тюменский индустриальный институт (27 лет); уход из ВУЗа на Томский нефтехимический комбинат (36 лет); организация научно-исследовательского центра (49 лет). Сейчас автору 55 лет.

Полтора года интенсивной работы над "Хроникой ТНХК" и настоящей книгой как-то отвлекали от производственных неприятностей.

Что дальше? Гнить на ТНХК до пенсии? Или бросить комбинат к чёртовой матери и искать другую работу?

Возраст, положение и известность в Томске не позволяют автору делать резкие движения, тем более, что Томск перенасыщен ищущими оплачиваемую работу учёными высшей квалификации. Богатый опыт организаторской работы (см. "Хронику ТНХК") откровенно пропадает. В то же время личная пробойность никогда не была сильной чертой характера автора. Попытка через вызов от родителей устроиться на работу в России в одном из совместных российско-германских предприятий (предварительные переговоры проведены в Берлине) была пресечена немецкой бюрократией и слабой подкованностью мамы и папы в вопросах юриспруденции Германии. Физических и нравственных сил ходить по

немецким чиновникам у мамы с папой уже нет. Да я и в мыслях не держал переезжать в Папенбург, аналог Талды-Кургана своей величиной, тишиной, зеленью и малым числом промышленных предприятий. Речь шла о получении гражданства Германии и работе в России. Не один раз приходилось публично объяснять, что обе жены мои – русские, пять внуков, дети имеют русских супругов и моя Родина – Россия. Да бог с ним, с немецким гражданством! Проживём!

Завершаю! Надеюсь, что среди младших Полле найдутся ещё последователи папы и семейная хроника будет продолжена. Было бы очень хорошо иметь варианты на немецком и русском языках. Русский язык – родной для российских Полле, немецкий язык – язык наших предков и родной для германских Полле. Может меняться родной язык, но не меняется наша Родина – Россия (СССР)!

22.04.98 г. Папенбург. Папе 84 года.

Последняя совместная с мамой фотография.

Город Томск. 19.04.95 г.– 21.11.96 г.

